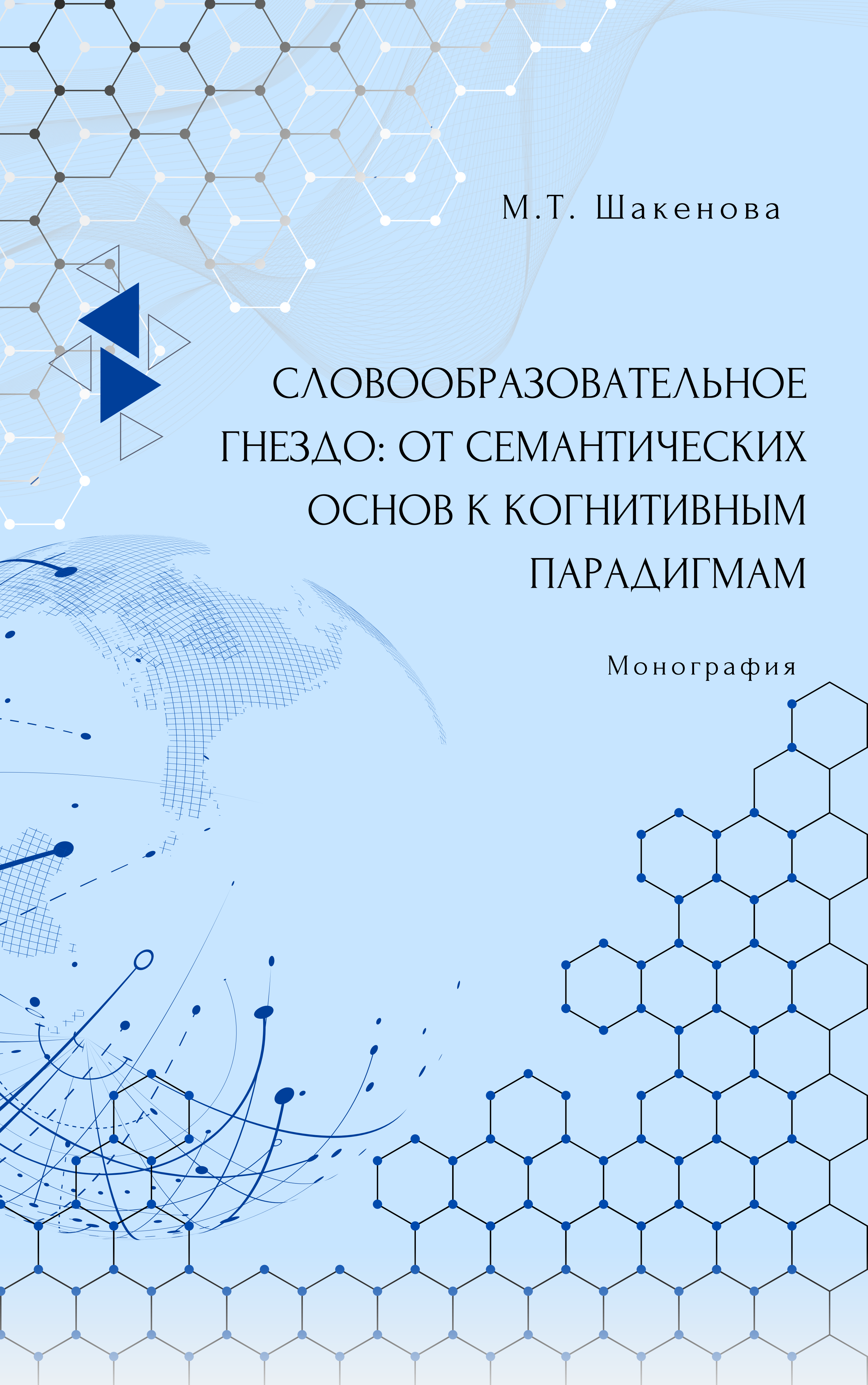

М.Т. Шакенова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
ГНЕЗДО: ОТ СЕМАНТИЧЕСКИХ
ОСНОВ К КОГНИТИВНЫМ
ПАРАДИГМАМ

Монография

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова

М.Т. Шакенова

*Словообразовательное гнездо:
от семантических основ к когнитивным парадигмам*

МОНОГРАФИЯ

Шымкент 2025

УДК 80/81
ББК 81.2
Ш17

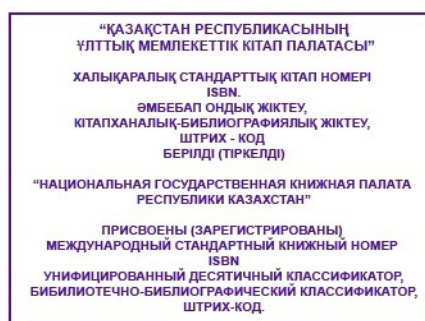
Шакенова М.Т. Словообразовательное гнездо: от семантических основ к когнитивным парадигмам/ Монография. – Шымкент: Южно-Казахстанский университет им.М.Ауэзова», 2025. – 164 с.

ISBN 978-601-08-4919-8

Монография «Словообразовательное гнездо: от семантических основ к когнитивным парадигмам» посвящена исследованию словообразовательных процессов через призму семантики и когнитивной лингвистики. В фокусе исследования находится словообразовательное гнездо как многоуровневая единица языка, которая объединяет производные слова вокруг исходной лексемы, выступая ключевым механизмом номинации и когнитивной категоризации. В исследовании интегрированы существующие в современной дериватологии подходы, такие как синхронно-диахронический, семасиолого-ономасиологический и когнитивно-номинативный подходы и применены к анализу словообразовательных гнезд на примере одного исторического корня. Монография предназначена для студентов, магистрантов, докторантов образовательных программ направления «Язык и литература», а также для всех, кто интересуется вопросами дериватологии, исторического словообразования и когнитивной лингвистики.

Рецензенты: Хольгер Куссе, д. филол. н., профессор Дрезденского Технического университета, А.Р. Бейсембаев – д. филол. н., профессор Инновационного Евразийского университета, Б.М. Тлеубердиев – д. филол. н., профессор ЮКУ им. Ауэзова

Монография рекомендована к изданию Ученым советом ЮКУ им. М.Ауэзова, протокол № 8 от «30» января 2025 г.

©НАО «Южно-Казахстанский университет им. М.Ауэзова», 2025
©М.Т. Шакенова, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография «Словообразовательное гнездо: от семантических основ к когнитивным парадигмам» посвящена исследованию словообразовательных процессов через призму семантики и когнитивной лингвистики. Центральной темой работы является словообразовательное гнездо как многоуровневая единица языка, которая объединяет производные слова вокруг исходной лексемы, выступая ключевым механизмом номинации и когнитивной категоризации.

Экспансионизм, как один из ведущих принципов современной научной парадигмы, диктует расширение объекта лингвистического исследования [1]. Современные исследования словообразования акцентируют внимание на междисциплинарном подходе, позволяющем соединить структурно-семантические [2] и функциональные аспекты с когнитивным измерением языка [3]. Словообразовательное гнездо в этом контексте рассматривается не только как результат системных языковых процессов, но и как отражение ментальных операций, лежащих в основе номинации, категоризации и интерпретации мира.

Работа опирается на базовые принципы синхронного и диахронного анализа, а также интеграции семасиологических и ономасиологических подходов [5], что позволяет изучить словообразовательное гнездо в его динамике: как формально-структурное образование, как систему семантических отношений и как когнитивный феномен, отражающий процессы концептуализации и структурирования знаний.

Многогранность словообразовательного гнезда заключается в его возможности развивать свою структуру на уровнях парадигматики и синтагматики, в связи с чем данную языковую единицу можно рассматривать как определенную формальную и семантическую, организацию и когнитивно-номинативную парадигму в синхронии и диахронии. В русском языкознании словообразовательное гнездо неоднократно становилось объектом многочисленных исследований, в фокусе внимания которых оказывались его формальные, семантические, грамматические особенности, развитие семантики производящего и производного слова в структуре данной языковой единицы и др. В данной монографии при исследовании словообразовательного гнезда интегрированы такие подходы, как синхронно-диахронический, семасиолого-ономасиологический и когнитивно-номинативный аспекты.

Исследование включает анализ ключевых компонентов словообразовательного гнезда, таких как:

- формальная парадигма, описывающая структурные связи между производными словами;
- семантическая парадигма, выявляющая системы значений, организованных вокруг исходного слова;
- когнитивная парадигма, раскрывающая концептуальные механизмы, лежащие в основе словообразовательных процессов.

Особое внимание уделено взаимодействию когнитивного и семантического потенциала слова в контексте словообразовательного гнезда. Подчеркивается, что гнездо является не только инструментом организации лексического пространства, но и ключом к пониманию того, как язык структурирует знания и культурные смыслы.

Монография адресована широкому кругу специалистов: лингвистам, когнитивистам, преподавателям и студентам, а также всем, кто интересуется вопросами взаимодействия языковых и когнитивных процессов. Представленный материал открывает новые перспективы в изучении словообразования, способствуя углублению знаний о языке как динамической и когнитивной системе.

Выражаю надежду, что результаты исследования вдохновят читателей на дальнейшие поиски в области дериватологии и когнитивной лингвистики, способствуя осмыслению глубинных механизмов, формирующих языковую картину мира.

1.1 Подходы к изучению словообразования: синхрония, диахрония, семасиология, ономасиология

Лингвистика конца XX века и начала XXI века характеризуется полифоничностью взглядов на язык и тенденцией к синтезу научно-исследовательских направлений. В современной дериватологической науке активно разрабатываются подходы, нацеленные на исследование отдельных аспектов языка, с одной стороны, и подходы, объединяющие разные аспекты исследования языка, с другой стороны. К подходам первого типа относятся синхронический и диахронический подходы (Е.А. Земская, А.Н. Тихонов, В.Н. Немченко, А.И. Моисеев, Л.К. Жаналина и др.), ономасиологическое и семасиологическое направления (Е.А. Земская, А.Н. Тихонов, В.В. Лопатин, Е.С. Кубрякова, Е.Л. Гинзбург, Л.В. Сахарный, М.Н. Янценецкая и др.). К подходам второго типа можно отнести активно разрабатываемые подходы интегративного характера: синхронно-диахронический аспект (И.С. Улуханов, Л.К. Жаналина, Н.Ф. Крылова, М.Т. Шакенова), статико-динамический подход (Г.С. Зенков), семасиолого-ономасиологический аспект (Л.К. Жаналина, Н.Ф. Крылова), когнитивно-ономасиологический анализ (Е.А. Селиванова), подход к образованию и функционированию слов как непрерывному деривационно-мотивационному процессу (Н.Д. Голев) и др.

В условиях лингвистического экспансионизма, требующего расширения объекта исследования и раскрытия его разных аспектов, существует необходимость в интеграции существующих подходов в исследовании данного объекта. В настоящем исследовании мы разработали интегративный подход в исследовании комплексной единицы дериватологии – словообразовательного гнезда. Данный подход позволяет наиболее полно описать язык как определенную систему, раскрыть специфику его функционирования и изменения в процессе исторического развития. Предложенный нами подход основан на идее интеграции таких ведущих подходов, как синхронический и диахронический, семасиологический и ономасиологический, функциональный и

когнитивный подходы. Целостность данного подхода заключена в специфике объекта дериватологии, так как словообразование отражающее статику и динамику номинации, ее развитие и отражение в системе языка.

1.1.1 Временные аспекты: синхронический и диахронический анализ

Вопросы разграничения понятий синхронии и диахронии в языке, определения областей и задач синхронических и диахронических исследований были и остаются одной из актуальных проблем лингвистической науки и находятся в центре исследования ученых разных поколений.

Одним из первых лингвистов, обративших внимание на вопросы разграничения понятий синхронии и диахронии, считается И.А. Бодуэн де Куртенэ. В его работах можно найти разграничение статической и динамической лингвистики, явлений *Nebeneinander* (сосуществования) и *Nacheinander* (последования) в фонетике и грамматике. Различая статику и динамику в языке, И.А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал доминирующую роль именно динамики: «Нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай его динамики или скорее кинематики» [5,387]. И.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, как и их учитель И.А.Бодуэн де Куртенэ, показали изменчивость структуры членимого слова, открыли закон передвижения границ между морфемами в слове [5]; [6]; [7].

Фундаментальное значение в разработке проблем определения синхронии и диахронии внесли труды швейцарского ученого Ф.де Соссюра. По его мнению, слова «синхрония» и «диахрония» обозначают «состояние языка» и «фазы эволюции». Ученый отмечает, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [8]. Синхроническое и диахроническое противопоставлены по ряду признаков – языковых и внеязыковых [8,79-137] (см. таблицу 1), и такое противопоставление между диахроническим и синхроническим, по мысли ученого, проявляется всюду и не требует компромисса [8, 88].

Таблица 1 – Противопоставление синхронии и диахронии (по Ф.де Соссюру)

при знаки	языковые	синхрония	диахрония
		системность	асистемность
		грамматика	фонетика
		язык	речь
	внеязыко- вые	статика	динамика
		одновременность существующих явлений	последовательность
		воспринимается одним коллективным сознанием	не воспринимается одним и тем же коллективным сознанием

Несмотря на распространение, многие положения из соссюрковского определения синхронии и диахронии были подвергнуты критике.

1) Тезис о системности синхронии и бессистемности диахронии был отвергнут представителями Пражской лингвистической школы, поскольку обоим понятиям свойственен системный характер [9]. Эта мысль неоднократно подтверждалась в последующих исследованиях ученых. Р.А. Будагов, анализируя труды Ф.де Соссюра и его последователей, отметил неправомерность искусственного и формального противопоставления системы и истории, синхронии и диахронии: «Диахрония иногда прямо, а чаще всего скрыто или косвенно присутствует в синхронии, ибо сам язык – это всегда процесс, а не мертвое равновесие. Вместе с тем очевидно и другое <...>: если правильно понимать систему языка, то «вторжение истории» не только не опровергает системного характера языка, но делает подобный характер более жизненным, приближает структуру языка к реальному языку со всеми его осложнениями, «исключениями», а нередко и внутренними противоречиями...» [10,231].

«В силу известной автономности узловых подсистем языка, – пишет Е.С.Кубрякова, – некоторые частные виды изменений ... приводят не к разрушению старой системы и даже не к перестройке всей системы в целом, а к перераспределению элементов и связей внутри отдельных подсистем. [...] Система безусловно присутствует в диахронии и даже предопределяет в известной мере направление развития языка» [11,114-116]. По мнению ученых, «асистемность связана с преемственностью в развитии языка. Она свойственна пришедшим в современный язык

явлениям, но объяснимым с точки зрения истории языка, а не синхронных системных связей. В самой же диахронии эти явления системны. Новые же изменения, не соответствующие синхронной системе, обновляют ее и готовят переход синхронии в диахронию, тогда как факты истории в языке отражают переход диахронии в синхронию» [12,91].

2) Сомнение ученых вызвало разграничение синхронии и диахронии в языке на основе противопоставления грамматики и фонетики. По мнению Ф. де Соссюра, признаками грамматики являются системность, устойчивость, статичность, а фонетики – асистемность, изменчивость и динамичность. Из этого следует, что грамматика – это область синхронии, фонетика – сфера диахронии. Однако, как отмечает Э. Косериу, изменения – это непрерывное создание системы [13,143]. Язык есть система, следовательно, системность – черта каждого его уровня, в т.ч. грамматического и фонетического. Только признаки статики и системности проявляются в них по-разному. Например, грамматика более системна и статична, чем лексика, и менее динамична, чем фонетика [12,91]. «В любой ‘хронии’ язык всегда остается системой и структурой <...> и ‘факты’ языка обладают подлинной исторической реальностью, как члены системы и структуры» [14,38].

3) Не все ученые согласны с таким разделением синхронии и диахронии, связанное с дихотомией «язык - речь». Язык системен и статичен, в отличие от речи, асистемной и динамичной. Однако, как правильно отметил Э. Косериу, «не только все диахроническое, но и все синхронное в языке является таковым только благодаря речи, хотя речь в свою очередь существует только благодаря языку» [13,157]. Иными словами, язык отражается в речи, поэтому изменения в речи со временем проявляются в языковой системе.

4) Подвергается сомнению соссюрское положение о противопоставлении синхронии и диахронии как статики и динамики. Поскольку язык находится в постоянном развитии, статика представляет собой отсутствие изменений, а не отсутствие движения. Ученый Е.С. Кубрякова, таким образом, считает, что следует различать динамику функционирования языка от динамики исторического развития: «описание языка в синхронии (определенном состоянии) есть описание известного куса объективной действительности, среза, выбранного из общего потока развития языка (истории) на основании ряда определенных признаков, в частности, по отсутствию изменений. В то же время отсутствие изменений не означает отсутствия движения и нельзя провести равенства между подвижностью и его изменчивостью» [11,117].

Синхронии и диахронии присущи как динамика, так и устойчивость. Р.Я. Якобсон об этом пишет: «Проблема устойчивости, статики во времени становится неотъемлемой проблемой диахронической лингвистики, в то время как динамика, взаимодействие субкодов внутри языка в целом, вырастает в один из центральных вопросов лингвистической синхронии» [15,104]. «Динамика синхронии, - отмечает Л.К. Жаналина, - это функционирование языка и подготовка, накопление изменений. Динамика диахронии – это закреплённые нормой изменения. Особенность проявления признака статики в разных временных планах языка связана ... с признаком системности» [12,91].

5) Наибольшее распространение в лингвистической науке получил тезис Ф. де Соссюра о развитии языка во времени, им выделены две оси: ось одновременности и ось последовательности. Данные понятия активно применяются учеными в разных терминологических словарях (см. таблица 2, курсив в таблице наш – М.Ш.).

Таблица 2 – Синхрония и диахрония и их дефиниции

Диахрония	Синхрония
« <i>Путь во времени</i> , который преодолевает каждый элемент языка, как часть языковой системы; историческое развитие системы в целом как предмет лингвистического изучения» [16, 133]	«Условное выделение одного состояния, <i>одного исторического этапа</i> в развитии языка как предмета лингвистического изучения» [16,411]
«Историческая <i>последовательность</i> развития отдельных языковых явлений и развитие языка в целом» [17,89]	«Состояние языка <i>на определенном этапе</i> исторического развития в качестве цельной системы лексических, грамматических и фонетических элементов как предметов лингвистического изучения» [17,355]
«Историческое развитие системы языковой как предмет лингвистического исследования; исследование языка <i>во времени</i> , в процессе его развития <i>на временной</i>	«Состояние языка <i>в определенный момент</i> его развития как системы <i>одновременно</i> существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов; совокупность фактов языка как

оси» [18, 136]	«единственной и подлинной реальности», данной говорящему и используемой им в процессах коммуникации; период в развитии языка, выделенный условно по признаку отсутствия в нем изменений или же несущественности последних» [18,451]
----------------	---

В понимании синхронии и диахронии, как показывает таблица 2, можно выделить два аспекта: онтологический и гносеологический. Первый аспект рассматривает обе «хронии» как определенные формы существования языка: диахрония – путь языка во времени; синхрония – состояние языка на определенном этапе развития языка. Однако следует отметить, что в лингвистической литературе нередко происходит замена понятия «синхронический» на «современный». Гносеологическая сторона определения связана с пониманием синхронии и диахронии как разных подходов к изучению языка, но взаимосвязанных и дополняющих друг друга. Так, во многом синхронное рассмотрение языка предшествует диахроническому, поскольку второе (диахроническое изучение) связано с сопоставлением двух исследуемых синхронных срезов. Диахронические исследования позволяют объяснить особенности функционирования языка во времени, в том числе и синхронии [18,136].

Использование понятий синхронии и диахронии, а также их разграничение очень важно для синхронного и исторического словообразования, что обусловлено спецификой самого объекта исследования: словопроизводство – само по себе уже процесс появления слов. Понимание словообразования как процесса позволило О.Н. Трубачеву и некоторым другим ученым утверждать, что «синхронное есть не что иное, как функциональный аспект словообразования вообще», а «словообразование едино и, как таковое, оно по преимуществу исторично» [19,17]. В связи с этим процессуальность явления словообразования уже свидетельствует об его историчности. Однако исторический подход не должен исключать при изучении фактов современного словообразования «живых» явлений, постоянно функционирующих и развивающихся.

По мнению А.И. Моисеева, словообразовательная наука прошла четыре этапа и находится в данное время на четвертом. Первые три этапа – это (1) разграничение первообразных и производных слов (истoki

восходят к работам М.В. Ломоносова); (2) разграничение производных и производящих слов (в работах В.А. Богородицкий и др.); (3) исследование структуры (морфемного состава) и собственно словообразования (работы Г.О. Винокур и др.) Четвертый этап связан с противопоставлением синхронии и диахронии в его объекте, в образовании слов [20, 97-98].

Данный четвертый этап в развитии словообразования включает 5 подэтапов.

1) Первоначальной задачей дериватологии было обозначение общих признаков разграничения синхронного и диахронического словообразования (Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, В.Н. Немченко и др.). Проблема разграничения синхронии и диахронии, неоднократно отмечали ученые, является одной из главных задач современной науки о словообразовании. В словообразовании до сих пор не определены границы синхронного и диахронного аспектов изучения, не разработана методика синхронного и диахронного описания материала [21]; [22]; [23].

Основанием для разграничения синхронии и диахронии (не только в словообразовании) Е.С.Кубрякова считает способы протекания динамики. Ею противопоставлены динамика-движение (переинтеграция или варьирование) и динамика-изменение (собственно изменение в процессе развития языка) [11,119-120].

При разграничении синхронии и диахронии В.Н. Немченко попытался разработать критерий «характер изменений», выделяя количественные и качественные изменения. По его мысли, «принципиальное различие между диахронией и синхронией проявляется в том, что диахрония отражает процесс развития языка и отдельных его элементов как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений, которые и фиксируются в синхронном состоянии языка» [22,49-50]. Однако, в связи с тем, что «отсутствует, – как справедливо отмечает Л.К. Жанакина, – ясность относительно того, какие же изменения следует считать качественными, то получается, что вместо одной проблемы возникает две» [12,90].

Разграничение синхронического и диахронического у Е.А. Земской связана с признаком «одновременность – последовательность». По мнению ученого, «синхронное словообразование изучает отношение сосуществующих единиц», а диахроническое исследует «процессы превращения одних единиц в другие» [23,5-6].

Л.К. Жанакиной утверждает, что синхрония характеризуется динамикой-функционированием (воспроизводство мотивированных слов,

производство неологизмов) и динамикой-изменением (подготовка развития (сдвиг), диахронии свойственна динамика–изменение как развитие (закрепление сдвига в языке). Соотношение синхронии и диахронии в словообразовании с позиции статики и динамики Л.К. Жаналина представила в виде таблицы (см. таблицу 3) [12,110-111]:

Таблица 3 – Виды динамики языка

Динамика				
Изменение		Функционирование		
Синхрония	Диахрония	Синхрония		
Подготовка развития (сдвиги) – синхрония	Развитие (закрепление сдвига в языке – диахрония)	Воспроизводство языковых единиц	Производство языковых единиц	
			Реальное производство (неологизмы – производные слова)	Следы производства (мотивированные слова)

Динамика синхронии (деятельностный план языка), как отражено в таблице Л.К. Жаналиной, переходит в динамику диахронии (генетический план языка), а динамика диахронии переходит в динамику синхронии.

2) Второй подэтап можно охарактеризовать как синхронное словообразование. В этот период оформляется системно-структурное направление словообразовательной науки, активно разрабатываются проблемы системности в словообразовании, изучаются комплексные единицы современного словообразования (Е.А. Земская, Н.М. Шанский, З.А. Потиха, А.Н. Тихонов и др.). Большую роль в развитии этого подэтапа сыграл Словообразовательный словарь А.Н. Тихонова.

3) Важным подэтапом в становлении словообразовательной науки стало изучение словообразования с позиции диахронического аспекта, поскольку понятия развития и эволюции, по мнению ученых, становятся основой лингвистического мышления [4]. Важность исследования словообразования с диахронической точки зрения вызвано: 1) спецификой объекта исследования, поскольку словообразовательные процессы разворачиваются во времени; 2) малоизученностью исторического

словообразования как дисциплины в сравнении с синхронным словообразованием и другими историческими дисциплинами (историческая фонетика, грамматика); 3) недостаточной разработанностью проблем исторического словообразования, что отрицательно влияет на решение вопросов теоретического словообразования [24,6]. Исследование проблем исторического словообразования позволяет прежде всего понять специфику развития дериватологической системы языка.

В научной литературе можно встретить работы, в которых раскрываются частные и общие теоретические проблемы исторического словообразования, в том числе на конкретном языковом материале, к примеру, на истории развития корневых и аффиксальных морфем, словообразовательных способов, значений, типов, моделей и гнезд [25]; [26]; [27]; [28]; [29]. Актуальными и малоизученными вопросами для исторического словообразования являются составление и описание типовых и конкретных словообразовательных парадигм, цепочки гнезд на разных исторических этапах языка. Монография Г.А. Николаева «Русское историческое словообразование» представляет собой попытку обобщения теоретических знаний в области диахронической дериватологии.

И.С.Улуханов в статье «Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка» отмечает, что задача дериватологии сегодня – создание полного обобщающего описания конкретного материала, выработка системы единиц и терминологического аппарата, определение методов их описания [30,3-16]. Им определены следующие предпосылки для реализации такого описания: 1) необходимость обобщения существующих конкретных описаний и теоретических исследований разного характера; 2) развитие исторической лексикографии, представленной в виде словарей русского языка XI-XVII вв. и древнерусского языка XI-XIV вв. и их картотек. Историческая лексикография, по мнению ученого, имеет фактографическое и теоретическое значение, поскольку позволяет судить «о степени частотности и продуктивности различных типов мотивированных слов и словообразовательных средств, о сфере распространения каждого мотивированного слова..., о степени узуальности и окказиональности всех словообразовательных единиц изучаемой эпохи» [30,5-6].

4) Следующий шаг в дериватологии связан с разграничением синхронии и диахронии с точки зрения специфических для словообразования признаков. Необходимым условием для исследований в области дериватологии является четкая дифференциация синхронического

и диахронического. «Смешению этих фактов способствует, в частности, то обстоятельство, что многие явления диахронии и их «снятые» отражения в синхронии называются одними и теми же терминами, которые могут быть либо диахроническими по своей внутренней форме («словообразование», «способ словообразования», «усечение», «чередование» и др.), либо синхроническими («структура слова», «словообразовательная связь», «соотношение», «тип», «гнездо», «парадигма», «цепочка»))» [31,6].

По мнению В.Н. Немченко, основной задачей словообразования в свете проблемы синхронии и диахронии является уточнение понятий и изучение способов словообразования и словообразовательной производности [22,49].

При разграничении синхронии и диахронии используется понятие способа словообразования. В сложившихся традиционных теориях о способах образования слов принцип противопоставления синхронии и диахронии в словообразовании часто не учитывается. Так, В.В. Виноградов, предложивший первую научную систематизацию многообразных способов словопроизводства в русском языке, выделял такие способы («типы»), как морфологический (аффиксальный), морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический способы [32]. В настоящее время классификация В.В. Виноградова сохранила свое значение и используется как основа современных типологий (Е.А. Земской, Н.М. Шанского и др.), различающихся терминологическим аппаратом и количеством выделяемых способов словопроизводства [23]; [33]; [34]. Наиболее последовательно идея различения способов синхронического и диахронического словообразования представлена в теории В.Н. Немченко, где они противопоставлены по следующим параметрам: понятие способа словообразования в зависимости от общего понимания словообразования в его диахроническом и синхроническом аспектах; задачи исследования и характер словообразовательных средств (см. таблицу 4) [33,112-120]:

Таблица 4 – Способы словообразования с позиции синхронии и диахронии

Способы синхронического словообразования		Способы диахронического словообразования
Определение	Свойство синхронически производного слова, определяемое характером словообразовательного форманта и отражающееся наше представление (психологический процесс)	Исторический процесс создания новых слов; одно из конкретных проявлений процесса словообразования, в результате которого возникает новая словарная единица (онтологический процесс)
Задачи исследования	Как, при помощи каких средств представляется производное слово с точки зрения его формально-семантических связей с производящим словом или сочетанием на том или ином этапе развития языка	Каким путем, с помощью каких средств создается производное слово

Как видно из таблицы, способы синхронного словообразования являются, в первую очередь, показателем словообразовательных отношений, упорядочивающих производные слова в системе современного языка, способы диахронического словообразования обслуживают словообразовательные процессы. В синхроническом словообразовании, по мнению ученого, не реализуются способы редеривации, лексико-синтаксического и лексико-семантического способов [22,52-54].

С позиции разграничения синхронии и диахронии представляет интерес изучение словообразовательных отношений. В решении этого вопроса ученые шли от неразграничения словообразовательных отношений в синхронии и диахронии к четкой их дифференциации на основе выделения общих признаков, а затем к пониманию сосуществования их в языке (на базе проанализированного языкового материала с позиции синхронно-диахронического аспекта).

А.И. Моисеев считает, что противопоставление производности и мотивации способствует затемнению «основных, наиболее важных понятий терминов словообразования..., в т.ч. и производности слов,

лежащей в основе всего явления словообразования», поскольку «если нет производности слов, нет производных и производящих слов, то нет и словообразования...» [20,98-99].

Е.А. Земская предлагает не затемнять производность мотивацией, употреблять термины «синхроническая производность», «диахроническая производность». «При диахроническом подходе, чтобы установить производность слова, – пишет Е.А. Земская, – надо изучить его конкретную историю» и определить, какое слово возникло первее. В связи с этим важно для определения отношений производности в синхронии, выяснить, какое из родственных слов в формально-смысловом плане проще [23,6-7].

Дифференциация производности и мотивации в контексте синхронии и диахронии в словообразовании отражена в работах И.С. Улуканова, В.В. Лопатина, Л.К. Жаналиной и др. Л.К. Жаналина в своих исследованиях отмечает коррелятивные черты мотивации и производности [35,56] (см. таблицу 5).

Таблица 5 – Производность и мотивация в контексте синхронии и диахронии

Диахрония	Синхрония
Отношения производности	Словообразовательные отношения
производимость последовательность однонаправленность дискретность одно производящее слово производящее слово в исходной или неисходной форме временная протяженность	воспроизодимость одновременность всеобщность одно или несколько мотивирующих слов мотивирующее слово в исходной форме пространственная протяженность

Таблица показывает, что мотивация обозначает отношения выводимости на уровне синхронии, производность называет диахронические отношения в словообразовательной паре. Диахронические связи слов (отношения производного и производящего слов) предшествуют синхроническим (отношения мотивированного и мотивирующего). «Отношения диахронической производности,

объединяющие две следующие друг за другом по времени слова, преобразуются в синхронные словообразовательные отношения одновременно сосуществующих слов» [12,93].

5) На современном этапе развития словообразовательной науки является разработка положений синхронно-диахронического словообразования (И.С. Улукханов [31], Л.К. Жаналина [35]; [36], Н.Ф. Крылова [37], А.К. Овчинникова [38] и др. [39]; [40]. Основой такого подхода является одновременное описание языковых единиц с позиции как диахронии, так и синхронии, при этом синхронное состояние языкового материала получает диахроническую интерпретацию. В работах И.С.Улукханова отмечается, что «... синхронно-диахроническим описанием целесообразно считать не механическое соединение в одном описании фактов истории языка и его современного состояния, а выявление их соотношения и взаимодействия и прежде всего того, в какой мере синхронные связи между существующими явлениями отражают процесс развития одного явления из другого» [31,95]. Интеграция синхронического и диахронического аспектов в один подход позволяет определить диахронические причины ослабления или разрыва формальных и смысловых связей между явлениями, осмыслить закономерности их развития и понять, как синхронное состояние, так и диахронические процессы.

При описании единиц словообразовательной системы языка существует диалектическая связь синхронного и диахронического, поскольку словообразование, «в силу диахроничности процесса возникновения новых слов и динамичности словообразовательной системы, можно глубоко и всесторонне познать только с помощью комплексного – синхронно-диахронического исследования, рассматривая слова в большом контексте языковой современности и истории» [41,16].

1.1.2 Семасиологический и ономасиологический подходы к словообразованию

Разграничение семасиологии и ономасиологии в лингвистической науке традиционно связывают с именем А. Цаунера, предложившего в 1903 году выделить новое, альтернативное семасиологическому, направление в рамках лингвистической семантики [42,346]. Однако, как считает В.П. Даниленко, попытка дифференциации двух аспектов исследования языковых единиц уже отмечалась в XIX веке в работах Р. Раска, указавшего важность семасиологического изучения и

необходимость анализа средств языкового выражения в мысли [43,110]. В это время М.М. Покровский отметил две возможные области исследования внутри семантики, первая из которых связана с изучением общих закономерностей в судьбе слов, относящихся к одной морфологической или словообразовательной категории, а вторая – с установлением того, как в языке выражается определенное понятие [18,346].

О.Есперсен различие между семасиологическим и ономасиологическим подходами к изучению языка видел в следующем: «Любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри, исходя из его внешней формы или из его внутреннего значения. В первом случае мы начинаем со звучания слова или какой-либо иной части языкового выражения, а затем переходим к значению, связанному с ним. Во втором случае мы отправляемся от значения и задаем себе вопрос, какое формальное выражение это значение находит в данном языке» [44,32-33].

Ономасиология как наука берет свои истоки в античности, а именно в античной философии с одной из центральных проблем языкознания – проблемы природы имен. Так, по мнению Аристотеля, «от природы нет имен, они получают условное обозначение, когда становятся символами, ибо ведь и нечленораздельные звуки поясняют собою нечто...» [45,8]. Гераклитом Эфесским было выдвинуто положение о том, что «имя неразрывно связано с той вещью, названием которой оно служит» [45,8]. Большое значение для развития теории номинации имеют идеи Платона, считавшего, что в языке заложена «глубокая внутренняя целесообразность, а не произвольная прихоть» [45,10].

Этап зарождения теории номинации, по мнению ученых, отличали следующие специфические признаки, показывающие синкретизм ономасиологии и ее связь с философией, семиотикой и семантикой: философское объяснение оппозиции вещи и слова; поиск семиотической закономерности соотношения вещи, понятия и имени; логическое объяснение корреляции содержательных единиц со способами понимания форм бытия вещей; герменевтическое объяснение многозначности номинативных средств языка и др. [42,10-11].

В XX веке одним из важных этапов в развитии ономасиологии можно считать деятельность Пражской лингвистической школы, указавшей на необходимость исследования слов с точки зрения выполняемой им назывной функции, то есть как результат номинативного процесса [9].

Активное развитие теория номинации получила благодаря достижениям современной словообразовательной науки, поскольку, по мнению многих ученых нашего времени, в центре номинативной деятельности находятся словообразовательные процессы. «Именно рассмотрение процессов словообразования в их динамике, – пишет Е.С. Кубрякова, – позволит уточнить и углубить наши представления о номинативной деятельности в данной области и тем самым пролить свет на ряд менее изученных проблем словообразования» [46,25].

В современной лингвистике существуют две ономаσιологические концепции: «учение о процессах называния словом и лексической объективации понятий» (узкая трактовка) и «область исследования всей номинативной деятельности в языке, отражающей и объективирующей членение мира в ходе познания его объектов и связей» (широкое понимание) [18,345].

Семасиология и ономаσιология различаются направлением лингвистического анализа: от языковой формы к содержанию (семасиология) и от содержания к языковой форме (ономаσιология). Ономаσιологические исследования носят гносеологический и онтологический характер. Онтологические корни связаны с тем, что переход от значения или смысла к формам его выражения соответствует деятельности говорящего, а переход от формы к значению – деятельности слушающего [18,346].

В работах Е.А. Селивановой обобщаются исследования в области семасиологии и ономаσιологии. Она отмечает, что в основе дифференциации семасиологии и ономаσιологии лежат два принципа. Согласно первому принципу акцент исследований сделан на внутренние-структурные особенности языковой единицы, его системные отношения с другими языковыми единицами (семасиология), и на номинативно-репрезентативный характер, апеллирующий к ориентации языкового знака на ментально опосредованную связь с объективной действительностью (ономаσιология) [42,16]; [37,10]. Вторым принципом дифференциации этих двух подходов заключается в смене научной лингвистической парадигмы, переходе с таксономической на коммуникативно-функциональную парадигму [42,17]. Так, В.П.Даниленко разграничивает два аспекта семантики, опираясь на следующие формулы: «речь – языковая система/ языковая форма – внеязыковое содержание», т.е. при семасиологическом подходе на первый план выдвигается речевая деятельность адресата, и «внеязыковое содержание - языковая форма/ языковая система – речь», иными словами

ономасиология связана с исследованием речевой деятельности, где происходит переход внеязыкового содержания в языковую форму [43,108].

М.Н. Янценецкая обозначает основной круг задач семасиологических исследований в дериватологической науке: «виды мотивационных связей производного слова; характер соотношения между ограниченным числом словообразовательных типов и многообразием производящих единиц (проблема соотношения словообразовательных и лексических значений); явления полисемии в словообразовании; объединение под знаком одного словообразовательного аффикса разных видов производящих единиц с учетом не только их типовых лексических значений, но и их частеречных характеристик и др.» [47,14-15].

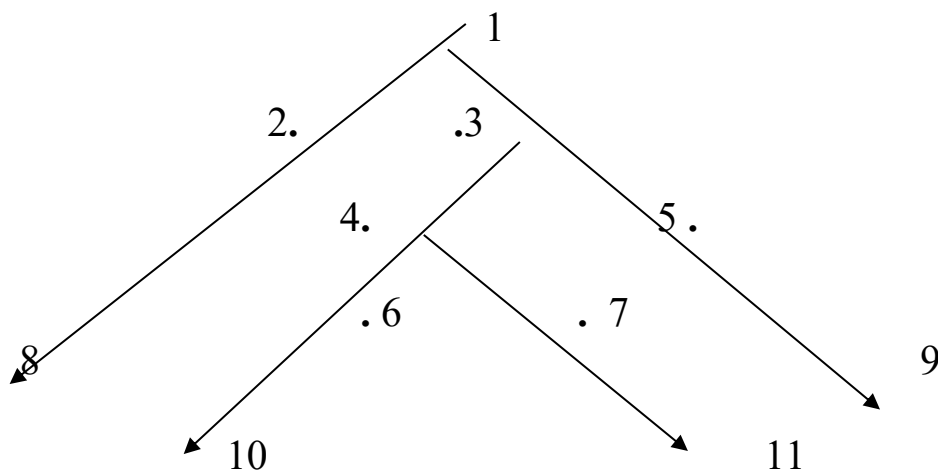
Ономасиология решает задачи изучения словообразования в динамическом аспекте, анализирует процессы и результаты номинативной деятельности человека, объясняет, «как формируются в языке обозначения для данных фрагментов окружающего нас мира в ходе его познания, какие для этого ими создаются языковые средства и формы» [18,345].

Словообразование с позиции ономасиологического подхода рассматривается как реализация производящей семантики разных частей речи по определенным словообразовательным типам в структуре комплексных словообразовательных единиц, как словообразовательная пара. Цеп, парадигма или гнездо и др. В фокусе внимания находятся такие вопросы, как соотношение классифицирующего словообразовательного значения с индивидуальным лексическим значением производного слова; явления словообразовательной синонимии и словообразовательного варьирования; закономерности «развертывания» непроизводного (исходного) слова в словообразовательную цепь; принципы словообразовательного взаимодействия слов разных частей речи и др. [47,14].

Базовыми понятиями ономасиологии является ономасиологическая структура и ономасиологическая категория. Первоначально ономасиологическая структура (понятие введено М. Докулилом в 1962 г.) понималась как бинарное образование, состоящее из ономасиологического базиса, под которым понимается фиксация принадлежности к классу предметов, признаков, действий или признаков признака, формант, и ономасиологического признака, под которым понимается уточнение и конкретизация базиса [48,61]. Е.С. Кубрякова дополнила ономасиологическую структуру еще одним компонентом

(предикат – связка), исходя из концепции предикатной природы номинации [49,14-15].

Ономасиологическая категория есть отражение частеречного статуса и показатель определенного словообразовательного класса слов со сходным СЗ. В соответствии с рисунком 1 основными ономасиологическими категориями являются общекатегориальные грамматические значения (по схеме Е.С. Кубряковой) [48,60]:

1 – называющие знаки; 2 – знаки, называющие предметы; 3 – знаки, называющие признаки; 4 – атрибуты; 5 – действия, состояния, процессы; 6 – атрибуты предметов; 7 – атрибуты действия и других признаков; 8 – существительное; 9 – глагол; 10 – прилагательное; 11 – наречие

Рисунок 1 – Общекатегориальные значения как основные ономасиологические категории

Эти частеречные ономасиологические категории, по мнению ученого, получают конкретизацию либо модификацию через словообразовательные ономасиологические категории (например, ономасиологическая категория каузативности, контражности, социативности и т.д.) [50].

По мнению В.Г. Гака, номинативная деятельность представляет собой определенные номинативные акты, основными компонентами которого являются, именующий субъект (номинатор), именование (номинант), именуемый объект (номинат), слушающий и условия общения. «Используемый номинант, – пишет В.Г. Гак, – является объединением проекций отношения номинатора и адресата (социальный фактор), отношения номинатора к номинату (субъективный фактор),

отношения адресата к номинату (его информированность о нем), признаков номината (внутренняя форма), причем выбор производится на фоне других возможных наименований» [51,242].

Несмотря на общепризнанность в ономасиологии такого понимания номинативного акта, следует отметить следующее замечание М.Э. Рут: «Номинант не может быть компонентом акта номинации, поскольку он является лишь целью, результатом данного акта. Поэтому речь может идти не о номинанте, а о языковых средствах его создания» [52,15].

В лингвистических исследованиях нередко наблюдается смешение терминов. Традиционно понятия «ономасиология» и «теория номинации» считаются идентичными [18]; [46]; [47]; [48]; [53]. Е.А. Селиванова попыталась их разграничить. Она отмечает, что они – «лишь дисциплины пересекающиеся», а не «научные отрасли одного порядка» [42,11]. Теорию номинации исследователь рассматривает как многоаспектную интралингвистическую дисциплину, тогда как ономасиология изучает номинативную подсистема языка и ее текстово-дискурсивные продукты. Отмечается, что «невозможность четкого размежевания исследовательских сфер теории номинации и ономасиологии» [42,11-12]. Авторы книги «Языковая номинация» определяют такие задачи теории номинации, как описание взаимосвязи действительности, мышления и языковых единиц, понимания процесса номинативной деятельности, механизма превращения фактов реального мира в языковой [48].

Л.К. Жаналина предлагает дифференцировать понятия ономасиологии и ономатологии (термин введен В.Матезиусом), смешение и неразличение которых в лингвистической литературе обусловлено общностью этих подходов в направлении исследований от содержания к форме. В работе, посвященной анализу современных направлений в функциональном словообразовании, ученый дает четкое разграничение этих подходов, отмечая их главное различие – понимание исходного смысла. Онтологический подход, отмечает Л.К. Жаналиной, исследует «процесс производства представляется как деятельность по генерированию формы, на процесс, характер и конечный результат которого влияет структура вербализуемой мысли и строение, структура языка, то есть экстра- и внутриязыковые факторы» [54,3]. С позиции ономасиологии «создание производного слова ориентируется на языковое значение и сближается с выбором готовой формы для известного языкового значения» [54,3]. То есть ономатология характеризуется направлением исследований от внеязыкового содержания к языковой форме, ономасиология – от языкового значения к языковой форме.

По мнению Е.А. Селивановой, разграничение ономазиологии и ономатологии является излишней, поскольку современная ономазиология объединяет в себе оба подхода. «Редуцирование спектра задач ономазиологии было возможно лишь на начальном этапе выделения ее из лингвистической семантики, дабы отграничить ее от теории номинации, представленной как ономалогия» [42,17]. Сближение этих направлений связано с тенденцией к эксплаторности в науке, с расширением междисциплинарных связей и стремлением к интегративности. Поэтому современная ономазиология привлекает данные психолингвистики, антропо- и этнолингвистики, когнитивистики. На современном этапе развития семасиологии и ономазиологии лингвистическую науку отличает многообразие направлений в изучении языковых единиц, пытающихся объединить задачи исследования для многостороннего описания своего объекта.

Термин «номинация» в большинстве языковедческих исследований рассматривается и применяется в широком понимании, поэтому существуют следующие определения, такие как лексическая, пропозитивная, дискурсивная, элементная, событийная номинация и заимствование как способ номинации (В.Г. Гак [51], Н.Д. Арутюнова [53]; [55], Ю.С. Степанов [56], А.К. Казкенова [57] и др.), «расширяя тем самым сферы ономазиологического анализа до уровня коммуникативной ситуации» [42,12].

Е.А. Селиванова выделяет 4 направления в современной ономазиологии: семантико-структурное, функциональное, текстово-дискурсивное и когнитивное [42,22-28]. Задачами структурно-семантического направления ономазиологии, по мнению ученого, является семантизация и типологизация номинативных единиц, типов номинации, анализ взаимодействия семантического и номинативного аспектов языка, интерпретация ономазиологических структур в проекции на мотивирующую базу.

Функциональное направление ономазиологии изучает то, как используются в речи номинативные единицы с точки зрения их соотнесенности с миром слов, понятий и вещей. Этот подход предполагает изучение функционально-ономазиологических механизмов второго означивания слов в речи, тексте, причем эти механизмы воздействуют не только языковую семантику, но и их грамматическую категоризацию и свойства (Ю.Д. Апресян, В.П. Даниленко, С.А. Жаботинская и др.).

Целью текстово-коммуникативного направления является изучение номинативной организации речи и завершенного ее продукта – текста/дискурса (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.Г. Гак и др.). Расширение диапазона номинативных единиц, как пишет Э.Д. Сулейменова, «с тотальной семиологизацией языковых знаков и включением их в предмет семиологии высказывания» [58,33].

Задачи когнитивного направления ономаσιологии состоят «в выявлении когнитивно-семиотического механизма порождения наименований, объяснении связи ономаσιологической структуры со структурами знаний об объекте номинации, в анализе мотивации номинативной единицы как когнитивно-ономаσιологического феномена, в создании ее новой типологизации, в когнитивном обосновании текста/дискурса как номинативной единицы и описании особенностей его ономаσιологической организации с когнитивных позиций» [42,27].

В современной лингвистике существуют попытки объединения семасиологического и ономаσιологического подходов. Так, А.В. Бондарко и его ученики в рамках функциональной грамматики разработали принципы исследования функционально-семантических полей с позиции семасиологии и ономаσιологии в их неразрывной связи [59].

Ономаσιология и семасиология, безусловно, представляют собой единство, но «выходят за пределы лингвистической семантики и воспринимаются как исследовательские ориентиры: первый направлен на лингвистические и интралингвистические объяснения номинативной структуры слова, второй – на анализ закреплённости за данной структурой определенного значения и возможных значимостей в речи» [42,19].

Семасиологический и ономаσιологический аспекты словообразования через такие специфические признаки, как развитие и динамика, системность и статика, соотносятся с синхронным и диахроническим аспектами. Изучение словообразования с семасиологической и ономаσιологической точки зрения, как отмечает Л.К. Жаналина, связано не только с синхронией и диахронией, а также со статикой и динамикой (см. таблицу 6).

Таблица 6 – Синхрония и диахрония, статика и динамика в языке в языке

Временные планы Их признаки	Синхрония	Диахрония
Статика	Целостная словообразовательная система (мотивированные слова и отношения мотивации)	Устойчивая стабильная часть языка – система в словообразовании (производные слова и отношения производности)
		Система по следам производства – номинативная система (реконструированные производные слова как номинативные единицы)
Динамика	Функционирование	Изменение
	Воспроизводство языковых единиц – подготовка изменений (мотивированные слова) Производство языковых единиц (номинативные единицы)	

	Процесс	Реальное производство —подготовка изменений (производные слова — неологизмы как номинативные единицы)	
--	---------	---	--

Таблица демонстрирует, что семасиология изучает язык как определенное системно-структурное устройство, обладающее значительной устойчивостью. С ономаσιологических позиций изучается актуализация языковых элементов в речевой деятельности.

1.2 Структурно-семантические исследования в дериватологии

В рамках структурализма получил активное развитие структурно-семантический (системно-структурный, комплексно-системный) подход к изучению языка. Этот подход применяется для изучения языковых единиц в синтезе содержательных и формальных свойств.

Рассмотрение языковых единиц с двух сторон: плана содержания и плана выражения – берет начало в учении Ф. де Соссюра о знаках языка, под которым им понималось соединение понятия и акустического образа, означаемого (*signifié*) и означающего (*signifiant*) [60,100]. Соссюром был выдвинут тезис о языке как системе знаков, подчиняющейся «своему собственному порядку» [60,45]. Из подобных знаков выстраивается система, окружающая сложность внутреннего устройства знаков, многообразия их форм и значений. Языковая система складывается из знаков – «кирпичиков», связанных своеобразным «раствором» – языковыми отношениями» [61,180]. По мысли ученого, «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассмотренный в самом себе и для себя» [60,207].

Идеи Ф. де Соссюра далее были развиты представителями трех основных школ структурной лингвистики: Пражской школы (Н.С. Трубецкой, Р. Якобсон и др.), Датской школы (Л. Ельмслев и др.) и Американской лингвистики (Л. Блумфильд, З. Харрис и др.) [62].

Данные школы различаются особым пониманием языковых отношений. С позиции функциональной лингвистики (Пражская школа) языковыми отношениями называются функции, отражающие структурные особенности вхождения частной в общую систему, то есть способ связи определенного множества языковых единиц с другим большим и покрывающим его множеством. Глоссематика (Датская школа) рассматривает языковые отношения не двусторонних единиц, а разъединенных элементов плана выражения и плана содержания, поскольку, по мысли ученых, языку принадлежат формы, а не субстанции плана выражения и плана содержания. Отношения между этими формами и представляют структуру языка. Дистрибутивная лингвистика (Американская школа), основываясь на алгоритмах процедур обработки текста, выделяет единицы языка, их классы, особенности связей через окружение, т.е. через их отношения к другим единицам того же порядка [62,36-77].

Основными понятиями структурной лингвистики являются понятия языковой структуры, языковой системы. В лингвистической науке не существует четкой дифференциации понятий структуры и системы. Р.А. Будагов по этому поводу отмечает, что «никому не удалось провести убедительное разграничение между этими двумя терминами в лингвистике». По его мнению, «система применяется к языку в целом, структура – по отношению к его отдельным уровням (ср. система языка, но структура слова)» [63,92].

Понимание структуры и семантики Е.С. Кубрякова и Г.П. Мельников связывают с тремя подходами к языку: элементным, структурным и системным. По мнению авторов, элементный подход характеризует язык как совокупность элементов. Язык представляет совокупность отношений между элементами с позиции структурного подхода. Системный подход, объединяющий вышеназванные подходы (субстанциональный и реляционный аспекты), рассматривает язык как систему элементов и отношений [64,24].

Иными словами, основными признаками языка как системы являются элементы и их различные реляции. Языковая система – это «множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом» [18,686], «целостное образование, состоящее из совокупности элементов, упорядоченных структурным каркасом отношений в целях выполнения определенной функции» [61,14].

Достижением в языкознании стало выделение словообразования в отдельный ярус языка, осмысление проблемы системной организации словообразовательного уровня языка. Как пишет Г.С. Зенков, «углубленное обоснование проблемы системной организации словообразовательного яруса языка призвано содействовать успешному решению всего комплекса частных вопросов дериватологии как в ее синхронном, так и диахронном аспектах» [65,5]. Именно в русле системно-структурной лингвистики была сформирована теория словообразования. Словообразование рассматривалось как определенная система знаков, имеющая комплексный характер, представлено в трудах Е.А. Земской, А.Н. Тихонова, И.С. Улуканова, В.В. Лопатина, Е.С. Кубряковой, А.И. Моисеева, Г.А. Пастушенкова, И.А. Ширшова, Р.М. Гейгера, Л.А. Шеляховской, Л.К. Жаналиной и их последователей.

Одной из актуальных задач словообразования в период его становления стала задача определения системного статуса его объекта, являющего собой «отдельный языковой уровень, автономный в силу того,

что он характеризуется собственными элементарными единицами... собственными специфическими способами объединения элементарных единиц в более крупные единицы... и, наконец, особой системой связи между подобными единицами» [66,74].

Существуют разные точки зрения (пути) выделения объекта исследования словообразования как науки. Согласно первой точке зрения, «основной единицей структуры языка на словообразовательном уровне» является словообразовательный формант, например, аффикс, признанный в качестве ядерного словообразовательного средства [67,122]; [68]. Вторая точка зрения считает, что центральной единицей словообразования признается производное слово. Третья позиция связана с выделением в качестве основной единицы дериватологии системообразующих отношений «производное и производящее», в которых раскрывается специфика производного слова в его синтезе со словообразовательным формантом и формально-семантическими модификациями производящего слова [69,30].

Иными словами, производное слово представляет собой, с одной стороны, композицию морфем, и с другой стороны, строительный материал для комплексных единиц словообразования (КЕС), таких как словообразовательная категория, словообразовательный тип, словообразовательная пара, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо, построенных на основе словообразовательной пары. Поэтому в центре многих исследований находится словообразовательная пара — соотношение производного и производящего слов.

По мнению Т.Х.Каде, словообразование есть целостная система, состоящая из двух подсистем, «которые не являются двумя разными частями одного целого», а «представляют систему в разных сечениях, в двух разрезах — поверхностном (типовом) и глубинном (гнездовом)» [70,6].

Рассматривая деривационную систему языка как систему КЕС, Л.К.Жаналина выделяет два сечения: 1) сечение КЕС с тождественными формантами, связанных мотивацией по формантной соотносительности; 2) сечение КЕС с общими основами, связанных мотивацией по основной соотносительности [33].

Первое сечение, по мнению ученого, образуется словообразовательными типами, словообразовательными архетипами, словообразовательными категориями и способами словообразования [33,120-160]. Словообразовательный тип — совокупность

словообразовательных пар с тождественными формально-семантическими отношениями. В лингвистической литературе нередко происходит смешение понятий «словообразовательный тип» и «словообразовательная модель». Под последним следует понимать формально-семантический образец порождения новых слов, в основе которого (образца) лежит схема строения производных слов одного словообразовательного типа [71,137]. Со словообразовательным типом тесно взаимосвязаны такие КЕС, как словообразовательный архетип, словообразовательная категория. Словообразовательный архетип (термин И.А. Ширшова) – совокупность словообразовательных типов, образованных на основе структурно-семантического тождества форманта [72,56]; [33]. Словообразовательная категория (термин введен Е.А. Земской) – комплекс словообразовательных типов, объединенных общим словообразовательным значением. Эти единицы словообразования, с одной стороны, объединяются в гиперкатегории – крупные и абстрактные по своему характеру ряды наименований, как лицо, предмет, признак, с другой стороны, делятся на субкатегории [69,30]; [73,26].

Второе сечение составляют словообразовательные парадигмы, словообразовательные цепочки и словообразовательное гнездо [33,120-160]. Словообразовательное гнездо может включать в свою структуру словообразовательные парадигмы, посредством которых реализуются в гнезде парадигматические отношения (радиальная мотивация), и словообразовательные цепочки, отражающие синтагматические связи (последовательная мотивация) [74,31-32]; [33]. Понятие словообразовательной парадигмы (СП), а затем и словообразовательной цепи (СЦ) неоднократно становились объектом исследования во многих дериватологических исследованиях. Ученый Е.А. Земская ввела в научный оборот понятие типовой словообразовательной парадигмы (ТСП). В ее основе лежит идея абстрагирования от конкретных словообразовательных парадигм в языке с одним и тем же набором словообразовательных значений. ТСП – это единица плана содержания [69,32]; [73]. Благодаря изучению ТСП возможно раскрытие словообразовательных возможностей исследуемых слов разной частеречной или лексико-семантической принадлежности и др. ТСП в настоящее время стали фокусом исследований, разрабатываемых в русле функционального словообразования.

Еще одной из комплексных единиц словообразования является СЦ –

совокупность всех мотивирующих и мотивированных слов на уровне синтагматики [75,8-9]. В дериватологической науке по аналогии с ТСП различаются типовые и конкретные СЦ. Конкретные СЦ с одинаковым набором словообразовательных значений, с одинаковым количеством и одинаковой последовательностью звеньев объединяются в типовую СЦ [75,10]; [76,1-2]. Исследование словообразовательных цепочек на современном этапе словообразования предполагает изучение особенностей морфонологии цепочек всех частей речи, рассмотрение вопросов чересступенчатого словообразования в структуре СЦ и др.

Словообразовательно маркированные слова можно разделить на узуальную и окказиональную, реализованную и потенциальную лексику с позиции освоения ее носителями языка. Словообразовательная наука должна заниматься изучением как реализованных, так и потенциальных слов для полного представления деривационной системы языка. «Теория, ставящая своей задачей обоснование проблем системности словообразования должна строиться обязательно в расчете на его потенциальные возможности, так как система – это то, что «в принципе возможно» в языке» [70,7]. Еще Ф.де Соссюр указывал на необходимость изучения потенциальных и окказиональных слов: «импровизируемое мною слово <...> уже существует потенциально в языке <...>, а его реализация в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования» [60,200].

И.С. Улуханов пишет: «в идеале словообразовательная система должна быть представлена как организованная совокупность реализованных и потенциальных единиц, то есть как совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют»)» [77,7]. Им разработана методика выявления возможных единиц на базе существующих - исчислительно-объяснительный подход. Этот способ описания не констатирующий, а объяснительный, поскольку решается вопрос о причинах отсутствия тех или иных клеток системы. Исчислительный способ описания возможных единиц описания нужен для выявления максимального количества возможных единиц и их комбинаций [77].

Потенциальные единицы («лакуны») возможны на всех уровнях языка: фонетике, морфологии, лексике. В словообразовании «лакуны» - это пустые места в СЦ. И.С. Улуханов такие СЦ называет неполными, в отличие от полных СЦ (ср.: *черный – чернеть – почернеть, серьезный – --*

- – *посерьезнеть*). Пропущенные звенья могут быть восстановлены в языке окказионально [77,19].

Прорывом в дериватологической науке стало обращение к семантике и выделения в качестве объекта исследования словообразовательного значения. Семантика становится главным критерием анализа и классификации комплексных единиц словообразования. «Семантика, – отмечает Л.М. Васильев в своей работе «Семантика русского глагола», – находится сейчас в центре внимания как отечественного, так и мирового языкознания. Это обусловлено прежде всего тем, что без разработки семантического аспекта языка невозможно глубокое понимание его природы, закономерностей его развития и функционирования, его связи с мышлением и поведением человека» [78,4].

Исследованием семантической стороны единиц словообразования активно занимались И.С. Улуханов, Е.С. Кубрякова, О.П. Ермакова, Г.А. Пастушенков, М.Н. Янценецкая, Л.К. Жаналина, И.А. Фургель и др. В научной литературе можно найти многочисленные работы, в которых изучаются семантика производного слова, типы семантических отношений между производными и производящими словами, семантика и ее модификация в КЕС, деривационный потенциал отдельных частей речи.

В классическом определении Г.О. Винокура подчеркиваются специфика семантики производного слова. «Значение слова с производной основой, – пишет ученый, – всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов» [79,421].

Семантику производного слова отличает ее отсылочный характер. Особенность производного слова обусловлена тем, что оно имеет связь с реальным миром, с одной стороны, и с миром языка (а именно с производящим словом), другой. Ученый Е.С. Кубрякова отмечает: «...если смысловую структуру слова понимать как всю информацию, которая у него может быть извлечена и которая с ним неизменно связывается, то основной чертой семантики производного можно считать отсылочный характер его значения. Учитывая это свойство производного, мы считаем необходимым признать его отличительным признаком свойство двойной референции: референции к миру действительности (отсюда индивидуальное лексическое значение) и референции к миру

слов (отсюда выводимость значения производного слова из значения другого, связанного с ним однокоренного образования)» [80,83]. Учитывая такую особенность семантики производного слова, словообразование можно рассматривать в статике как определенную систему (своеобразный модельный каркас) и в динамике как словопорождающий механизм. Второе понимание позднее станет основой развития функционального словообразования [81,14].

Семантика производного слова сочетает в себе несколько значений: лексическое и грамматическое значения, достаточно хорошо изученные в семасиологии, и словообразовательное значение (СЗ), вызывающее немало споров в дериватологической науке. Существуют две основные точки зрения на СЗ, которая понимается как промежуточное значение между лексическим и грамматическим значениями или как самостоятельное СЗ [82,204-205].

Специфика словообразовательного значения в отличие от лексического заключается в том, что оно является обобщенным, категориальным значением производных слов одного словообразовательного типа. В отличие от грамматического значения, которое принадлежит целому классу слов, СЗ является более конкретным, и принадлежит лишь группе слов, как отмечалось выше, одного словообразовательного типа [80,105-106].

Отличительным признаком СЗ является его фразеологичность. Проблема фразеологичности семантики слова неоднократно ставилась в центр исследований И.С. Торопцева, Е.С. Кубряковой, О.П. Ермаковой и др.

Все производные слова с точки зрения особенностей семантики подразделяют на две группы: 1) слова, семантика которых полностью складывается из значений составляющих их частей; 2) слова, значение которых не представляет собой простую сумму значений их частей [83].

Под фразеологичностью (или идиоматичностью) значения понимается способность производного слова выражать то, что не содержится в значении производящей базы и дериватора. Данные имплицитные компоненты, не отраженные в производящих основах и словообразовательных формантах, О.П. Ермакова называет семантическими приращениями [83,6].

По мысли Е.С. Кубряковой, значение производного слова может включать помимо значения производящей основы и словообразовательного форманта дополнительный компонент, не зафиксированный в них. Источником такого приращенного компонента

является языковое сознание. Ученый различает скрытые значения двух типов – лексикализованные и фразеологичные. Отличительными признаками лексикализованных компонентов значения являются обусловленность референцией к миру слов, значением естественной логики событий, семантикой и валентностями мотиватора; предсказуемость и системный характер. Фразеологичные компоненты значения характеризуются такими чертами, как обусловленность референцией к миру действительности, знанием узуса, необусловленность мотиватором, непредсказуемость, нерегулярность, индивидуальность [80].

СЗ в дериватологической науке рассматривают двояко: как разность значений производного и производящего слов (в СЗ входит не только значение дериватора, но и имплицитно выраженного компонента – семантического приращения) или как тождество со значением словообразовательного форманта (СЗ выражается словообразовательным аффиксом) [83,11].

Как пишет Л.К. Жаналина, «разные толкования СЗ в семасиологическом аспекте построены на формальных и семантических корреляциях: 1) парадигматических: мотивированное слово – мотивированное слово, СЗ – лексическое значение – грамматическое значение; 2) синтагматических: мотивирующая часть – словообразовательный формант; мотивирующее слово – мотивированное слово» [84,68]. Вместо коррелятивного подхода Л.К. Жаналина предлагает процедуру контекстного (партитивного) рассмотрения СЗ, то есть анализ-расчленение значения производного слова на его составляющие, в том числе и СЗ. Компонентному анализу подвергаются производные значения, включающие основные типы СЗ (модификационное, транспозиционное, мутационное и соединительное) [84,68-72].

Типы СЗ определяют с учетом таких элементов, как: 1) часть речи производящего слова; 2) смысловые отношения между производным и производящим; 3) формальная связь между этими единицами [85,188]. Иными словами, учитываются смысловые и формальные модификации и трансформации производящих единиц в производных словах [81]; [86].

В теории словообразования, вслед за такими учеными, как Ш. Балли и Е. Курилович, четко противопоставлены лексическая и синтаксическая деривация [87]; [88]. Также учеными выделяются еще два типа словообразовательных значений: модификационный и мутационный типы. Впервые они отмечены в работах М. Докулила [85,188]. Некоторые ученые предлагают выделять также соединительный тип

словообразовательных отношений. Этот тип отношений свойственен компрессивному словообразованию, при котором происходит «объединение значений мотивирующих основ в одно целостное сложное значение» [89].

К сфере синтаксической деривации относится транспозиционный тип словообразовательных отношений, основанных на приобретении производным словом новой грамматической оформленности при минимальном изменении лексического значения. Отношения транспозиции наблюдаются при переводе производящего значения из одной части речи в другую (*поворотливый – поворотливость*).

К лексической деривации относятся модификационный и мутационный типы лексической деривации. Они различаются спецификой трансформации семантики производящего слова. Производные слова модификационного типа обозначают небольшое изменение семантики производящего слова, но не меняя частеречную принадлежность. Мутационный тип предполагает новые семантические приращения, которые могут выражаться имплицитно, не имея материального выражения в слове. При этом может создаваться слово другой части речи, отличной от производящего.

Между семантическими сферами транспозиции, мутации и модификации, как отмечает З.И. Резанова, можно выделить переходные типы, в которых возможно совмещение семантических процессов двух типов. К примеру, по модели «глагол и нулевой суффикс создаются: а) «чистые» синтаксические дериваты (*утратить – утрата*); б) производные, совмещающие синтаксические и лексические преобразования производящего слова (*наградить – награда, брюзжать – брюзга*)» [81,17-18].

Таким образом, смысловая сторона словообразовательных единиц вызывает большой интерес в современной русистике. Однако изучение семантики языковых знаков (в частности единиц этого уровня) в диахроническом аспекте практически не представлено, что составляет перспективу дальнейших исследований в лингвистике.

Понимание словообразования как процесса и результата, отраженного в структуре производного слова, позволяет разграничивать два аспекта дериватологии – аналитический и динамический, названные Г.С. Зенковым структурологией и генератологией.

По мнению ученого, структура слова является объектом структурологии, процессы генерации (происхождения слов) – генератологии. Цель структурологии – установление деривационной

структуры производных слов, выявление набора словообразовательных моделей, лежащих в их основе. Исходной базой является совокупность производных слов как «готовых» лексических единиц. Целевая установка генератологии – моделирование процессов деривации. Исходной данностью является совокупность словообразовательных моделей, добытых структурологией. Структурология основана на анализирующей методике, генератология использует интегральную (синтезирующую) методику, то есть совокупность приемов, обеспечивающих блочный охват словообразовательных моделей в их системном контексте. Анализ и синтез неразрывно связаны и не могут плодотворно изучаться друг без друга [65,14-15].

Как показал анализ существующих исследований, в рамках системно-структурного подхода возникают теории, выходящие за пределы структурно-семантического описания и рассматривающие словообразование в его динамике.

1.3 Функциональные аспекты словообразования

В лингвистической науке активно развиваются исследования, в которых акцент сделан не на системно-структурные особенности, а на его функциональные возможности. Е.С. Кубрякова отмечает, что функционализм стал одним из ведущих принципов «предпосылочного знания», наряду с экспансионизмом, с его «стремлением как можно больше расширить область исследования», [90,5-13], антропоцентризмом с его стремлением связать языка с его носителем, с языковой личностью, экспланаторность с ее «стремлением найти к каждому языковому явлению разумное объяснение» [90,5-13].

Термин «функция» в дериватологической науке рассматривали и понимали ученые по-разному. Е.И. Резанова пишет, что она интерпретировалась как зависимость, реляция к пониманию ее как цели и даже как о одного из механизмов реализации коммуникации [81,30]. Иными словами, появление функционального направления в лингвистике связано с развитием теории номинации, изучающей не «как сделаны слова», а «как делаются слова» (Л.В. Щерба) [91].

Наряду с опорой на функции для функционального словообразования характерно использование ономаσιологического подхода. В зависимости от понимания особенностей перехода от содержания к форме разрабатываются разные направления. К ним можно отнести учения о словообразовательном синтезе (И.Г. Милославский); о непрерывном деривационно-мотивационном процессе (Н.Д. Голев); о синтаксических и словообразовательных факторах, влияющих на процесс конструирования (Е.Л. Гинзбург, Л.В. Сахарный, А.И. Катлинская), о словообразовании как деятельности, направляемой функциями (Е.А. Земская); теории словообразовательной модели (И.С. Торопцев); номинативного компонента речевой деятельности (Е.С. Кубрякова); номинативной деривации (В.М. Никитевич), номинации как особой формы речевой деятельности (Л.К. Жаналина), объяснительно-исчислительной теории определения словообразовательного потенциала (И.С. Улукханов) и др.

Выделение номинативной функции в качестве основной объединяет все направления функционального словообразования объединяет: «словообразование, создавая лексические единицы, служит процессу

номинации» [92,15], «все словообразовательные средства словообразования, все его приемы и модели возникают и существуют для того, чтобы служить процессу номинации» [46,223].

Прорывом в дериватологии стало понимание словообразования как механизма пополнения не отдельных единиц изолированного лексикона, а слов, активно участвующих в создании текста, т.е. утверждается представление о двойственной функциональной направленности словообразовательного механизма [47,33-34]; [46,179]; [61]. Е.С. Кубрякова отмечает, что анализ должен идти «от замкнутого описания отношений слов к функциональному описанию словообразования в связи с номинацией и синтаксисом» [92,138].

В некоторых исследованиях, выполненных в рамках функционального словообразования, применяются синтаксические и словообразовательные подходы, при которых рассматриваются языковые факторы выбора материальной оболочки производного слова [54,5].

Синтаксическое направление ономазиологии (Л.В. Сахарный, Е.Л. Гинзбург) инициальной частью номинации считает языковое значение, облеченное в синтаксическую форму. Так, Л.В. Сахарный под словообразованием понимает процесс превращения развернутого знака в свернутый (переход словосочетания или предложения в слово) и при исследовании отношений производящего и производного слов опирается на понятие актуального членения. Такое словообразование называется универбацией (термин М.М. Копыленко). По мысли Л.В. Сахарного, существует определенный изоморфизм между исходной синтаксической конструкцией, эксплицирующей тема-рематическое членение, и универбом, выражающем родовой (тема) и маркирующий (рема) элементы [93,25-26].

Е.Л. Гинзбург считает, что функциональной стороной словообразования является обусловленность производного от контекста производящего. Производное слово отражает в своей структуре синтактико-морфологические особенности производящего, которые являются условиями его использования при реализации схем предложения. Е.Л. Гинзбург при анализе мотивируемого слова выделяет два этапа мотивации: синтаксический и морфолого-словообразовательный. На синтаксическом этапе мотивации мотивируемая единица является членом мотивирующего синтаксически более сложного образования. Формой выражения мотивирующего синтаксического целого являются сочетательные возможности (реляционные компоненты) мотивируемого. На морфолого-

словообразовательном этапе мотивации производное слово закрепляет в морфологических формах контекстную мотивацию мотивирующего [94,3-10].

Словообразовательное направление ономаσιологического подхода выявляет словопорождающие способности языковых знаков. Предметом исследования теории словообразовательного синтеза являются процедуры объединения морфов в составе слова, процессы языковой материализации определенного языкового значения. В данной теории решается вопрос о валентностных свойствах корневой и аффиксальной морфем.

И.Г. Милославский устанавливает правила, необходимые для синтеза в новом слове морфем: 1) правила морфологических преобразований морфемы, выступающей в определенных условиях; 2) правила ограничения сочетательных возможностей (формальных и семантических). Словообразовательный синтез, по мнению ученого, должен базироваться на данных морфемного и словообразовательного анализа. «Для получения значения целого слова по значению составляющих его частей важны результаты морфемного анализа. Для образования от данного слова – нового с заданным семантическим различием существенны данные, полученные в результате словообразовательного анализа» [95,14].

Исследователь Е.А. Земская на основе функций новых слов выделяет следующие типы словообразовательных процессов:

- 1) собственно-номинативное словообразование – образование производного слова для наименования реалий действительности;
- 2) конструктивное словообразование – производство синтаксических дериватов путем упрощения структуры речи;
- 3) компрессивное словообразование – конструирование слов путем сокращения предшествующих им единиц;
- 4) экспрессивное словообразование – порождение производных слов, выражающих субъективное отношение говорящего к собеседнику, объекту наименования;
- 5) стилистическое словообразование – образование стилистически маркированных слов [96,68-69].

Е.А. Земская использует понятие типовой словообразовательной парадигмы (ТСП), которое нами было рассмотрено ранее. Она выделяет два типа ТСП: ТСП лексико-семантической группы и ТСП части речи. «Рассматривая словообразовательный потенциал слов определенной части речи и определенной лексико-семантической группы..., – отмечает Е.А. Земская, – мы создаем некоторую научную абстракцию (конструкт),

отражающую свойства реального объекта, но лишь в общем виде, ибо мы отвлекаемся от тех коррективов, которые в явления системы вносит ее реализация узусом и нормой. ТСП – единица плана содержания. ТСП составляется совокупностью деривационных значений, реализуемых базовыми словами определенной части речи, входящими в единую лексико-семантическую группу... ТСП является той матрицей, заполнение клеток которой воплощает действие механизма словообразования [73,17-18].

Таким образом, ТСП включает «семантические места», заложенные в конкретной семантической парадигме (КСП) слов определенной части речи. ТСП разных частей речи отражает дихотомию глагола и имени. В первом случае ТСП строится как реализация валентностей глагола. Во втором в значительной степени зависит от семантической структуры имени [73,22-24]. Е.А. Земская разработала не только определение ТСП, но и критерии выделения ее границ, основываясь на понятия окказионального и потенциального словообразования. По мнению ученого, потенциальные слова, «реализующие деривационные возможности словообразовательной системы» [73,21-23], отражаются как в КСП, так и в ТПС, окказиональные слова, «слова – нарушители законов словообразования» [73,21-23] не входят в ТСП.

В функциональном словообразовании развивается теория о словообразовательных факторах, в которой рассматриваются сочетательные возможности аффиксов (Л.П. Катлинская). Согласно данной теории, происходит объединение производных и производящих по требованиям аффиксов. Л.П. Катлинской на основе анализа словообразовательного фактора в виде окружения словообразовательного аффикса различаются диахроническая (регулярность) и синхроническая (продуктивность) активность и сферы его действия (норма и узус) [97].

Функциональное словообразование характеризуется расширением объекта исследования, при котором инициальной базой считается не языковое значение, а внеязыковое содержание, называемое мыслительным (И.С. Торопцев), идеальным (М.Н. Янценецкая), личностным смыслом (Е.С. Кубрякова) и др.

В теории номинативного компонента речевой деятельности словообразовательный процесс исследуется как целостное явление [98]. Е.С. Кубрякова рассматривает номинативный акт как процесс создания нового знака и выделяет такие этапы данного акта:

- выделение и фиксация того, что нужно назвать;
- осмысление того, что нужно обозначит;

- выбор языкового средства;
 - установление связи между обозначаемым и обозначающим;
 - закрепление содержания за данным языковым знаком [99,6];
- [100].

Выделяются на основе принципов структурной организации производного слова три основных типа словообразовательных процессов: аналогический, корреляционный и дефиниционный. «При аналогическом словообразовании, – пишет Е.С. Кубрякова, – создание производного слова происходит при ориентации на существующий лексический образец. В этом словообразовательном процессе по аналогии механизмом процесса является копирование готового образца, причем образцом для подражания становится знакомая лексическая единица с определенной внутренней формой, которую и повторяет говорящий в акте номинации.

При аналогическом словообразовании воспринимается модель слова, его морфологической структуры, только заполняются они новым лексическим материалом...

При коррелятивном словообразовании ... говорящий использует свои знания словообразовательных правил, причем правил простейшего порядка и связанных с использованием самых распространенных словообразовательных средств (аффиксов)... В основе процессов этого типа лежит интуитивное знание того, что при многих глаголах есть соответствующее название осуществляемого им действия или его производителя, что от многих существительных с предметно-вещественным значением легко образуются уменьшительные, а иногда и увеличительные формы и т.д.

При словообразовании на синтаксической основе созданию единицы номинации предшествует высказывание об обозначаемом и в отличие от аналогического и корреляционного словообразования, в которых новое слово мотивируется тоже словом, дефиниционное словообразование предполагает мотивацию не словом, а суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета» [46,25-33].

Развивая мысль Е.С. Кубряковой, исследователь Л.К. Жаналина говорит о двучастности номинативного процесса, в котором на первом этапе всегда происходит дефиниционное словообразование, а второй этап сопровождает аналогия или корреляция [61,46].

В теории словопроизводственной модели И.С. Торопцева описывается моделирование отдельных актов словопроизводства – “этапов перехода мысли к слову”, модель языковлечения концепта. По его мысли, такая модель состоит из шести компонентов:

- подготовка идеального содержания путем его синтаксической объективации;
- выбор мотивировочного признака, дифференцирующего обозначаемый объект;
- поиск, выбор производящей базы;
- выбор классифицирующей части идеального содержания (понятие о способах словообразования);
- определение словообразовательной модели (понятие о характере звуковой оболочки производного слова);
- слияние идеального (содержания) и материального (формы) в лексических единицах [100,92-137].

Компоненты словопроизводственной модели в номинативном процессе, по мысли ученого, выполняют разную роль. Так, самым важным является выбор производящего и особенно выбор способа словообразования [100,43].

Теория номинативной деривации В.М. Никитевича описывает словопроизводство как номинативный процесс и производное слово как результат этого процесса. Номинативные единицы (или номемы) отображают специфику своего появления. В.М. Никитевичем выведена формула номемы – единство семантической составляющей (СС) и классифицирующей составляющей (КС) в отвлечении от конкретной реализации [101,25-39].

Теория В.М.Никитевичем и предложенная им терминология соотносятся с общепринятой теорией номинации, в которой рассматриваются основные части ономаσιологической структуры производного слова: ономаσιологический признак (СС) и ономаσιологический базис (КС). Первое означает признак, который стал основой номинации и указывает на понятийное содержание номинативной единицы, второе отражает отнесенность слова к определенной части речи, способность самостоятельно выполнять номинативную функцию [101,48-49]; [99]; [48]; [102].

Особенность теории номинативной деривации В.М. Никитевича заключена в попытке расширения понятия номинативного процесса, включающего как словопроизводство, так и грамматические операции. «Словообразование и грамматика части речи оказываются лишь основой более сложного объекта исследования – номинативной системы и деривационной грамматики» [101,3].

Л.К. Жаналина в своих работах продолжает развивать идеи В.М. Никитевича. Номинация составляет не компонент коммуникативной

деятельности, а, сосуществуя с ней, является самостоятельной формой речевой деятельности, которая характеризуется своими собственными мотивами, операциями-действиями, специальными языковыми средствами [103].

В итоге, функциональное словообразование зародилась в недрах структурно-системной дериватологии, но значительно расширило объект своего исследования, рассматривая словопроизводство как номинативную деятельность, функции производных слов и их участия в создании текста и дискурса.

1.4 Когнитивный подход в словообразовании

В лингвистике стали активно разрабатываться исследования, выходящие за рамки функционального словообразования. В них единицы словообразования рассматривались как система, отражающая когнитивные механизмы и несущая отпечаток способов освоения человеком реальности. Современная лингвистика переместила фокус своих исследований с языка как системы на язык в его связи с человеком, мышлением, познанием и культурой и др. Кардинальное значение для лингвистики, по мнению Э.Д. Сулейменовой, имеет решение «вопроса о ... соотношении Языка – Мышления – Познания – Действительности», выделение трех редукционистических парадигм *«обозначение – смысл»*, *«употребление – смысл»*, *«знание – смысл»* [3,5-6];[58].

Изучение языка с позиции когнитивной лингвистики открывает «широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми, и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [104,3].

Переход от ономазиологии к когнитивному словообразованию означает «переход от анализа значений к анализу концептуальных структур представления знаний для них. Когнитивный анализ единиц направлен на то, чтобы изучить, как информация о мире выражена, картирована языком, т.е. как концептуальная система реализована в языке» [105,215].

Первые идеи когнитивной лингвистики можно найти в классических трудах Л. Теньера [106], К. Бюллера [107], где была осуществлена попытка. описания роли языка в репрезентации знаний. В духе когнитивной лингвистики развивалась генеративная грамматика, получившая развитие в трудах Н. Хомского [108]. Теория когнитивной

лингвистики также получила развитие в исследованиях, посвященных анализу грамматических и семантических категорий, в частности метафоры (Ч. Филлмор [109]; [110], М. Минский [111], Р. Лангакер [112], Дж. Лакофф [113]; [114], У. Чейф) [115]; [116].

Основополагающие труды зарубежных ученых-когнитивистов в большей степени строятся на анализе грамматики и семантики предложения, что дает только общие принципы для решения некоторых вопросов словообразования в русле данной концепции. В русистике сложилась традиция обращения к когнитивной лингвистике через теорию номинации [48], которая предвосхитила разные вариации когнитивных исследований. И смогла объединить в единый узел семиотику и семантику, ономастиологию и прагматику [117,41-42].

Проблемы референции, соотношения логического и семантического в языке, отражения действительности в языковых структурах через категории мышления неоднократно рассматривались в работах В.Г. Гака [51], Г.В. Колшанского [118], Н.Д. Арутюновой [119], Ю.Д. Апресяна [120], В.В. Богданова [121], Е.С. Кубряковой [122]; [123], А.А. Кибрика [124], В.Б. Касевича [125], Ю.Г. Панкраца [126], А.В. Кравченко [127] и др. Результатом философско-теоретического осмысления проблем когнитивной лингвистики стал «Краткий словарь когнитивных терминов», авторами которого являются Е.С. Кубрякова и ее ученики [128]. В настоящее время практически каждое научное исследование по семантике, грамматике и словообразованию при решении задач сталкивается с проблемами когнитивной лингвистики [129-146].

В диапазон когнитивных исследований входит решение таких вопросов, как соотношение когнитивных и языковых структур, связь когнитивных структур нашего сознания с объективирующими их единицами, роль языка в процессе когнитивной деятельности, концептуализации и категоризации мира и др., раскрытие понятий «когниция», «когнитивный» включают различное содержание [124,3].

В когнитивистике выделяют два основных направления: логический и экспериенциальный подходы. Логический аспект когнитивистики (объективизм по Дж. Лакоффу) выдвигает на первый план логико-понятийный характер связи языка и познания, а различные перцептуальные свойства гносеологической деятельности человека при анализе языковых явлений не учитываются. «С объективистской точки зрения, – пишет Дж. Лакофф, – рациональное мышление целиком заключается в оперировании абстрактными символами, получающими

свое значение через условные соотношения с вещами во внешнем мире» [113,11]. В рамках эспериенциального подхода (опытного реализма по Дж. Лакоффу) исследуется то, как носитель языка воспринимает и концептуализирует мир и как его опыт отражается в языковых средствах. «Структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [113,13]. А.В. Кравченко, продолжая развивать эту мысль, отмечает, что «наивная модель мира, находящая отражение в различных элементах структуры языковой системы, в общем и целом строится на особенностях восприятия действительности познающим ее индивидом» [127,89].

Одной из основных задач когнитивной лингвистики является изучение структур представления знаний. В их классификации до сих пор в литературе не сложилось единого мнения. Ментальные структуры (структуры знаний) учеными именуются фреймами, схемами, сценариями, планами, семантическими сетями, пропозициями и т.д. Наиболее распространенным является термин «фрейм», предложенный М. Минским и называющий структуру данных для представления стереотипной ситуации [111]; [105]. Другие ученые ведущую роль в репрезентации знаний отводят пропозиции, под которой понимают своеобразную ментальную структуру, отражение некоторых ситуаций и типов отношений к ней обобщаемых и организуемых в нашем сознании [126]; [128].

Теория фреймовой семантики и учение о пропозициональной структуре языковых единиц (в частности, предложения) восходит к теории глубинных падежей, падежной грамматике, вербоцентрической концепции предложения. Об этом еще упоминал в своих трудах Л. Теньер, писавший «о глагольном узле, который является центром предложения и выражает своего рода маленькую драму, где есть действие, а также действующие лица и обстоятельства», т.е. актанты и сирконстанты [106,117]. Глагол в падежной рамке является семантическим центром и определяет роли (аргументы) определенной ситуации. Диктум пропозиции содержит предикатно-актантные рамки, или предикатно-аргументную структуру [129].

Следует отметить, что в литературе остается нерешенным и дискуссионным вопрос об инвентаре семантических ролей. Так, Ч. Филлмор выделял сначала 6, а позднее 7 аргументов – агентив,

экспериментив, инструмент, цель, локатив, объектив, включенное предложение с функцией модальности говорящего [110], Ю.Д. Апресян – 25 актантов [120], Н.Д. Арутюнова выделяет 25 семантических валентностей [119], В.В. Богданов – 14 аргументных позиций в пропозиции [121,107] и др. Причина таких расхождений, как отмечают ученые, связана не только с различными теоретическими установками авторов, но и с уровнем абстрагированности [78,10]; [129,152]; [42,129-128].

Е.С.Кубряковой дана характеристика пропозиции, которая в наиболее общем виде можно рассмотреть в моделях действия, ориентированных во времени и пространстве. Прпозиция содержит модусную оценку и квантификацию, дескрипции – включения различных сирконстантов. В соответствии с рисунком 2 в центре модели находятся агенс/ источник, операция деятельности, пациенс/ объект, инструмент/ средство, цель/ результат.

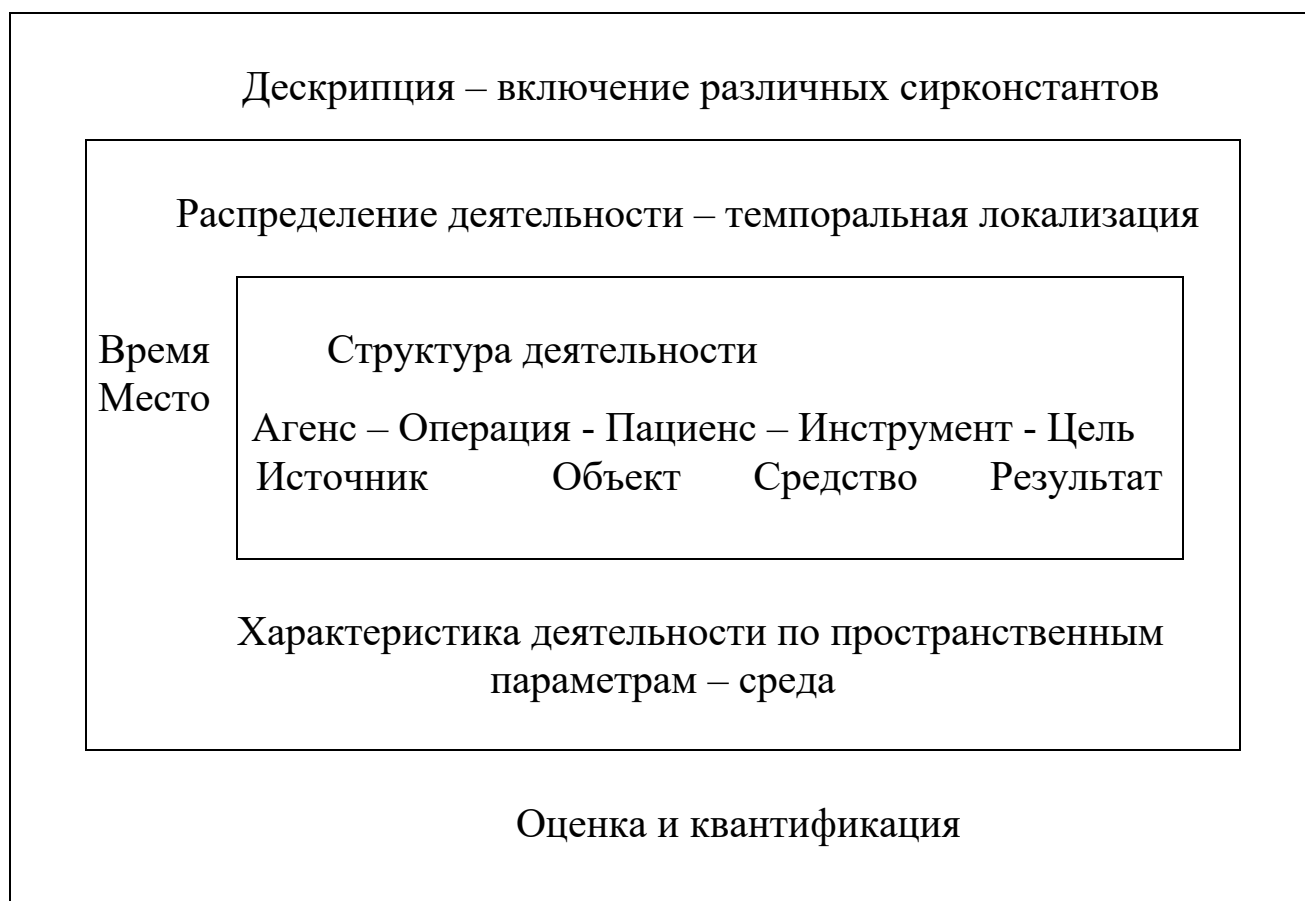

Рисунок 2 – Модель действия

В соответствии с рисунком 2 в структуру деятельности входят следующие основные компоненты: тот, кто осуществляет действие или то, что является его причиной, сама деятельность, средство или инструмент ее, объект и цель. Далее модель отражает протекание действия во времени и пространстве, а также ее возможные детали, оценку и квантификацию [123,88].

Учение о пропозиции получило дальнейшее развитие с разработкой типовой пропозициональной структуры (ТПС) – исчерпывающего списка аргументов для определенного вида действия. Понятие ТПС восходит к ТСП, отражающей схему «заданности» словообразовательных отношений [73]. Семантические валентности (компоненты пропозициональной структуры) получают реализацию как на синтаксическом уровне, так и на словообразовательном. ТПС определяет единую природу словообразовательных процессов, поскольку образование производных слов происходит в рамках определенных моделей. ТПС носит универсальный характер [73]; [129]; [130]; [42]; [131].

В когнитивистике наиболее полно описана предикатная лексика. Предметная лексика, опираясь на выработанную стандартную таксономическую классификацию, остается на периферии семантических исследований. Е.В. Рахилина в своей работе «Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике» анализирует семантические и когнитивные характеристики предметных имен, связанные с образами конкретных объектов в естественном языке (например, размер, форма, цвет и др.). «Моделируя способ представления носителем языка окружающей его действительности, – пишет исследователь, – выделенные характеристики имен моделируют то, как человек думает, когда говорит об объектах внешнего мира» [132,4].

Ономасиологическая структура производного слова, разработанная в рамках теории номинации и состоящая из ономасиологического базиса, ономасиологического признака и передиката-связки, по мнению С.А. Жаботинской, имеет релевантные понятия в некоторых современных концепциях когнитивистики [133,115-123]. Так, в когнитивной грамматике Р. Лангакера с понятием «ономасиологическая структура» соотносятся концептуальная база (структурированный объем концептуального содержания, активируемый языковой единицей), профиль (информация, на которой концентрируется внимание и которая получает языковое выражение), траектория (или первичный фокус), ориентир (или вторичный фокус). «Если значение языковой единицы – концептуальная база, – пишет С.А. Жаботинская, – то фрагмент этого

значения, представленный в мотиваторе, соответствует профилю. Профиль структурируется ономасиологической моделью, где в качестве траектора выступает ономасиологический базис, а в качестве ориентира – ономасиологический признак» [133,116].

В теории концептуальной интеграции, по мысли С.А. Жаботинской, сопоставительными понятиями являются: концептуальная сеть, структурируемая автономными, дискретными и взаимосвязанными концептами, представляющими собой ментальные пространства; вводные пространства, акцентированные вниманием концепты, объединенные особой связью; внутрипространственные витальные связи, объединяющие значимые элементы в пределах одного автономного концепта; межпространственные витальные связи, объединяющие различные автономные концепты; интегративное пространство, или бленд, в которых происходит интеграция информации, содержащаяся в вводном пространстве. «Значение языковой единицы (концептуальная база) структурируется концептуальной сетью. Ее фрагменты проявляются в интегративном пространстве, или бленде (ономасиологическая структура, профиль). Бленд объединяет информацию из вводного пространства – 1 (ономасиологический базис, траектор) и из вводного пространства – 2 (ономасиологический признак, ориентир). Реляцией между ними является витальная связь (предикат-связка, отношение)» [133,118].

С.А. Жаботинская предлагает рассматривать ономасиологические структуры как концептуальные схемы, элементы которых наделены обобщенным (схематическим) значением, соответствующим категориям мышления. По мнению ученого, языковые значения, а также их фрагменты, представленные в мотиваторе производных номинативных единиц, структурируются несколькими базовыми фреймами – предметным, акциональным, посессивным, таксономическим и компаративным [133,119-121].

В предметном фрейме одна и та же сущность (НЕКТО или НЕЧТО) характеризуется по своим количественным, бытийным, локативным и темпоральным параметрам (например, НЕЧТО есть СТОЛЬКО).

В акциональном фрейме несколько предметов, являющихся участниками события, наделяются аргументными ролями. Эти предметы объединяются межпространственными связями ДЕЙСТВУЕТ/ ДЕЛАЕТ (например, ДЕЙСТВУЕТ на пациенс/объект).

Посессивный фрейм демонстрирует межпространственную витальную связь НЕЧТО-обладатель имеет НЕЧТО-обладаемое.

Таксономический фрейм представляет отношение категоризации НЕЧТО-вид есть НЕЧТО-род.

Компаративный фрейм формируется межпространственными связями тождества, сходства и подобия. В результате интеграции этих базовых фреймов, - отмечает С.А. Жаботинская, – возникает «абстрактная концептуальная сеть, информационные фрагменты которой конкретизируются в значениях языковых выражений» [133,120].

Е.М. Позднякова выделяет три этапа когнитивного анализа словообразовательных единиц [105,215-215].

Первый этап основан на положении о категориальном характере основы. «В основу системы частей речи положено представление о трех различающихся между собой когнитивных категориях – категориях предметности, признаковости и процессуальности... Эти категории задают главные рубрики распределения однозначных единиц номинации в лексиконе <...>. Они отражают восприятие мира в главных формах его бытия во времени и пространстве, то есть в виде разных форм материи с разными формами ее движения и воздействия на человека... Мир воспринимается как заполненный объектами, причисление объектов к тем или иным классам (лиц и вещей, в первую очередь) зависит от связываемых с ними перцептуальных признаков..., последние тоже подлежат классификации на процессуальные и не процессуальные после того, как они сами начнут вычленяться из объектов как их части или атрибуты» [117,271].

Цель второго этапа – изучение концептов более конкретных, чем категориальные концепты частей речи. Фундаментальным положением третьего этапа является положение о том, что суждения об обозначаемом носят пропозициональный характер [105]; [126]; [119]; [120]; [129]; [42].

В работе, посвященной анализу словообразовательной категории имен деятеля с позиции когнитивного аспекта, Е.М. Позднякова определяет 4 основных принципа когнитивного изучения словообразования [131,14-18].

Первый принцип состоит в признании того, что «язык является средством, позволяющим изучать ментальные репрезентации человеческого опыта, приобретаемых в процессе деятельности» [131,14]. Е.С. Кубрякова пишет: «с когнитивной точки зрения существенно, что в актах номинации свое обозначение получают не только некие ситуации, явления и предметы, но и те фрагменты человеческого опыта, которые включены в определенный вид деятельности, благодаря чему они уже

осмыслены и интерпретируются соответственно этой деятельностью и характеру участия в ней самого человека» [123,60-62].

Второй принцип связан с представлением о соотношении словообразовательных моделей с системой ментальных репрезентаций.

Третий принцип строится на теории фокусирования внимания. «В словообразовании (в ходе создания слова) действуют особенности восприятия, состоящие в выделении фона и фигуры при непосредственном восприятии или мысленном представлении ситуации» [131,15]. В когнитивистике последних лет описывается модель атомарного события, рассматриваемого как единица человеческого восприятия. Так, Р. Лангакером разработана схема базовой когнитивной модели события. В соответствии с рисунком 3 базовая когнитивная модель события включает наблюдателя и окружение, а также сцену с агенсом и пациенсом, испытывающим на себе каузацию первого. Агенса – оказывающий воздействие – рассматривается как фигура, пациентс – как фон. Окружение в основном связано с локативно-темпоральными характеристиками действия [112].

Рисунок 3 – Базовая когнитивная модель

Четвертый принцип когнитивного изучения словообразования основан на признании релевантности для изучения словообразовательных единиц прототипического подхода к категории человеческого опыта, знаний о мире и их языковой репрезентации [131,16-17].

В рамках функционального словообразования разрабатывается методика когнитивно-ономасиологического анализа, используемая при объяснении мотивации ономасиологических структур любых целостных наименований: дериватов, композитов, составных наименований, фразеологических единиц. Когнитивно-ономасиологический анализ, как отмечает Е.А. Селиванова, интегрирует два подхода: от слова к мысли и

от мысли к слову – и требует обязательной фокусировки внимания исследователей номинации «на интериоризированных концепте, понятии, свойствах объекта наименования, их связи со структурой значения, потенциальными возможностями ее динамики и ономаσιологической структурой» [134,154]; [35].

Когнитивно-ономаσιологический анализ, по мнению ученого, предполагает два этапа: «интерпретацию ономаσιологической структуры наименования и воссоздание психо-когнитивной модели, служащей мотивационной базой внутреннего программирования номинативной структуры и последующей селекции ономаσιологического признака и базиса производного знака» [134,155]; [42].

Когнитивно-ономаσιологический анализ предполагает изучение диктума предикатно-аргументной структуры. При объяснении ономаσιологического механизма автор предлагает учитывать два момента: 1) позицию в диктуме мотиватора и слотовых мест мотивирующей базы; 2) предикатно-аргументную позицию производного знака [42,129].

Одной из центральных проблем в когнитивной лингвистике является проблема категоризации и концептуализации мира. Поэтому в научной литературе освещаются дискуссионные вопросы дефиниции языковой картины мира, соотношения языковой картины мира и концептуальной модели мира, о роли картины мира в жизнедеятельности человека, о способах отражения картины мира в языке (см. работы Г.В.Колшанского [118], В.Н. Телия [135], Ю.Н. Караулова [136], Б.А.Серебренникова, В.И. Постоваловой, Е.С. Кубряковой, А.А. Уфимцевой [137] и др.).

В современных исследованиях изучение способов репрезентации объективной действительности в языке сквозь призмы ментальных и национально-культурных особенностей исходит из формулы, данной В. фон Гумбольдтом: «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [138], и связано в основном с анализом «стереотипов» культурного сознания и реконструкцией языковой и концептуальной картины мира того или иного народа. Средствами концептуализации картины мира, по мнению ученых, могут быть единицы разных уровней языковой системы: лексические знаки, метафоры, словообразовательные средства, синтаксические конструкции.

Е.С. Кубрякова выделила два вопроса, связанных с проблемой концептуализации картины мира в словообразовательных знаках: с обозначением каких именно объектов в природном и социальном мире связана производная лексика и как она репрезентирует мир [139,149].

Производное слово через свойство «референции к миру действительности ... и референции к миру слов ...» отражает то, как был осмыслен обозначаемый фрагмент и с каким реальным фрагментом его ассоциировал носитель языка.

«Словообразовательная детерминация, - пишет Т.И. Вендина, - довольно избирательна, и словообразовательному маркированию подвергается лишь то, что оказывается значимым для носителей языка. Именно поэтому в производном слове, как в языковой структуре представления знаний, ярче, чем в других немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, как «интерпретант», здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора «стратегии интерпретирования» в своей языкотворческой деятельности» [140,45]; [141].

С позиции когнитивного аспекта исследуются словообразовательные модели как общие свойства концептуализации, поскольку «словообразовательные элементы могут содержать различные прагматические характеристики, касающиеся того, как оцениваются субъектом свойства объектов...» [142,175].

Таким образом, словообразовательно маркированные слова представляют собой фрагменты картины мира русского человека и являются средствами концептуализации человеческого знания. «Изучая словообразование и как процесс наречения действительности с помощью особых приемов и средств, и как результат всех этих процессов, выражающихся в создании производных слов разных типов, мы можем в конечном итоге указать вполне конкретно, в чем именно проявляется влияние языка и языковой картины мира со всеми ее формальными средствами моделирования вторичных обозначений на творческую деятельность человека в сфере познания и преобразования мира» [139,172].

Таким образом, современная словообразовательная наука характеризуется двумя основными тенденциями: стремлением к дифференциации (к четкому определению понятий и разграничению задач исследования) и стремлению к интеграции (к синтезу наук и научных знаний). Специфика объекта дериватологии, отражающего единство и взаимосвязь статики и динамики номинации, ее развития и отражения в системе языка, показывает целостность семасиолого-ономасиологического и синхронно-диахронического аспектов и необходимость разработки интегративного подхода.

Разграничение синхронического и диахронического анализа в современной лингвистике основано на соссюровских антиномиях. В словообразовании дифференциация синхронии и диахронии важна для решения многих проблем (определение типа словообразовательных отношений, способа деривации). В дериватологии последних десятилетий активно разрабатывается синхронно-диахронический аспект, отражающий диалектическую связь синхронного и диахронического и рассматривающий любой факт в большом контексте языковой современности и истории.

Противопоставление семасиологического и ономасиологического подходов имеет гносеологические и онтологические корни. С позиции семасиологии, основанной на внутренне-структурном и таксономическом принципах, язык рассматривается как системно-структурное устройство, обладающее значительной устойчивостью, т.е. статичное. С позиции ономасиологии, в основе которой лежат номинативно-репрезентативный и коммуникативно-функциональный принципы, изучается актуализация языковых элементов в речевой деятельности, в динамике. Семасиология и ономасиология на современном этапе развития науки характеризуются тенденцией к эксплаторности в науке, с расширением междисциплинарных связей и стремлением к интегративности.

В центре исследований структурно-семантического направления в словообразовании находится производное слово, которое в составе словообразовательной пары становится базой для образования комплексных единиц словообразования (словообразовательная категория, словообразовательная цепь, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо), рассматриваемых в синтезе их формальных и содержательных свойств.

В рамках системно-структурного подхода возникают теории, выходящие за пределы структурно-семантического описания и анализа и рассматривающие словообразование в динамическом плане. Функциональное словообразование в зависимости от понимания особенностей перехода от содержания к форме характеризуется множеством теорий, противопоставленных друг другу, с одной стороны, и взаимодополняющих и взаимосвязанных, с другой.

К ним можно отнести учения о словообразовательном синтезе (И.Г. Милославский); факторах, влияющих на процесс конструирования, – синтаксических (Е.Л. Гинзбург, Л.В. Сахарный), словообразовательных (Е.А. Земская, А.И. Катлинская); теории словообразовательной модели (И.С. Торопцев); номинативного компонента речевой деятельности (Е.С.

Кубрякова); номинативной деривации (В.М. Никитевич), номинации как особой формы речевой деятельности (Л.К. Жаналина) и др. Когнитивное словообразование является естественным продолжением теории номинации. В центре исследований с точки зрения когнитивного аспекта находятся концептуальные структуры представления знаний, репрезентированные в производных словах определенных словообразовательных моделей.

Разработка и использование положений интегративного словообразования, учитывающего принципы и цели синхронического и диахронического, семасиологического и ономасиологического, когнитивного подходов, актуальна в современной лингвистике. С ней связана проблема наиболее полного описания языка как системы, особенностей его функционирования и изменения в процессе исторического развития.

2 КОГНИТИВНО-НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИХОДНОГО СЛОВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ

2.1 Концепт «гнездо» в лингвистике: теоретические основы

Большой интерес в современной дериватологии представляет словообразовательное гнездо (СГ) – одно из крупнейших комплексных единиц словообразовательной системы языка. Большой интерес к нему обусловлен выполнением ею основной системообразующей функции. «Система в словообразовании, - пишет А.Н.Тихонов, - это система гнезд» [147,4].

Отдельные наблюдения над СГ в русском языкознании можно найти в трудах Н. Греча, А.С. Шишкова, В.И. Даля, В.В. Виноградова. Например, структура словообразовательного гнезда в работах Н. Греча [148] и А.С. Шишкова [149] отражалась в виде дерева и концентрических кругов. В.И. Даль писал, что связи между однокоренными словами «представляют в нашем языке особый и общий закон, который дает нам неизменные правила образования слов звеньями, цепью, гроздьями» [150, XXVII]. В.В. Виноградов определял лексическое гнездо как совокупность лексических единиц, связанных общностью корневой морфемы, и неоднократно отмечал, что «собрание слов по гнездам и семьям чаще всего основано на сознании единства их происхождения и родства значения» [151,227].

В современной лингвистике исследованию СГ уделяется большое внимание. Изучению семантических и структурных особенностей его организации посвящены отдельные работы А.Н. Тихонова, Е.Л. Гинзбурга, П.А. Соболевой, И.В. Альтман, С.С. Белокриницкой, И.С. Улуханова, И.А. Ширшова, Л.А. Шеляховской и многих других. Структура СГ отражена в гнездовых толковых словарях русского языка.

Большое теоретическое значение в разработке вопроса о СГ имеют работы А.Н. Тихонова, автора двухтомного словообразовательного словаря русского языка. Им выделены основные вопросы, связанные с теорией гнездования слов:

1. принцип синхронии при объединении слов в гнезда;
2. объем словообразовательных гнезд;

3. выделение подгнезд в СГ с исходным словом-полисемантом;
4. семантические отношения между членами деривативной пары в гнезде;
5. семантические отношения между гнездами;
6. роль СГ в системной организации лексики;
7. КЕС в гнезде [152].

Наряду с термином «гнездо» ученые нередко используют термины «семья слов», «парадигма», «поле». Сочетание «семья слов», или этимологическое гнездо, генетическое гнездо, корневая группа, более применимо, на наш взгляд, к группам слов, отражающих генетические деривационные связи, тогда как в СГ отношения между словами синхронные.

Проблемами теории этимологических гнезд русского и славянских языков впервые стала заниматься Ж.Ж. Варбот. Этимологическое гнездо – это группа слов, связанных генетическим родством. В него могут входить слова одного языка (в узком смысле) или родственных языков (в широком понимании) независимо от прозрачности этих связей на современном этапе языка [153]; [154]; [155]. Иными словами, этимологическое гнездо есть совокупность слов – рефлексов одного общего исторического корня.

Термин «парадигма», широко употребляемый в лингвистической науке, имеет большую смысловую нагрузку: 1) любой класс языковых единиц, противопоставленных друг другу и имеющих интегральный признак или вызывающих одинаковые ассоциации; 2) модель и схема организации такого класса или совокупности; 3) система форм одного слова [18,366]. В науке различают лексические, синтаксические, морфологические, семантические и словообразовательные парадигмы. Данный термин в словообразовании используется по аналогии с морфологией. Под словообразовательной парадигмой, в отличие от СГ, понимают совокупность однокоренных образований, созданных на одной и той же ступени деривации от одного общего производящего слова [73].

Термин «поле» впервые стал употребляться в значении «семантическое поле», затем стали выделять морфологические, синтаксические, ассоциативные и деривационные поля. Полем в лингвистике называют «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [18,380]; [59]. Поле содержит центр (общий семантический компонент и

его формальное выражение - корень) и периферию (модификации содержания и формы – производные слова). Однако в системе поля недостаточно полно отражаются синтагматические и парадигматические связи между производными словами.

Наиболее употребителен в традиционном словообразовании термин «гнездо». В пределах лингвистической терминологии известны сочетания слова «гнездо» с разными уточнителями: словообразовательное, лексическое, семантическое, синонимическое, словарное и др. [20,172].

При толковании термина «словообразовательное гнездо», ученые заполняют его разным содержанием. Например, определение СГ, по П.А. Соболевой, как «конечного множества словообразовательных структур, характеризующегося тождеством первого деривационного шага» [156,50], широко используется представителями аппликативной грамматики, рассматривающих СГ в виде совокупности последовательных деривационных шагов. В понимании Е.Л. Гинзбурга СГ есть «совокупность аффиксальных конструкций, упорядоченная отношениями производности однокоренных слов, оформленных аффиксами» [157,35]. По мнению И.С. Улуханова, СГ можно рассматривать как совокупность однокоренных слов, при котором «далеко не все отношения между членами гнезда являются отношениями словообразовательной мотивации» [2,7]. СГ, по мысли А.И. Моисеева, есть суммарный результат словообразовательных процессов, начатых на базе исходного (корневого) производящего (составляющего вершину гнезда) и продолженных на базе его производных всех последующих его степеней производности, ставших производящими [20,174]. Во многих современных исследованиях по словообразованию, в которых все больший уклон делается на изучение семантической стороны языкового знака, гнездо рассматривается как «сложное лексико-семантическое единство», лексическая микросистема, которой присущи различные семантические изменения [158]; [159]; [160]. Все приведенные нами определения объединяет один общий признак – понимание СГ как единой системы.

А.Н. Тихонов выделяет СГ в самостоятельную единицу языка и понимает его как определенную систему однокоренных слов, упорядоченную отношениями производности. «Общность однокоренных слов проявляется не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но и в плане содержания (корень выражает для всех родственных слов элемент значения), то есть слова, объединяющиеся в словообразовательное гнездо, имеют и смысловую, и материальную

общность... В основе строения гнезд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим» [74,35]. В СГ, кроме общности корня, необходимо наличие семантических отношений на современном этапе, утрата данных смысловых связей влечет разрыв границ гнезда, в результате которого появляются новые самостоятельные гнезда.

СГ развивается в синтагматическом и парадигматическом отношениях. Выделяются СГ, равные словообразовательной паре; СГ, равные словообразовательной цепи; СГ, равные словообразовательной парадигме; СГ, объединяющие словообразовательные цепи и словообразовательные парадигмы [69]; [74]. А.И. Моисеев выделяет следующие структурные типы СГ: элементарное, веерное, линейное, комплексное гнезда и гнездо-слово. Элементарное гнездо представляет собой словообразовательную пару – сочетание двух слов, связанных отношениями производности. Веерным гнездом называется объединение более двух слов, образованных от одного производящего и находящихся на одной ступени словопроизводства, то есть словообразовательная парадигма. Линейное гнездо – это ряд производных слов, при котором одно из них является одновременно производным и производящим. Комплексное гнездо представляет собой объединение всех выше названных типов гнезд. СГ – слово (нулевое, или потенциальное, по И.А.Ширшову) – это гнездо, равное одиночному слову, не проявившему словообразовательной активности [20,181].

Традиционно разграничивают словообразовательные и лексические гнезда. Так, Е.Л.Гинзбург исследовал СГ в сопоставлении с лексическим: «к необходимости различения лексического гнезда (совокупности однокоренных лексических единиц, объединяемой семантической непрерывностью этих единиц, наличием у них общих семантических составляющих) и словообразовательного гнезда (структуры совокупности однокоренных слов из одного лексического гнезда, разделяемой и другими лексическими гнездами) приводит не только недопустимость смешения совокупности единиц и ее структуры, но еще и то, что далеко не все члены лексического гнезда объединяются одной - единственной словообразовательной структурой» [94,164].

А.Н.Тихонов, пытаясь отграничить СГ от лексического, вводит понятие корневого гнезда. «Словообразовательные гнезда, - пишет он, - выделяются на словообразовательном уровне, а корневые на морфемном... Корневые гнезда возглавляют не слова, а связанные корни. Такие гнезда обычно состоят из двух и более подгнезд, во главе которых

стоят слова со связанными корнями, не находящиеся между собой в словообразовательных отношениях. Подгnezда организованы по принципу словообразовательного гнезда. Иначе говоря, корневое гнездо включает два и более словообразовательных гнезд, исходные слова которых характеризуются общностью корневой морфемы» [161,270]; [162]. По мнению ученого, «в словообразовательное гнездо входят не все однокоренные слова. В синхронной системе словообразования немало однокоренных слов, которые являются родственниками, но не вступают в отношения производности. Например, *говядина* и *говяжий*... Они входят в другой тип гнезда – корневое гнездо. Корневые гнезда объединяют все однокорневые слова независимо от того, находятся они в отношениях производности или не вступают в такие отношения. Все слова, входящие в корневое гнездо, находятся в определенных лексических отношениях. Значит, такие гнезда однокоренных слов можно назвать лексическими» (по Ширшову) [163,9].

И.А. Ширшов, развивая мысль А.Н. Тихонова, более последовательно разграничивает лексические и словообразовательные гнезда [163,10-12]. (см. таблицу 7).

Таблица 7 – Лексическое и словообразовательное гнезда

Признаки	Лексическое гнездо	Словообразовательное гнездо
Общее	Наличие у группы слов одного общего корня	
	Наличие семантического инварианта, ассоциативных отношений внутри гнезда, осознание носителями языка этих слов как родственных	
Различия	Входят слова со свободным и связанным корнями	Входят слова только со свободными корнями
	Словообразовательный аспект является фоновым, имплицитным, семантический аспект главным	Деривационный аспект доминирует, словообразовательная структура содержит только нарек на лексическое значение слова
	Совокупность слов, объединенных мотивационными отношениями	Группа однокоренных слов, упорядоченных отношениями производности

И.А. Ширшов пытается разработать понятие лексико-словообразовательного гнезда, которое «не является механическим соединением лексического и словообразовательного гнезд», а «представляет своеобразный сплав того и другого, органическое единство лексической и словообразовательной систем, раздельное описание которых не дает целостного представления о языке» [163,19]. Поэтому основной задачей исследований И.А. Ширшова и его последователей является создание толково-словообразовательного словаря, в основе описания которого лежат два аспекта – семантический и словообразовательный: «в нем мотивационные отношения и деривационные будут слиты неразрывно, гнездо будет представлено как системно-структурное образование» [163,12]; [164]; [165]; [166]; [167]; [168].

В лингвистической литературе существуют попытки типологии СГ.

СГ, как известно, является одним из основных средств организации производной лексики, словообразовательного материала в целом (наряду со способами словообразования и словообразовательными типами). А.И. Моисеев предлагает рассматривать эти единицы как «обратные» величины: в гнезде объединены слова с одним общим корнем и разными аффиксами; в словообразовательный тип – слова с общим словообразовательным значением и аффиксом, но разными корнями. В связи с этим ученый выделяет (ранее В.И. Кодухов) две разновидности СГ: корневые (гнезда родственных слов) и аффиксальные (гнезда тематических словообразовательных рядов, основанных на единстве аффикса) [169,174]; [20,257]. В дериватологии сделаны попытки описания не только корневых СГ, но и аффиксальных. Например, И.Б. Штерн исследовала структуру суффиксальных гнезд [170].

Наиболее полной представляется типология гнезд И.А. Ширшова. По его мнению, система гнезд имеет следующий вид:

1. корневое СГ;
2. корневое лексическое гнездо;
3. корневое морфемное гнездо;
4. корневое лексико-словообразовательное гнездо;
5. аффиксальное лексическое гнездо;
6. аффиксальное СГ;
7. аффиксальное лексико-словообразовательное гнездо;
8. аффиксальное морфемное гнездо [163,15].

Из 8 названных типов, отмечает И.А. Ширшов, в русской

лексикографии описаны 4: корневое лексическое гнездо (В.И. Даль), корневое словообразовательное (А.Н. Тихонов), корневое морфемное и аффиксальное морфемное (А.И. Кузнецова и Т.Ф. Ефремова). В настоящее время активно разрабатываются принципы описания корневого лексико-словообразовательного гнезда (И.А. Ширшов) [163,15].

В основе многих исследований последних десятилетий находятся СГ, которые, как неоднократно отмечают ученые, являются «средоточием не только собственно словообразовательного, но и морфологического, синтаксического начал» [147,4].

Наиболее активно изучаются СГ с позиции частеречной характеристики исходного слова (А.Н. Тихонов, А.И. Моисеев, К. Шарофиддинов, П.А. Соболева, Е.Л. Гинзбург, С.С. Белокриницкая и др.). Основными задачами при этом считаются особенности грамматической структуры СГ, словопорождающая активность вершинных слов СГ и др. [147,11-12].

Каждая часть речи как источник образования новых слов имеет свои специфические признаки: определенный набор словообразовательных типов, словообразовательных значений, свои способы словообразования на разных ступенях. В типологии СГ гнезд выделяют глагольные гнезда (по данным исследований наиболее высокий деривационный потенциал) и именные – субстантивные, адъективные, адverbиальные гнезда и др. В дериватологии активно изучались СГ каждого из указанных типов. Например, С.С. Белокриницкой предложена классификация СГ с исходным существительным, Г.А. Смирновой изучена типология отадъективных гнезд и др. [171]; [172]; [173]; [174].

Специфика структуры СГ с позиции частеречной отнесенности слов была предметом исследования у представителей аппликативной порождающей грамматики (П.А. Соболева, Е.Л. Гинзбург, И.В. Альтман и др.). Так, в работах П.А. Соболевой структура СГ определяется по частеречной принадлежности слова, между которыми выявляются словообразовательные отношения на каждой ступени в рамках СГ [175].

Однако следует отметить, что предложенные аппликативистами исследования, в которых основополагающим критерием при анализе СГ является грамматический, не раскрывают полностью словообразовательный потенциал исходного слова, структура которого состоит из следующих элементов:

1) грамматический потенциал – способность к порождению грамматически независимых от нее единиц в зависимости от морфологической закреплённости производящей базы (изучено в

аппликативной грамматике);

2) семантический потенциал – семантическая способность производящей базы к порождению новых семантически независимых от нее единиц;

3) семантическая валентность – семантическая способность к согласованию производящей базы и словообразующих аффиксов; 4) словообразовательная валентность – структурная способность к сочетанию производящей базы с аффиксами или друг с другом (при словосложении);

5) морфонологическая валентность – морфонологическая способность к согласованию производящей базы и аффиксов;

6) генетическая валентность – генетическая способность к согласованию производящей базы и аффиксов [70,12].

В связи с этим в дериватологической науке активно ведутся исследования СГ, учитывающие многообразие словообразовательных связей слов с позиции их лексических особенностей, т.е. с точки зрения более мелких группировок слов, чем части речи (тематических групп, лексико-семантических групп и др.). Изучение СГ в тесной связи лексики и словообразования, СГ как особой семантической организации представлено в трудах В.В. Виноградова, А.Н. Тихонова, Е.Л. Гинзбург, К. Шарофиддинова, Н.Ю. Авиной, А.М. Зализняк, Л.А. Шеляховской, Л.В. Эглит и др.

Семантическая общность производных слов, как отмечают ученые, проявляется в наличии общих («стержневых» по А.Н. Тихонову) лексических значений. Иными словами, производные слова в СГ группируются, основываясь на определенное стержневое значение, чаще всего им является одно из первых прямых значений исходного слова, возглавляющего СГ. Однако в случае полисемантности вершинного слова стержневым может оказаться любое его значение, в том числе и переносное.

«Нередко одни производные слова в гнезде, – отмечает А.Н. Тихонов, – группируются вокруг переносного стержневого значения (или значений)... Так возникают подгнезда» [74,20]. А.М. Зализняк продолжает развивать данную идею в теории смысловых подгнезд. В связи с этим «обособление в гнезде целого ряда смысловых объединений» происходит из-за исходного слова-полисеманта, многозначных аффиксов, различных способов деривации и словообразовательных типов [159,129].

З.Г. Кеворкова, рассматривая СГ как определенную лексическую микросистему, считает, что семантическую структуру СГ составляют не

только соотносительные значения (общий семантический признак, переходящий от слова к слову), но и несоотносительные значения (уникальные для одного или нескольких слов СГ). Основой СГ является интегральный показатель (общность лексического значения). При затемнении интегрального показателя, по мнению исследователя, слова находятся на стадии отрыва от словообразовательного гнезда [158,72].

СГ можно соотнести с лексико-семантическими группами (ЛСГ). Общим, объединяющим данные понятия, являются интегральные семы. Однако главным отличием является то, что в СГ эти интегральные семы выражены в словах, связанных одной производящей основой, а в ЛСГ – слова одной части речи [160]; [176]; [177]; [178]; [179]; [180]; [181]; [182]; [183].

По аналогии с выделением типовой словообразовательной парадигмы в дериватологии наблюдаются попытки описания типового СГ. Впервые исследование СГ как обобщенной модели было проведено аппликативистами. В разработанной ими теории СГ важное значение имеет положение о ступенчатости словообразовательного механизма и о слове как продукте ряда словообразовательных актов, отраженных так или иначе в его структуре.

Производные слова СГ, согласно их теории, распределяются по ступеням. Ступень гнезда, которое надлежит занять производному слову в структуре СГ, определяется по количеству деривационных шагов его составляющих R-слов (например, словообразовательная структура слова может выглядеть следующим образом: R1R1O или R2R1RO). Предложенная ими символика (реляторы формальной характеристики классов слов) позволила объединить все структуры СГ в одну общую модель. Однако при этом они не учитывали особенности семантической организации СГ.

Идея типового СГ получила дальнейшую разработку в исследованиях СГ слов определенной лексико-грамматической группы. Так, Г.А. Исабекова под обобщенным гнездом понимает структурно-семантическую модель, систему определенных инвариантных словообразовательных значений и их формальные выражения. По мнению исследователя, существует единый деривационный процесс, при котором структурно-семантическая модель обобщенного гнезда демонстрирует возможную динамику конкретного СГ определенной лексико-грамматической группы и обладает способностью предугадать как реальные, так и потенциальные единицы [176,18-31].

К. Шарофиддинов при исследовании структуры СГ глаголов

движения разработал их типологию путем обобщения особенностей гнезд слов, принадлежащих к определенным лексико-грамматическим группировкам внутри той или иной части речи, и предложил один из возможных способов описания типа (модели) гнезда [177,5].

Исследуя формально-семантические отношения слов в СГ, О.Н.Огай разрабатывает понятия «формальная структура гнезда» и «семантическая структура гнезда». Под формальной структурой гнезда понимается обобщенная схема последовательного синтагматического и парадигматического развертывания гнезда, в которой отражаются формально выраженные словообразовательные связи между его членами. Под семантической структурой гнезда понимается обобщенная схема семантических позиций между членами СГ и последовательность реализующихся словообразовательных значений дериватов [184,9].

С развитием идей антропологической лингвистики словообразовательное гнездо рассматривают с позиции языковой личности. Ю.Н. Караулов считает, что материальным субстратом языкового сознания личности являются ассоциативно-вербальные сети, позволяющие носителю языка дешифровать свои знания о мире [185].

По мнению автора, в ассоциативно-вербальной сети наблюдается примитивизация СГ, поскольку в ней наличествуют не целые гнезда (ср. в словаре А.Н. Тихонова), а лишь их следы. «Употребление термина «гнездо» по отношению к группам слов в ассоциативно-вербальной статье, связанным словообразовательными отношениями, в высшей степени условно. На самом деле мы оперируем здесь лишь 2-5 словами из полного СГ, однако словами, позволяющими это гнездо идентифицировать, то есть установить его корень» [185,139].

Анализируя СГ в ассоциативно-вербальной сети, Ю.Н. Караулов приходит к следующим выводам: ассоциативное СГ является особой строевой единицей ассоциативно-вербальной сети, отличаясь от системного гнезда, прежде всего, неполнотой и разрывностью [185,171]. По мнению ученого, вся совокупность СГ в сети, несмотря на неполноту каждого отдельного гнезда, включает в себя, наряду с единицами, и все системы продукции. Ассоциативное словообразовательное гнездо, таким образом, служит вместилищем грамматической и семантической информации об отдельном слове и группе слов, а совокупность точек словообразовательной активности в сети служит средством маркирования базовых понятий в семантическом пространстве, в языковой картине мира [185,172].

С разработкой положений функционального словообразования

исследование СГ получает новые перспективы. Так, авторы книги «Функциональное словообразование русского языка» рассматривают СГ в свете когнитивного аспекта и изучают направления развития исходного концепта в процессе познавательной деятельности человека, его отражение в структуре гнезда. «Объем гнезд, — отмечают они, — возрастает в тех случаях, когда наименование предметов получает дополнительное функциональное содержание, включаясь в разнообразные типы ситуаций, в которых объекты приходят в соприкосновение с деятельностью человека. Использование реалий в типичных для них ситуациях ведет к увеличению словообразовательного потенциала слов» [186,73]; [187].

С позиции когнитивно-ономасиологического анализа СГ исследуется как определенная когнитивно-номинативная модель [188]. Под когнитивно-номинативной моделью СГ исследователи О.А. Попович, М.Т. Шакенова предлагают понимать модель, отражающую процесс формирования и способы представления значений номинативных единиц, объединенных общим корнем, в результате познавательной деятельности человека [188,90]; [189].

При анализе когнитивно-номинативной модели СГ, по мнению ученого, необходимо ответить на следующие вопросы:

- 1) какие фрагменты действительности нашли свое языковое отражение в производных словах;
- 2) система каких понятий сформировалась в результате познавательной деятельности человека, направленной на эти фрагменты;
- 3) какие отношения между фрагментами действительности и понятиями, объем которых составляют данные фрагменты, отразились в комплексных единицах словообразования; паре, цепи и парадигме;
- 4) при использовании каких логических операций проходила мыслительная обработка отображаемых реалий;
- 5) в производных каких типов закрепились те или иные результаты познавательной деятельности [188,91].

При исследовании СГ существуют попытки интегрированного, многоаспектного анализа данной словообразовательной единицы [190]; [191]. Так, М.М. Закарьян предлагает изучать СГ на трех уровнях (грамматическом, словообразовательном и лексическом), что позволяет «более четко разграничить различные типы значения, определить средства выражения этих значений и систему отношений в гнезде на разных уровнях языка». Предложенные ученым принципы изучения СГ используются не только в синхронии, но и в диахронии [191,91].

Анализ СГ ведется в основном в синхронном аспекте, преимущественно на материале современного русского языка. СГ в диахронном плане описаны в меньшей степени. Проблема развития СГ в языке на материале отдельных групп слов представлена в работах А.Н. Тихонова, Н.Ю. Авиной, З.А. Монастыренко, М.Т. Шакеновой и др. [192]; [193]; [194]; [195]; [196]; [197]; [198].

На необходимость изучения СГ в диахроническом аспекте для более глубокого понимания его современного состояния указывал еще В.В. Виноградов: «Изучение истории формирования, развития и расслоения лексических гнезд как восходящих к основному словарному фонду, так и складывающихся за его пределами..., раскрывает не только разнообразие отражений истории народа в изменениях словарного состава языка, но и внутренние закономерности связей, расхождений и сцеплений разных лексических гнезд в развитии словарного состава языка». И еще: «... в разграничении, сочетании и дроблении лексических единиц ярко обнаруживаются и те социально-исторически обусловленные процессы, которые приводят к обособлению тех или иных слов от лексического гнезда..., а также общие тенденции семантического развития языков – в его историческом движении – в связи с развитием общества» [151,85-86].

Таким образом, СГ находятся в постоянном движении и подвержены историческим изменениям. На развитие словообразования (в том числе и СГ) как системы оказывают влияние экстралингвистические (внеязыковые) и лингвистические (общезязыковые и внутриязыковые) факторы. Внеязыковые причины развития, как известно, связаны с изменениями реалий окружающей нас действительности. К общезязыковым факторам ученые относят общие тенденции развития частей речи в русском языке, заключающиеся в стремлении дифференцироваться и в оформлении семантических, грамматических и словообразовательных особенностей каждого разряда.

Еще А.А. Потебня указывал, что по направлению к современному языку происходит усиление глагольности и адъективности, что проявляется в установлении словообразовательной зависимости имен с "вербальной" семантикой от глагола и имен с "адъективным" значением от прилагательного [199,78]. К внутренним факторам развития словообразования относятся взаимодействие деривационных процессов и отношений, внутрикатегориальное и межкуатегориальное словообразование и т.д. [24,7]. Под влиянием данных факторов смысловые связи между производными словами СГ с течением времени ослабевают или утрачиваются. Поэтому состав гнезда не остается

постоянным: из них выпадают деэтимологизированные группы слов, и они могут пополняться новообразованиями.

С позиции диахронического словообразования ученые исследуют СГ как совокупность производных слов, объединенных общностью корня и наличием «живых» смысловых связей, и этимологические гнезда как совокупность слов, связанных общностью корня-рефлекси́ва. Исследование этимологических гнезд в диахронии выявляет динамику формально-семантического развития исходного корня и позволяет описать причины разрыва живых на стадии формирования СГ в праславянском языке и их превращения в этимологические. Диахронический подход к изучению словообразовательных гнезд позволяет определить особенности становления СГ, их функционирования на разных исторических этапах языка, выявить структурно-семантические изменения и перспективы их движения, увидеть закономерности развития словообразовательной системы языка.

Попытка объединения синхронического и диахронического анализа осуществлена в работе Д.Ф. Ермаковой «Опыт изучения словообразовательного потенциала лексико-грамматической группы: синхрония и диахрония». Изучение словообразовательного потенциала, как пишет исследователь, «требуется учета двух аспектов его существования – диахронического и синхронного», поскольку в нем сочетаются две формы его проявления: с одной стороны, словопорождающие возможности становятся присущи любому слову в момент формирования его лексического значения и появления его в языке; с другой стороны, словообразовательные потенции проявляются в конкретном наборе производных, который различается не только от слова к слову, но и внутри словообразовательного гнезда одного слова от эпохи к эпохе [200,5].

Таким образом, в дериватологии изучаются структурно-семантические и лексико-грамматические особенности СГ в синхронном и диахроническом аспектах. Достаточно актуально исследование СГ с позиции антропоцентрического подхода в лингвистике; описание СГ в ассоциативно-вербальной сети, анализ словообразовательных гнезд как когнитивно-номинативных моделей и т.д.

В настоящей работе предпринята попытка синтеза синхронического и диахронического (в широком смысле, включая этимологию) подходов, поскольку такое интегрированное описание позволяет дать «каждой существующей синхронической связи диахроническую интерпретацию» [31,6].

Словообразовательное гнездо рассматривается как реализация когнитивно-номинативного потенциала исходных слов. Когнитивно-номинативная парадигма слова, по нашему мнению, представляет результат реализации возможности формального, семантического и когнитивного возрождения исходного слова в производных в соответствии с правилами словообразования и при использовании деривационных средств. При интегративном подходе, включающем синхронно-диахронический, семасиолого-ономасиологический и когнитивный аспекты – СГ изучается как объединение формальной, семантической и когнитивной парадигм на разных этапах развития языка.

2.2 Формальная структура словообразовательного гнезда

Под формальной парадигмой СГ понимается схема последовательного синтагматического и парадигматического развертывания гнезда, в котором отражаются формально выраженные словообразовательные связи между его членами и их морфонологические преобразования [184,8]. Описание формальной парадигмы предполагает решение следующих задач: определение деривационного потенциала исходных слов с корнями *vert-, *vort-, *vʏrt- на уровне синтагматики (глубина СЦ) и парадигматики (количество членов в СП); выявление сочетаемостных возможностей исходной производящей основы и словообразовательных формантов; определение набора словообразовательных средств и наиболее продуктивных способов словообразования слов СГ.

Для описания формальной парадигмы СГ исходных слов с корнями *vert-, *vort-, *vʏrt- в синхронии и диахронии нами систематизированы современные СГ (по данным Словообразовательного словаря А.Н. Тихонова и толковых словарей современного русского языка) [201]; [202]; [203]; и реконструированы диахронические СГ (по данным толковых словарей) [204];[206-219].

В синтагматическом плане (по горизонтали) СГ представлено в виде совокупности СЦ. Проанализированный материал позволяет дать следующую типологию СЦ: 1) нулевые СЦ (термин И.А. Ширшова), 2) двухзвеньевые СЦ; 3) трех- и более звеньевые СЦ. Нулевые СЦ включают только одно производящее слово. Например, в XI-XIV вв. слова *веретено*, *воротъ* не были основой для образования новых слов. Двухзвеньевые СЦ состоят из производящего и производного слов. Например, *воротити* - *воротитися*, *ворота* - *воротникъ*. Структура трех- и более звеньевых СЦ включает производящее слово и 2 и более производные слова.

Например, *врата* – *вратарь* – *вратарица*, *врѣмя* – *врѣменный* – *врѣменно*, *вратити* – *обратити* – *обращати*, *вертѣти* – *объртѣти* – *обертывати*, *современный* – *ультрасовременный* – *ультрасовременность*.

Развитие деривационного потенциала исходных слов СГ отражается в увеличении количества и глубины СЦ. Так, например, существительное *воротъ* в XI-XIV вв. возглавляло нулевую СЦ [204], а в XIV-XVII в. стало включать 3 двухзвеньевые (*воротъ* – *воротокъ*, *воротъ* – *воротовой*,

воротъ – воротъный) и 1 трехзвеньевую СЦ (воротъ – воротникъ – воротничико) [205].

Количество двух-, трех- и более звеньевых СЦ в СГ выросло за счет образования производных слов в процессе исторического развития. Например, в СГ с вершиной *врѣмя* рост количества СЦ и увеличение их глубины можно представить в виде таблицы 8 [204]; [205-206];[207];[208-216]; [202-203]:

Таблица 8 – СЦ в СГ *время* на разных этапах языкового развития

СЦ Периоды	двухзвеньевые	трехзвеньевые	четырёхзвеньевые	пятизвеньевые
1	2	3	4	5
XI- XIV вв.	2 <i>врѣмя - временъный врѣмя - врѣмье</i>	3 <i>врѣмя - временъный - временъно, временънѣ, временънѣи</i>	-	-
XIV- XVII вв.	2 <i>врѣмя - временъникъ2 врѣмя - навремя врѣмя - невремя</i>	3 <i>врѣмя - временъникъ1 - временъница врѣмя - современъный – современникъ,</i>	8 <i>врѣмя - временъный - временнѣ - вовременнѣ врѣмя - временъный-</i>	-
		<i>временъный - временънѣи</i>	<i>благовременный - благовременно и др.</i>	
XVIII вв.	3 <i>врѣмя – временънѣрь, - временъисчисление, временъчко</i>	1 <i>врѣмя - временъный - временность</i>	2 <i>врѣмя - временить - извременити - извременять, извремяние</i>	-

XIX вв.	1 врѣмя - временной	6 врѣмя - временщикъ – временщица, временчивый – временчивость, временный - временность и др.	1 врѣмя - временить - временитель - временительница	-
XX в.	11 время – времечко, временка, вневременный, вовремя, временахождение	31 время – современный - сверхсовременный, суперсовременный и др.	18 время – современный – несовременный – несовременность, несовременно и др.	3

Следует отметить, что в некоторых СГ изменилась структура СЦ не в сторону увеличения глубины, а в сторону ее уменьшения, что связано, во-первых, с утратой производящего слова в языке, во-вторых, с разрывом формально-семантических связей между членами словообразовательной пары. Например, четырехзвеньевая СЦ *верста – верстати – сверстати – сверстник – сверстница* распалась на три: *верста, верстать и сверстник – сверстница* в связи с семантическим расхождением между членами цепи [201]; [204]; [202]. По данной причине произошел распад СЦ *вертѣти – вернуть – ввернути, вертѣти – вернуть – възвернути* и др. на более мелкие цепи [202]; [203]. В СГ *вратити* глубина всех СЦ уменьшилась на одно звено с утратой исходного слова, поэтому производные слова первой ступени деривации стали возглавлять самостоятельные гнезда (*вратити – отвратити – отвращатися, вратити – совратити – совратитися*).

Как показывает материал, количество звеньев в цепи зависит от частеречной характеристики исходного слова. В анализируемых СГ можно выделить глагольные и именные (субстантивные и адъективные) СЦ. Адъективные гнезда с анализируемыми словами выделились в отдельные СГ только на современном этапе языка (СГ *превратный, коловратный*).

Глагольные СЦ имеют большую глубину, чем именные. Основное количество глагольных СЦ состоит из трех-четырех звеньев, например, *вертѣти – навертети – наверчивати – наверчивание; вратити – отвратити – отвратитися – отвращатися*. На современном этапе

количество звеньев в некоторых СЦ возросло до пяти-шести звеньев: *воротить – поворотить – поворот – поворотливый – неповоротливый – неповоротливость; возвратить – возвращенный – невозвращенный – невозвращенец – невозвращенка.*

Словообразовательный потенциал существительных зависит от характера семантики исходного слова. Существительные с конкретной семантикой образуют в основном двухзвеньевые СЦ (*вертепь – вертепный, ворота – воротца; сверстник – сверстничек, верста – верстовой, верста – многоверстный*). Количество звеньев в СЦ с исходными абстрактными существительными увеличивается на несколько шагов (*время – временный – безвременный – безвременно, время – временный – временнообязанный (прилаг.) – временнообязанный*).

В СГ с исходным прилагательным словообразовательный потенциал довольно низкий, что проявляется в образовании только двухзвеньевых цепочек (*превратный – превратное, превратный – превратно, превратный – превратность, коловратный – коловратность*).

Развитие словообразовательного потенциала исходных слов подтверждают образованные в СЦ лакуны, отражающие чересступенчатое словообразование на разных исторических этапах языка. Так, в глагольных СЦ на четвертой ступени деривации непоследовательно образуется производное префиксальное прилагательное, являющееся в свою очередь производящей базой для наречия. Ср.:

*отвратный – неотвратный – неотвратно
возвратный – невозвратно
поворотный – ----- – неповоротно
обратный – ----- – необратно*

На современном этапе развития языка данная словообразовательная лакуна заполнена:

*обратимый – необратимый – необратимо
отвратный – неотвратный – неотвратно
возвратный – невозвратный – невозвратно
поворотливый – неповоротливый – неповоротливо*

Неполные СЦ, функционирующие в языке на разных временных срезах, являются доказательством развития деривационного потенциала слов с анализируемыми корнями.

Парадигматическую сторону СГ образует совокупность СП. Глубина

СГ варьируется от периода к периоду и наибольшее количество дериватов возникает, как правило, на первом шаге словообразования, что ведет к появлению группировок от одной основы, именуемых СП. Во всех исследуемых СГ активно увеличивалось как количество СП, так и число членов в каждой СП.

Так, у существительного *веретено* количество производных слов на первой ступени словообразования возросло более чем в 10 раз: по данным словарей в XI-XIV [204] в. функционировало только производящее слово, затем появились в XIV-XVII вв. слова *веретенцо*, *веретенище*, *веретенникъ*, *веретенный*, *веретенчатый* [205-206], в XVIII в. - *веретенцо*, *вертешко*, *веретеница*, *веретенчатый* [208-215], в XIX в. - *веретенникъ*, *веретенить*, *веретенистый*, *веретенообразный*, *веретенovidный* [207], в XX в. – *безверетенный* [201].

В процессе языкового развития в анализируемых СГ число СП увеличивается на разных ступенях словообразования.

В глагольных СГ активно и регулярно появляются СП и на второй, третьей ступенях деривации. Например:

<i>возвратити – возвратитися</i>	<i>невозвратный -</i>
<i>невозвратность</i>	
<i>возвращати</i>	<i>невозвратно</i>
<i>возвратъ</i>	<i>невозвратнѢ</i>
<i>отвратити – отвратитися</i>	<i>отвращатися – отвращатися</i>
<i>отвращати</i>	<i>отвращень</i>
<i>отвратъ</i>	<i>отвращение</i>
<i>отвратникъ</i>	

На современном этапе языка в глагольных СГ образуются СП также на четвертой и пятой ступенях словообразования:

<i>поворотливый – поворотливость</i>	
<i>неповоротливый</i>	<i>– неповоротливо</i>
	<i>неповоротливость</i>
<i>малоповоротливый</i>	

СГ исходных существительных с конкретной семантикой в основном образуют СП на первой ступени словопроизводства (*ворота – воротникъ, воротца, воротка, изворотина; врата – вратник, вратарь, привратникъ* и др). В древнерусский период языка СГ *верста* включало в

свою структуру СП на второй и третьей ступенях деривации за счет образования глаголов и их производных. На современном этапе в связи с семантическим сдвигом в словах *верста*, *верстать*, *наверстать* структура СГ *верста* упростилась и образует две СП. Ср.:

<i>вьрста</i>	–	<i>верстовой</i>	
		<i>верстом</i>	<i>Ъръ</i>
		<i>верстати</i>	– <i>верстатися</i>
			<i>верстывати</i>
			<i>верстанье</i>
			<i>верстка</i>
		<i>доверстати</i>	– <i>доверстывати</i>
			<i>доверстка</i>
		<i>наверстати</i>	– <i>наверстаѣтся</i>
			<i>наверстывать</i>

<i>верста</i>	–	<i>верстовой</i>	
		<i>верстный</i>	
		<i>повертнный</i>	– <i>поверстные</i>
			<i>поверстно</i>
		<i>верстомер</i>	
		<i>двухверстный</i>	
		<i>десятиверстный</i>	

СГ с отвлеченным существительным *время*, уже с достаточно сложной структурой в древнерусский период языка и включавшей 4 СП [204-206], на современном этапе увеличило количество СП до 19, в частности на третьей и четвертой шагах словообразования [201]:

<i>время</i>	–	<i>долговременный</i>	–	<i>долговременно</i>
				<i>долговременность</i>
		<i>недолговременный</i>	–	<i>недолговременно</i>
				<i>недолговременность</i>
				<i>ДОТ</i>

В плане сочетаемостных возможностей исходного слова развитие структуры СГ шло в отборе словообразовательных средств. Степень нанизываемости морфем к производящей основе зависит, в первую очередь, от частеречной характеристики исходного слова. В глагольных СГ сочетаемостные возможности исходной корневой морфемы активно проявлялись с двух сторон: слева – нанизывание префиксов и справа –

нанизывание суффиксов, постфиксов и реже флексий. Так, схема присоединения словообразовательных средств к корню *-ворот-* (*воротити*) в диахронии выглядит следующим образом:

<i>в-</i>	<i>не-</i>	<i>-ворот-</i>	<i>-ся</i>	<i>-ива-</i>
<i>въз-</i>			<i>-ива-</i>	<i>-ся</i>
<i>вы-</i>			<i>-тель</i>	
<i>за-</i>			<i>-0</i>	
<i>из-</i>			<i>-ениј-</i>	
<i>на-</i>			<i>-ън-</i>	<i>-о</i>
				<i>-ое</i>
<i>о-</i>			<i>-енн</i>	
			<i>-ј-</i>	
<i>об-</i>			<i>-ник</i>	<i>-ниц-</i>
<i>по-</i>			<i>-чик</i>	<i>-чиц-</i>
<i>под-</i>			<i>-ень</i>	
<i>пере-</i>			<i>-ин-</i>	
<i>при-</i>			<i>-лив-</i>	<i>-о</i>
				<i>-ость</i>
<i>раз-</i>			<i>-ист-</i>	
<i>съ-</i>			<i>-к-</i>	
<i>у-</i>			<i>-ок-</i>	
			<i>-ш-</i>	
			<i>-а-</i>	
			<i>вод(о)-0</i>	
			<i>кол(о)-0</i>	

Как видно из схемы, корень *-ворот-* имел большие сочетательные возможности, получившие материальное выражение в языке. Наибольшую регулярность проявили такие словообразовательные аффиксы, как глагольные (видовые, локативные, темпоральные) и отрицательные префиксы, суффиксы несовершенного вида, отвлеченного действия и признака, постфиксы.

На современном этапе в данном гнезде левая сторона дополнилась новыми префиксами, присоединяемые к производящей основе не только на первой ступени, но и на последующих. Так, к приставке *по-* прибавились следующие префиксы, аффиксоиды и основы: *не-*, *бес-*, *полу-*, *пол-*, *полно-*, *мало-* (*поворотить*, *малоповоротный*, *бесповоротный*, *полуповорот* и др.). Справа некоторые аффиксы увеличили степень

нанизываемости морфем, что выражено в регулярном появлении производных слов при помощи данных словообразовательных средств. Например, суффикс *-лив-* допускает присоединение к себе аффиксов *-ость-*, *-о-* (*изворотливый – изворотливость, изворотливо, поворотливый – поворотливость, поворотливо* и др.) [201]; [220]; [221].

Расширение словообразовательной валентности единицы в процессе языкового развития наблюдается также в некоторых анализируемых глагольных СГ. В них часть префиксальных глаголов образуют новые производные глагольные слова приставочным способом либо сложением (*обратить – преобратить, развратить – поразвратить, обернуться – полуобернуться, отвратить – предотвратить*). В этих случаях присоединение отглагольных приставок к таким же префиксам обусловлено осуществлением процесса опрощения и стиранием межморфемных граней в слове.

В именных СГ количество шагов нанизывания морфем к производящей основе зависит от семантики исходного слова. В СГ конкретных существительных максимальное число шагов – 2. Например, в СГ *вертень* следующая схема присоединения аффиксов (в соответствии с приложением Б):

вертень – *-ьн-*
 -ист-
 -ник- – *-ниц-*
 -ец-
 -ижиц-
 -ижин-

Основными составляющими набора словообразовательных средств в именных СГ являются суффиксы, среди которых есть регулярные и нерегулярные. В некоторых СГ с вершинным конкретным существительным степень нанизываемости морфем увеличивается за счет образования производных глаголов, в связи с чем к корню присоединяются словообразовательные аффиксы, регулярные в глагольных СГ. Например, в СГ *верста* и *время* после образования глагольных слов к корню на второй ступени активно присоединяются префиксы, на третьей и четвертой – постфиксы и суффиксы. Например, *верста – верстать – доверстать – доверстывать, верста – заверстать – заверстатися; время – временить – извременить – извремениать, извремение*. На современном этапе данное свойство сохранилось в гнезде

время, в котором производные глаголы активно образуют новые слова (*время - времени́ть – повремени́ть; время – современн́ый – осовремени́ть – осовремени́ться – осовременива́ться, осовременива́ть – осовременивание*).

В именных СГ практически отсутствует нанизывание морфем к производящей основе слева. Присоединение префиксов к основе наблюдалось, во-первых, при образовании отрицательных прилагательных и наречий (*временн́ый – невременн́ый, временн́ый – безвременн́ый; современн́ый – несовременн́ый, современно – несовременно, веретено - безверетенн́ый*), во-вторых, при образовании производных слов, актуализирующих локативный или темпоральный компонент исходного слова (например, *ворота – подворотня* «пространство между землей и воротами» [202]; *временн́ый – вневременн́ый, довременн́ый, повременн́ый, преждевременн́ый*).

Следует отметить, что некоторые производящие основы субстантивных СГ в современном русском языке увеличили способность к сочетанию с другими основами и аффиксоидами (в случаях компрессивного словообразования). Например, *товарооборот, пассажирооборот, пастбищеоборот, полуоборот; программно-временн́ый, пространственно-временн́ый, временнообязанный, времяпрепровождение; семиверстн́ый, тысячеверстн́ый, пятидесятиверстн́ый, полуверста* и др. [201]; [220]; [221].

Как в глагольных, так и в именных СГ особое место занимает флексия. Вопрос о флексии как словообразовательном средстве в дериватологической науке до сих пор является дискуссионным (см. труды Е.А.Земской, В.В.Лопатина, В.Н.Немченко, И.С.Улухановой, В.М.Никитевич и др. [23]; [33]; [68]; [101]). Так, непоследовательно решается вопрос о статусе флексии. Мы считаем, что грамматические аффиксы, не являющиеся словообразовательным средством с позиции структурно-системного словообразования, участвуют в номинативном акте. Например, в СГ образуются слова с помощью флексий прилагательного единственного числа среднего и женского рода и множественного числа (*поворотное, перевертная, сверстные; временнообязанный, поверстные, невозвратное, неотвратимое, превратное, отворотное*).

При образовании сложных производных гнезда нередко участвуют основы-суффиксы, или аффиксоиды (*полуоборот, полуверста, мордоворот, солнцеворот, вертолет*). В современной дериватологии вопрос об определении статуса данной морфемы до конца не решен.

Проблема аффиксоидов рассматривалась в работах ученых-дериватологов: В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Р.М. Гейгер и др. [32]; [34]; [36]. В анализируемых словах аффиксоиды, по нашему мнению, находятся на переходном этапе от разряда основ к разряду служебных морфем, поскольку, во-первых, они, как аффиксы, проявляют способность к регулярности (*мордоворот, скуловорот, солнцеворот, круговорот, водоворот*), во-вторых, часть из них теряет смысловую связь с производящей второй основой (например, *мордоворот, скуловорот* «лицо, изуродованное действием, названным не только исходным глаголом») [202]; [203].

В гнездах наблюдается тенденция к концентрации и обобщению основных словообразовательных средств в результате закона экономии языковых средств, поэтому в языке наследуются производные, образованные с помощью продуктивных и регулярных аффиксов, нерегулярные выпадают из языковой системы (например, *веретенчатый, вертепенище, вертепенижины*). Также в процессе развития и изменения СГ отмечается борьба средств выражения деривационных значений. На современном этапе эта избыточность преодолена, конкуренция синонимов отсутствует. В анализируемых гнездах в основном дублетными формами были суффиксы и префиксы. Например, значение «подвижный, беспокойный» передавали производные *вертлявый, вертливый, вертляный*, из которых в современном русском языке сохранилось только первое. Также многочисленный ряд словообразовательных средств образуют суффиксы имени отвлеченного действия (*выворачивание, наворотъ, поворотка, поворачивание, завертение, обернутие*). На современном этапе языка наиболее распространенными являются суффиксы *-ениј-, -ниј-, -0-*; формант *-к-* получил оттенок разговорности, *-тиј-* вышел из употребления [201]; [221].

Число дублетных форм в блоке префиксальных глаголов сильно возросло к XVIII в. На современном этапе глагольные префиксы получили специализацию, в связи с чем в литературном языке многие слова-дублеты исчезли либо получили семантико-стилистическое различие (см. Семантическая парадигма). Однако в диалектной системе русского языка наблюдается избыточность в словообразовательных средствах префиксального отглагольного образования. Например, значение «повернуть в сторону» передают следующие диалектные слова: *оборачивать, отворачивать, поворачивать, выворачивать, заворачивать* и др. [217].

Как видно из набора словообразовательных средств в анализируемых СГ, производные слова с корнями *vert-, *vort-, *vьrt- активно возникали с помощью традиционных способов, в частности, самыми распространенными являлись аффиксальные способы словообразования.

В глагольных СГ активно образуются посредством префиксации, суффиксации (в том числе и нулевой) и постфиксации (**поворотити**, **наворотити**, **завьртѣти**, **обертывати**, **извращеније**, **заворотѡ**, **навертыишъ**; **извратитися**, **изворотитися**, **вворотитися**).

В именных СГ наиболее активным способом является суффиксация (**временникъ**, **верстакъ**, **временить**, **веретенный**, **вертепный**, **воротокъ**, **вратникъ**). Значительно реже образуются производные смешанными (**завопртѣе**, **приворотник**, **привратник**), сложносуффиксальным и морфолого-синтаксическим способами (**благовременный**, **своевременный**, **временѢрѡ**, **временѢрѡ**, **временисчисленије**, **поворотное**, **сверстные**, **веретенообразный**, **веретенovidный**). Особое место в СГ занимает лексико-семантический способ (**воротити 1 – воротити 2**, **воротъ 1 – воротъ 2**).

На современном этапе развития русского языка активно образуются слова с помощью традиционных способов словообразования: префиксации (в глагольных и реже в именных СГ), суффиксации (в глагольных и именных), постфиксации (в основном в глагольных).

Например, **поворотить**, **заворотить**, **поразвертывать**, **повременить**, **несовременный**, **суперсовременный**, **заворочаться**, **наворочаться**; **поворотливость**, **возвратный**, **веретенный**, **вертепный**, **превратно**, **двухверстка**, **верстак**; **верстаться**, **поворотиться**, **осовремениться**, **возвратиться**, **извратиться**, **оборачиваться**.

При словопроизводстве слов анализируемых гнезд (в основном в субстантивных) активизируется словосложение и сложносуффиксальный способ (**товарооборот**, **судооборот**, **севооборот**, **малооборотный**, **двухоборотный**, **вагонооборот**, **жирооборот**, **кровообращение**, **мордovorot**, **солнцеворот**, **вертолетѡ**, **вертолетоносец**, **вертолетостроитель**, **своевременный**, **одновременный**, **разновременный**, **программно-временной**, **десятиверстный**).

Также в гнезде происходит образование слов с помощью смешанного и морфолого-синтаксического (субстантивации и адъективации) способов (**безверетенный**, **довременный**, **современный**, **безвозвратный**, **осовременить**; **обращенный**, **поверстные**,

неотвратимое, временнообязанный; извращенный, превращенный). Кроме того, в СГ наблюдаются случаи аббревиации (*продразверстка, ДОТ*).

Словообразовательный потенциал исходных слов выражается также через морфонологическую способность к адаптации производящей базы и аффиксов. Морфонологическая валентность производящей основы проявляется посредством морфонологических процессов, сопровождающих словообразование слов гнезда: чередование звуков и усечение производящей основы. При образовании суффиксальным путем глаголов несовершенного вида и существительных со значением отвлеченного действия наблюдается чередование гласных и согласных. Например, *заворотити – заворачивати, выворотити – выворачивати*.

Менее распространенным, а затем и вовсе утраченным в процессе языкового развития является сопровождающее словообразование данных слов чередование только согласного: *выворотити – выворочение*. Уже в XI-XVII вв. наблюдалось усечение производящей основы при создании имени отвлеченного действия: *выворотити - выворотъ, взворотити – взворотъ*. В некоторых современных СГ специфично появление в производном слове согласного отсутствующего в производящем (*ввернуть – ввертывать, вывернуть – вывертывать, навернуть – навертывать*), что связано с историческими фонетическими процессами, произошедшими в данной группе слов (упрощение групп согласных при присоединении суффикса *-ну-* под действием закона открытого слога).

Таким образом, анализ формальной парадигмы СГ в синхронии и диахронии показал, что развитие деривационного потенциала исходных слов, различающихся частеречной характеристикой, влияет на структуру гнезд на синтагматическом (количество и глубина СЦ) и парадигматическом (количество СП на разных ступенях словообразования) уровнях.

Глагольные гнезда характеризуются многочисленностью и многоступенчатостью своей структуры. Степень нанизываемости морфем к глагольной основе достаточно высокая как справа, так и слева, в отличие от именной основы, присоединяющей морфемы в основном с правой стороны.

Особенность субстантивных СГ заключается в характере семантики исходного слова. СГ с конкретным существительным образуют производные в основном на первом шаге деривации. Гнезда с абстрактным существительным отличаются более разветвленной структурой, увеличению которого способствуют также производные глаголы - база для образования новых слов. При образовании

производных слов в глагольных гнездах наиболее активными, распространенными являются префиксальный, суффиксальный и постфиксальный способы словообразования, в именных СГ – суффиксация.

На современном этапе языка достаточно активным становится компрессивное словообразование. Основной тенденцией СГ, как и языка в целом, является тенденция к концентрации и обобщению основных регулярных и продуктивных словообразовательных средств, в результате которого происходит забвение многих нерегулярных аффиксов, выпадение из языковой системы дублетных форм. Следовательно, в процессе развития языка реализация словообразовательного потенциала исходных слов получает более упорядоченную форму.

2.3 Семантическая организация словообразовательного гнезда

Семантическая организация СГ рассматривается как некая парадигма, включающая две семантические модели: (1) модель деривационного потенциала исходного корня в семантических местах; (2) модель лексических зон. Анализ семантической парадигмы СГ включает выявление состава семантических мест в их филогенезе, нахождение границ лексических зон в составе гнезда и их описание в контексте эволюции семантики производящей основы, установление отношений мотивированности и производности слов, входящих в СГ.

При исследовании особенностей семантической стороны современных СГ мы пытались дать им диахроническую интерпретацию. Важность такого подхода подчеркнута в словах О.Н. Трубачева: «значение значения слова небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересовать, и оно так или иначе интересует специалиста по современной лингвистической семантике, иначе проигрывает лингвистическая семантика» [222,203].

2.3.1 Систематизация словообразовательных значений

В основе изучения семантической модели СГ, создаваемой семантическими местами, лежит понятие ТСП. Данная модель СГ представляет систему деривационных значений при отвлечении от их конкретного способа выражения на разных уровнях СГ – СЦ и СП. В зависимости от частеречных характеристик исходных слов различаются данные схемы в СГ.

Основные семантические места глагольной ТСП названы в монографии Е.А.Земской «Словообразование и деятельность» и представлены в виде таблицы см таблицу 9) [73,23]:

Таблица 9 – Глагольная ТСП

Часть речи производных	Семантические места	Условное сокращение
Глагол	пространственные модификации временные модификации	Д + предел Д + время

	количественные модификации возвратные модификации видовые модификации	Д + количество ВД Д НВ
Существительное	Имя деятеля Имя объекта Имя инструмента Имя результата действия Имя места действия Имя отвлеченного действия Имя отвлеченного признака	S O Instr R L ОД Свойство
Прилагательное	Постоянный признак	ПЗН
Наречие	Признак признака	ПЗН ПЗН
Примечание к таблице - В состав семантических мест глагольной ТСП включены возвратные и видовые модификации, а также некоторые значения имен действия. Таблица дополнена условными сокращениями.		

В анализируемых СГ с исходными глаголами многие значения были представлены уже в XI-XIV вв. Так, состав СЗ в СГ *вратити* в этот период следующий [204]:

Д	ВД		
	Д+предел		
	Д+предел		
	Д+предел	ВД	
	---	---	ОД
	---	ВД	
	Д+предел	ВД	
		Д НВ	ВД
			ОД
			ПЗН
			ПЗН
			ПЗН ПЗН
		ОД	
		----	ПЗН ПЗН
	Д+предел	ВД	
		Д НВ	ВД
			ОД
			ПЗН
		ОД	

Д +предел	Д НВ	
Д+предел	Д НВ	ОД
Д+предел	Д НВ	
---	ПЗН ПЗН	
Instr		

Как видно из примера, к основным СЗ СГ относятся возвратные, пространственные и видовые модификации, значение имени инструмента, постоянного признака, признак признака и имени отвлеченного действия. Так, на первой ступени словообразования образуются в основном пространственные модификации, вторая ступень характеризуется появлением значений возвратности и несовершенного вида и реже значений отвлеченного действия. На третьей ступени образуются значения признака и признака признака.

Эти же значения имеют место в СГ более поздних периодов языкового развития. Например, состав СЗ в СГ *вратити* к концу XIX в. выглядел следующим образом [205-206]; [208-216]; [207]:

Д	ВД ОД Д+предел	ВД ОД Д+время ПЗН S ---	Отриц ПЗН S женское ПЗН	ПЗН ПЗН
	Д+предел	ВД Д НВ ОД ПЗН	ОД отриц ПЗН	Свойство ПЗН ПЗН ПЗН ПЗН ПЗН ПЗН ПЗН
	Д+предел Д+предел	---	отриц ПЗН ПЗН	
	Д+предел Д+предел	ВД ВД Д НВ Д НВ	ОД ВД ПЗН	
	Д+количест во	ОД S ПЗН		
	Д+предел	ВД Д НВ Д НВ	ВД ВД ОД ПЗН ПЗН	S ПЗН ПЗН
		ОД ПЗН	ПЗН ПЗН	отсут ПЗН ПЗН отсут ПЗН

	ПЗН S	отриц ПЗН	ПЗН
			ПЗН ПЗН
Д+предел	ВД Д НВ	ВД ПЗН ОД	
	ОД S		
Д+предел	ПЗН Д НВ ПЗН		
Д+предел	ОД		
Д+предел	ВД Д НВ	ОД ВД ПЗН	
----	S		
ОД+предел	ПЗН ПЗН		

В отличие от СГ более раннего периода развития языка в СГ конца XIX в. Появляются новые типовые СЗ, в частности значения количественной характеристики действия, субъекта действия, отсутствия признака.

Состав СЗ в анализируемых глагольных СГ на современном этапе языка был дополнен, во-первых, за счет регулярности появления многих СЗ (например, значений несовершенного вида, возвратности действия, отвлеченного действия, признака) и, во-вторых, за счет формирования новых СЗ на разных ступенях словообразования (например, значения локатива, результата действия, модификаций признака, свойства и др.). Например, современное СГ *воротить* выглядит следующим образом [201]; [202]:

Д	S		
	Instr		
Д+предел	Д НВ	ВД	
		ОД	

Д+предел	Д НВ		
Д+предел	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	
		ОД	
Д+предел	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	
		ОД	
	R	ПЗН	ПЗН ПЗН
		ПЗН ПЗН	
Д+предел	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	
		ОД	
	ОД		
	L		
Д+предел	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	
		ОД	
	L	L+уменьш.	Свойство ПЗ]
		ПЗН	ПЗН ПЗН
		ПЗН	
	Instr		
Д+количест	Д НВ	ВД	
		ОД	
Д+предел	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	
Д+время	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	
		ОД	
	ОД		
	ПЗН		
	ПЗН	Свойство ПЗН	
		Отриц.ПЗН	
		ПЗН+количество	
	Отриц.ПЗН ПЗН		
	+количество		
	ПЗН+количество		
Д+предел	ВД	Д НВ	
	Д НВ	ВД	

		ОД
Д+предел	Д НВ	ВД
	Д НВ	ОД
Д+предел	ПЗН Д	ВД
	Д НВ	ОД
Д+предел	Д НВ	ВД
		ОД
Д+время	ОД	ПЗН
	ОД	
	ВД	Д НВ
	L	
Д+предел	Д НВ	ВД
		ОД
ОД+О		
ОД+образ		
ОД+О/ R		
ОД+образ		
ОД+О/ R		
Состояние S		

Как видно из приведенных примеров, развитие типовых СЗ получало регулярное выражение не только на первой ступени, но и на последующих ступенях словообразования. Сопоставление данных СГ разных этапов развития языка позволило отметить не только количественные (рост числа известных СЗ), но и качественные (появление новых СЗ) изменения в составе СЗ (см. таблицу 10):

Таблица 10 – Состав СЗ в СГ *воротить* (сопоставительный аспект)

Ступени СГ Типовые СЗ	I	II	III	IV	Всего
XI-XIV вв.					
Д+предел	8	-	-	-	8
ВД	1	4	2	-	7
Д НВ	-	5	-	-	5
ОД	-	2	4	-	4
Instr	1	-	-	-	1
ПЗН	-	-	3	-	3

ПЗН ПЗН	-	1	1	1	3
XIX в.					
Д+предел	9	-	-	-	9
Д+количество	1	-	-	-	1
ВД	1	8	5	-	14
Д НВ	-	8	-	-	8
ОД	1	6	5	-	12
Д+время	-	1	-	-	1
ПЗН	-	7	5	-	12
ПЗН ПЗН	-	1	-	6	7
Отриц ПЗН	-	-	4	-	4
Свойство ПЗН	-	-	-	1	1
Отсут ПЗН	-	-	-	2	2
S	-	5	-	1	6
S+жен	-	-	1	-	1
Современный этап					
Д+предел	12	-	-	-	12
Д+время	2	-	-	-	2
Д+количество	1	-	-	-	1
ВД	-	8	14	-	22
Д НВ	-	15	8	-	23
ОД	-	4	12	-	16
S	1	-	-	-	1
R	-	1	-	-	1
L	-	3	-	-	3
ОД+модификации	6	-	-	-	6
ПЗН	-	3	4	-	7
Свойство ПЗН	-	-	1	1	2
Отриц ПЗН	-	-	1	-	1
ПЗН+количество	-	1	-	-	1
ПЗН ПЗН	-	-	1	2	3
Отриц ПЗН ПЗН	-	1	1	-	2

Как отражено в таблице 10, в процессе языкового развития рост типовых СЗ в СГ связан с активным появлением новых СЗ, причем увеличение количества СЗ на первой и второй ступени словообразования влечет за собой формирование новых на последующих.

Все деривационные значения получают свое материальное

выражение в производных словах того или иного словообразовательного типа, реализующие определенные семантические отношения между производными словами и их производящими. К основным типам семантических отношений между членами словообразовательной пары относятся модификационный, транспозиционный и мутационный типы. Так, в СГ *воротить* представлены следующие типы отношений между производными и производящими (см. таблицу 11) [201]; [202]:

Таблица 11 – Типы семантических отношений в СГ *воротить*

Степени СГ Типы значений	I	II	III	IV	V	Всего
Модификационный	40	60	73	2	--	175
Транспозиционный	--	4	30	3	1	38
Мутационный	8	7	1			16

Как видно из таблицы, в СГ *воротить*, как и во всех глагольных гнездах, образуются в большей степени производные модификационного типа. Доминирование типа модификации наблюдалось еще в древнерусский период языка. Так, в гнезде *вратити* наиболее активно образуются СЗ модификационного типа на первой, второй и третьей ступенях словопроизводства.

Производные слова модификационного типа в силу разнородного характера их СЗ на 2 группы:

- 1) производные слова, семантически тождественные с производящим словом (видовые пары, постфиксальные глаголы);
- 2) производные слова, значения которых включают, помимо значения производящего, дополнительный семантический компонент (пространственные, временные и количественные модификации производящего значения).

Как показал анализ, в развитии значений первой группы (возвратные и видовые модификации) наблюдается тенденция к регулярности заполнений семантических мест первичных единичных случаев. Распределение СЗ по периодам и ступеням словообразования можно представить в виде таблицы 12 [204]; [205-206]; [208-216]; [207]:

Таблица 12 – Значения несовершенного вида и возвратности в СГ
воротить

Ступени Значение	I		II		III	
	к XIV	XI- к XIX	к XIV	XI- к XIX	к XIV	XI- к XIX
ВД	1	1	3	8	2	5
Д НВ	1	-	2	6	4	5

Стремление к регулярности выражения значений возвратности и несовершенного вида глагола является общей тенденцией всех глагольных гнезд. Например:

СГ *вратити*

возвратити – *возвратитися*

возвращати

извратити – *извратитися*

извращевати

извращати – *извращатися*

обратити – *обратитися*

обрачати – *обрачатися*

обращати – *обращатися*

СГ *воротити*

взворотити – *възворотитися*

възвораживати

выворотити – *выворотитися*

вывораживати – *вывораживатися*

изворотити – *изворотитися*

извораживати – *извораживатися*

СГ *вѣртѣти*

вѣртѣти – *вѣртѣтися* – *вертыватися*

вывѣртѣти – *вывертывати* – *вывертыватися*

вывертетися

завѣртѣти – *завѣртѣтися*

заверчивати – *заверчиваться*

завертывати – *завертываться*

Регулярное появление в СГ производных глаголов с названными СЗ связано с развитием грамматических категорий вида и возвратности в русском языке.

Как известно, развитие грамматической категории вида в русском языке связано с системой временных форм. «Древнерусский язык эпохи самых ранних его памятников, - пишет В.В.Иванов, - характеризовался сложной системой времен и в то же время имел формально выраженную категорию вида, связанную с этой временной системой» [223,342].

В процессе развития категории вида немаловажную роль сыграли суффиксы имперфективации, в частности суффиксы *-ыва-/-ива-*, возникшие приблизительно в XII в., получившие широкую продуктивность и ставшие к XV в. универсальным средством образования глаголов несовершенного вида в результате своей неоднофонемности, простоте построения, однофункциональности. Категория вида глагола приобрела состояние, соответствующее современному, к XVII в. [223]; [224].

Особенности развития грамматической категории возвратности русских глаголов связаны с формированием средств выражения данного грамматического значения – появления постфикса *-ся*. В древнерусском языке форма возвратного местоимения *ся* не сливалась с глаголом в одно целое и употреблялась отдельно от него в постпозиции или препозиции. Приблизительно с XV в. *ся*, превращаясь в возвратную частицу, стало терять свою самостоятельность и полностью сливаться с глаголом, сначала семантически, а затем фонетически и морфологически, образуя его возвратную форму [223,282-283].

В связи с этим постепенно, из периода в период увеличивалось количество производных слов, выражающих видовую модификацию производящего глагола. Следует отметить, что определение морфологического статуса видовых пар и постфиксальных глаголов является одним из спорных вопросов в русской грамматике. Дискуссионным является, в первую очередь, вопрос о том, относить ли данные образования к самостоятельным лексемам, результатам словообразовательного процесса, или же считать их формами первой лексемы – глагола совершенного вида и невозвратного глагола.

В современной науке выделяются три основные концепции в понимании видовых пар: 1) видовые пары рассматриваются как лексико-грамматические образования (А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, П.С. Кузнецов и др.); 2) видовые пары в случае лексического тождества относятся к формам одного и того же слова (В.В. Виноградов,

Н.М. Шанский и др.); 3) вид является категорией смешанного типа: суффиксальные видовые пары рассматриваются как формы одного и того же глагола, префиксальные – самостоятельные лексемы (большинство современных ученых) [225]; [226].

Видовые оппозиции, представленные в анализируемых СГ, являются суффиксальными образованиями (*заворотити* – *заворачивати*, *наворотити* – *наворачивати*). Их семантическое тождество свидетельствует о грамматическом характере категории вида и сближает видообразование с формообразованием. Актуализация видовых различий в суффиксальном глаголе и участие его в процессе деривации позволяет отнести члены видовой корреляции к отдельным лексемам. В производных видовых парах отражаются универсальные понятийные категории пространства, времени и количества, актуализирующиеся в дифференциальных семантических признаках глагольного слова: достижение/ недостижение пространственного и временного предела, многократность действия (*Божия сила ... иных смерти прѣдаетъ, иных язвить и от злыхъ делъ **возвращаетъ** на покаяние; этот человек постоянно **извращает** факты*) [205].

Данные производные слова почти полностью реализуют семантическую структуру производящего слова [202]:

<i>переворотить</i>		<i>переворачивать</i>
1а. переворотить раненого	–	переворачивать раненого
1б. переворотить страницы	–	переворачивать страницы
2. переворотить кувшин	–	переворачивать кувшин

Производные глаголы суффиксального образования в процессе языкового развития начинают активно участвовать в словопроизводстве и становятся базой для создания новых слов на последующих ступенях. На современном этапе такое словопроизводство получило регулярность и проявляется во всех СГ. Например:

<i>изворачивати</i>	–	<i>изворачиватися</i>
		<i>изворачивание</i>
<i>поворачивати</i>	–	<i>поворачиватися</i>
		<i>поворачивание</i>
		<i>поворачиватель</i>
<i>отвращати</i>	–	<i>отвращатися</i>
		<i>отвращение</i>
<i>наверстать</i>	–	<i>наверстывать – наверстываться</i>

обращать – обращаться

обращение

выворачивать – выворачиваться

выворачивание [201].

Таким образом, видовые глаголы играют важную роль в процессах глагольного словообразования. «Исторически категория вида, – справедливо указывает В.В.Виноградов, – коренится в значительной мере в словообразовании, она и сейчас находится в органическом взаимодействии с системой глагольного словообразования» [32].

В русской грамматике неоднозначно решается вопрос о морфологическом статусе постфиксальных глаголов: одни ученые рассматривают их как форму невозвратного глагола (И.Г. Милославский), другие – как самостоятельную лексему (К.А. Янко-Триницкая) [227]; [228].

В СГ возвратные глаголы активно образуются на 2, 3 ступенях деривации. Те возвратные глаголы, которые в процессе словопроизводства получают значительные семантические преобразования, причисляются к самостоятельным лексемам. Например, глагол *извратиться* включал в свою семантическую структуру семы, отсутствующие в производящей основе и словообразовательном форманте (*извратиться* «в результате болезни приобрести неправильное положение (о частях тела)» – *извратити* «повернуть назад»). В большинстве случаев производный возвратный глагол и его производящее семантически тождественны. Однако различия, вносимые постфиксом, можно обнаружить путем эксплицирования семантики глагола на синтаксическом уровне. В предложении с возвратным глаголом в предикативной функции различаются логические и грамматические субъекты и объекты действия. Ср.:

поворотити «заставить кого-либо двигаться в другую сторону»

Р О S

(*И повороти коня Мстиславъ от дома своего*) [205]

поворотится «повернуть, изменить направление своего движения»

О Р S

(*Корабль поворотился к Греции врагами*) [205]

О Р S

Врач переворачивал раненого.

S/O Р

Раненый переворачивался.

Вторая группа производных глаголов модификационного типа в основном представлена префиксальными образованиями первой ступени деривации, в которой приставка вносит пространственную, временную и количественную модификацию значения исходного слова. Развитие данной системы значений связано, в первую очередь, с семантической эволюцией префиксов (см. подробнее работы М.Ф. Нефедьева) [229]; [230]. Согласно мнению М.Ф. Нефедьева и по данным исследуемого материала, первоначально глагольные префиксы выражали в основном пространственные модификации, затем в процессе истории развития дополнили систему значений временными и квантитативными характеристиками.

В анализируемых СГ долитературного периода основными типовыми значениями префиксальных глаголов значения, выражающие следующие пространственные характеристики и эксплицированные в многочисленных синонимических рядах являются следующие (типы выделены на основе классификации П.А. Соболевой [156]):

1. Действие направлено в сторону предела. *Заворотити, изворотити, наворотити, поворотити, своротити, свернути, навернути, повернути* «заставить изменить направление движения кого-либо, чего-либо в сторону» (*А жонь и дѣтей къ себѣ заворотили; ратныхъ людей вельможество оборотили бы противъ невѣрныхъ*) [205].

2. Действие направлено на предел. *Взворотити, переворотити, перевернути* «перевернуть, опрокинуть что-либо» (*Вода переворотила барку вверхъ боками и дномъ*) [205].

3. Действие направлено в сторону от предела. *Отворотити* «отойти в сторону, повернуть, отступить» (*А царевиць выгядь на поле и отъ отца своего отворотилъ съ многими людми на новые мѣста*), *отвертети, отвернути* «отвинтить, вертя, оторвать» (*привель барана живова и сталъ надъ нимъ волюховать вертя ево много и голову прочь отвертѣлъ и прочь отбросилъ*) [204]; [205]; [206].

4. Действие направлено в разные стороны от предела. *Разворотити* «воротить врознь, развертывать из кучи» (*Разворотити камни*) [205].

5. Действие направлено внутрь предела. *Ввернути* «ввинтить, вставить» (*В киотѣ ж пред образы ввернуты три шандаца мѣдныхъ*), *вворотити* «сдвигать внутрь чего-либо» [205].

6. Действие направлено из предела. *Выворотити* «извлечь откуда-либо» (*И я холопъ твой по ихъ записямъ у тѣхъ ихъ товарищей за*

ихъ поруки тѢ деньги по рублю выворотилъ) [205].

7. Действие направлено вокруг предела. *Ввѣртѣти, завернути, обернути, обвѣртѣти, обертѣти, повѣртѣти* «завернуть, поместить внутрь чего-либо свернутого» (*Грамота обертана и запечатана; деицика Демку въ лѣсу въ бересты обертя схоронили; увертѣть младенца пеленками*) [205]; [207].

8. Действие направлено через предел. *Провѣртѣти* «просверлить» (*Провертѣ оконце противу слнца*) [205].

На современном этапе состав значений пространственных модификаций не отличается, но средства выражения данных значений получают более упорядоченный вид. Так, в СГ *воротить*² данные значения выражены следующим блоком префиксальных глаголов [202]; [203].

1. Действие направлено внутрь предела. *Вворотить* «куда-либо, вдвигать что-либо» (*вворотить землю*).

2. Действие направлено из предела. *Выворотить* «с силой поворачивая, извлечь откуда-либо» (*выворотить корни из земли*).

3. Действие направлено вокруг предела. *Обворотить* «плотно завернуть, обмотать» (*обворотить хрусталь в бумагу*).

4. Действие направлено в сторону предела или за предел. *Поворотить, заворотить, своротить* «заставить повернуть в сторону при движении» (*заворотить коня*).

5. Действие направлено от предела. *Отворотить* «поворачивать, отворачивать» (*О. лицо*).

6. Действие направлено на предел. *Взворотить* «с усилием поднимая, положить наверх чего-либо; взвалить» (*взворотить мешок на плечи*).

7. Действие направлено в разные стороны от предела. *Разворотить* «ворочая, разъединить, раздвинуть в разные стороны что-либо громоздкое, сложенное в одно место» (*разворотить груды камней*).

8. Действие направлено под предел. *Подворотить* «согнув, поместить подо что-либо, обычно под себя» (*подворотить ногу под себя*).

В СГ до XIX в. редко образуются производные, называющие временной предел производящего значения. Например, в СГ с исходным глаголом *вѣртѣти* с указанным значением образуется только одно производное *возвѣртѣти* «начать вертеть, завертеть» (*В. в пруду*) [205]. В современных СГ возникают глаголы, указывающие на начальную и

финитивную фазы действия (*воротить* – *своротить*, *ворочать* – *заворочать*, *вертеть* – *завертеть*) [202].

Некоторые производные глаголы с префиксом *на-* выражают квантитативную модификацию исходного значения: *навертѣти* «собрать, скопить в одном месте много чего-либо» (*Н.казну*), *навьртѣти* «навертеть, повертеть в каком-либо количестве» (*Н. много дырок*) [205]; [206].

Как видно, основные типовые значения модификационного типа, характерные для префиксальных глаголов, были уже отражены в анализируемых СГ. Однако особенностью СГ является способ выражения данных значений, что представлено в многочисленных синонимических рядах производных глаголов. В процессе языкового развития и действия закона языковых средств, выражающегося в борьбе дублетных форм, наблюдается тенденция к специализации словообразовательных средств. Так, префикс *на-* закрепляет значение, указывающее на квантитативную характеристику производящего значения, которое становится основным, а значение пространственной модификации вытесняется и сохраняется в более сильных синонимичных коррелятах. Ср.:

наворотѣти, навернути «повернуть в сторону» (*Судно послово велѣль Захаръ носовицику на песокъ навернути*) [205] ---- *поворотить, повернуть* и др.

наворотить «сдвинуть в одно место в большом количестве» (*Н. камни*) [202].

Состав СЗ глагольных СГ включает деривационные значения транспозиционного типа: имя отвлеченного действия и значение свойства. При транспозиции, как известно, производное и производящее сохраняют семантическое тождество, меняя частеречную принадлежность и синтаксическую функцию (*колесо вѣртѣтся* – *вѣртѣние колеса*, *он заворачивает коня* – *заворачивание коня*). Более того, отглагольные существительные, в частности с суффиксом *ниј-*, практически полностью отражают систему значений производящего глагола [202]:

<i>переворачивать</i>	<i>переворачивание</i>
1а. перевернуть раненого	переворачивание раненого
1б. перевернуть станицы	переворачивание страниц.

2. перевернуть кувшин

переворачивание кувшина.

Образование данных значений в XI-XIV вв. было представлено в единичных случаях и получило регулярность в заполнении семантических мест к концу XIX в. В связи с этим увеличивается и количество шагов словообразования: имя отвлеченного действия появляется на первой (реже), второй и третьей ступенях словопроизводства. Например:

вьртѣти – вьртѣние

вьрчѣние

вращать – вращание

выворотити – выворочение

выворотъ

заворотити – заворотъ

заворачивати - заворачивание

изворотити – изворотъ

изворачивати - изворачивание

обращати – обращение

отворотить – отворачивать – отворачивание

верстать – недоверстать – недоверстка

разверстать – разверстывать - разверстывание

Значение свойства (имя отвлеченного признака) долгое время являлось пустым семантическим местом в анализируемых СГ. Данное значение появляется приблизительно только к XVIII в., а в XIX в., затем в XX в. количество таких производных увеличивается новым рядом слов: *верткий – верткость, вертлявый – вертлявость, вертлявый – вертляность, изворотливый – изворотливость; вертливый – вертливость, поворотливый – поворотливость, развращенный – развращенность, извращенный (причастие, прилагательное) – извращенный (существительное), неповоротливый – неповоротливость* и др. На современном этапе развития русского языка зафиксированы случаи окказионального употребления существительных на *-ость*, возникших на базе причастия либо новообразованных отглагольных прилагательных (*обращенность* «прямая адресованность кому-, чему-либо». *Обращенность литературной критики к писателю; разворотливость* «находчивость, соединенная с энергией и практичностью». *Директор проявил хозяйскую сметку и разворотливость*) [218]. Активное появление в гнезде значения свойства и имени отвлеченного действия связано,

видимо, с развитием абстрактного мышления у носителей языка (см. Когнитивная парадигма).

В состав СЗ анализируемых СГ входят значения мутационного типа. Образование данных значений обусловлено синтаксическими валентностями исходного глагола, реализация которых в процессе развития языка получает все большую регулярность и представлена образованием в гнездах производных, являющихся распространителями производящего слова. Например, *отвертеть* (чем?) *отвертышем*; *оборотил* (кто?) *оборотень*; *заворотил* (где?) *на завороте*.

Наиболее активно в гнездах образуется значение имени деятеля, возникающее в основном на второй ступени деривации. Данное значение в процессе развития языка получило многообразные средства выражения, которые, в свою очередь, на современном этапе языка были вытеснены наиболее сильными синонимичными аффиксами (*заворотникъ*, *заворотчикъ*, *оборотень*, *обворотень*, *наворотчикъ*, *поворотчикъ*, *развратникъ*, *поворачиватель*, *недовертышь* и др.).

На второй ступени деривации в глагольных СГ появляются существительные, называющие место, инструмент, объект, образ и результат действия. Например, *заворотъ* «заворот, изгиб, загиб» *Отъ конюшни къ саду въ заворотъ сделать сарай*; *изворотъ* «овчина, отделка из овчины (мехом наружу)» *Изъ монастырских дубленых кож и изворотеи сошиты*; *наворотень* «то, на что при повороте можно наехать, набежать» *Пень – наворотень*; *обворотъ* «оборот, обратная сторона» *Обворотъ монеты*; *поворотня*, *поворотка*, *поворота*, *поворотокъ* «поворот, изгиб, перекресток дороги» *У Чертовицкой поворотни столбъ дубовой*; *повороты*, *поворота* «приемы человека, обращение, движения» *У ея повороты нехороши, угловаты*; *отвертышь* «отвертка, то с помощью чего отвинчивают» *отвертышемъ вершокъ у покрышки чашки отвертѣль*; *навертышь* «буравчик, буравок» *Два лома, гвозди, пять молоточков, пять навертышевъ маленькихъ*; *завертка* «приспособление для запора двери, ставня» *Велѣно купить въ верхние хоромы въ окна... 8 завертокъ* и др.) [204]; [205]; [206]; [207].

В современных глагольных СГ количество производных слов мутационного типа значительно возросло. Так, в гнезде с исходным словом *воротить*² данные значения возникают на разных ступенях словообразования. На первой ступени деривации образуются существительные со значением лица (*воротила* «тот, кто ворочает большими делами, делец») и инструмента действия (*воротило* «большой рычаг, бревно, которым ворочают мельницу к ветру») [202].

Особенностью данного гнезда является образование сложных существительных, называющих первой частью основы субъекта, объект или образ действия (*водоворот, круговорот, мордоворот, рыловорот, скуловорот, солнцеворот*). Слова *круговорот* и *рыловорот* называют действие с указанием на образ его совершения (воротить в круговом процессе и воротить с помощью рытья). Производное *водоворот* обозначает действие и его объект либо место совершения. Существительное *солнцеворот* «солнцестояние» называет состояние субъекта [203]. Видимо, появление данного значения связано с тем, что для носителей языка процесс, совершаемый солнцем, визуально ими не воспринимался, и для них солнце являлось чем-то статическим, постоянным; такое понимание позволяет человеку говорить об этом не как о действии, а состоянии солнца. Слова *мордоворот* и *скуловорот* «о некрасивом, уродливом лице, а также о человеке с таким лицом» обозначают результат действия (необязательно названного исходным глаголом) либо объект действия [202], [203]. На второй ступени образуются значения мутационного типа: имя результата действия (*отворот* «отогнутый и приглаженный край одежды или обуви») и места действия (*заворот, изворот, поворот, сворот* «место, где дорога поворачивает») [202].

Если в глагольных СГ состав СЗ образуют типовые значения, представляющие собой реализацию синтаксических валентностей глагола, то в именных СГ (в этом состоит глубокое различие между СГ глагола и субстантива) набор СЗ определяется составом семантических компонентов исходного слова, таких, например, как лицо/ не-лицо, одушевленность/ неодушевленность, локативность (+,-), темпоральность (+,-) и др. Характер словообразовательного потенциала существительного зависит, как справедливо отмечает Е.А. Земская, «от его семантической структуры: предметно-идентифицирующие или признаковые имена, денотативный или сигнификативный характер семантики» [73,24].

В состав основных семантических мест в субстантивных СГ Е.А.Земская включает следующие СЗ (см. таблицу 13) [73,24]:

Таблица 13 – ТСП имени существительного

Часть речи производного	Характер значения	Семантические места	Условное сокращение
Существительное	модификационный	собирательность единичность невзрослость женскость уменьшительность/ увеличительность оценочность	собр. един. невзросл. жен. уменьш./ увел. оценка
	мутационный	имя лица, имеющего отношение к ... имя предмета, имеющего отношение к ...	лицо предмет
Прилагательное		относящийся к ...	ПЗН относящ
		принадлежащий кому/ чему свойственный, подобный кому/ чему наделенный чем	ПЗН принадл. ПЗН свойств. ПЗН наделен.
Глагол		процесс, имеющий отношение к тому	процесс

Указанные СЗ развивались постепенно, от периода к периоду появлялись в гнездах регулярнее, тем самым увеличивалось количество производных слов на разных словообразовательных ступенях. Так, состав СЗ в СГ *ворота - врата* XI-XIV вв. был следующим:

предмет	лицо	
предмет	лицо	лицо + жен
	лицо	
	ПЗН относящ	

Состав СЗ в СГ *ворота – врата* в XIX в. выглядел следующим образом:

предмет	лицо	лицо + уменьш и оцен
	предм + уменьш	
	место	
	предмет	
	ПЗН относящ	
	ПЗН предназнач	
	ПЗН снабжен	
	место	
	предмет	
	место	
	ПЗН наделен	явление
	явление	
	лицо	
	место	
	место	
	место	
	ПЗН относящ	

предмет	лицо	
	ПЗН относящ	
	лицо	лицо + жен
	лицо	лицо + жен
	ПЗН относящ	
	лицо	лицо + жен

При сравнении состава СЗ в СГ *ворота – врата* XI-XIV вв. и XIX в. видно, насколько выросло число СЗ и стало разнообразнее (см. таблицу 14).

Таблица 14 – Состав СЗ в СГ *ворота/врата* (сопоставительный аспект)

Ступени словообразования Типовые СЗ	I	II	Всего
XI-XIV вв.			
Лицо	3	-	3
Лицо+жен	-	1	1

ПЗН относящ	1	-	1
XIX вв			
Лицо	5	-	5
Предмет	2	-	2
Предмет+уменьш	1	-	1
Лицо+жен	-	3	-
Лицо+уменьш	-	1	-
Место	6	-	6
Явление	1	1	2
ПЗН относящ	4	-	4
ПЗН+снабжен	1	-	1
ПЗН+предназначен	1	-	1
ПЗН+наделен	1	-	1

При сопоставлении типовых СЗ СГ *ворота/врата* видно, что в процессе языкового развития активно возросло количество новых СЗ (например, значение места, явления, уменьшительно-ласкательных модификаций предмета и признака).

Основными СЗ данного СГ является имя места (пространства), что связано с доминирующими семантическими составляющими исходного слова (в слове *ворота/врата* актуализируется в словопроизводственном процессе сема «локативность»). Особенностью данного гнезда, как и других СГ, является разнообразие средств выражения одного СЗ. Так, значение «пространство между землей и предметом, названным производящим словом» были характерны следующим словам: *подворотня, подворотка, подворотница* [205]; [206]. В борьбе дублетных форм наиболее сильным и сохранившимся до наших дней оказалось слово *подворотня* [202].

Достаточно активно в СГ образуются слова со значением имени лица, имеющего отношение к предмету, названному исходным словом. Данные слова, как и производные глагольных СГ, называющие деятеля, нередко становились базой для образования производных модификационного типа с компонентом «женскость» (*вратарь – вратарица, привратникъ – привратница, приворотникъ – приворотница; поворотчикъ – поворотчица, заворотчикъ – заворотчица, наворотчикъ – наворотчица, свертчикъ – свертчица*). В процессе развития языка наблюдается тенденция к увеличению количества производных наименований лица женского пола, что, видимо, связано с развитием категории одушевленности/неодушевленности в русском языке, тесно

связанная с категорией лица/не-лица. «Древнерусскому языку, – пишет З.К. Сабитова, – была присуща категория лица/не-лица..., которая сложилась, по мнению исследователей, к XV-XVI в.в.» [231,139].

Также некоторые значения лица и предмета на второй ступени деривации получают модификацию «уменьшительность/увеличительность», «оценочность (уничижительность)» (*воротникъ – воротничшика, ворота – воротища*) [205].

В структуре именных гнезд активно появляются производные прилагательные, передающие разнообразные СЗ, не всегда вытекающие из суммы значений производящей основы и словообразовательного форманта. Так, в СГ *ворота* образуются прилагательные со следующими типовыми значениями: относящийся к предмету (*воротный*), находящийся у предмета (*приворотный*), предназначенный для предмета (*воротовой*), находящийся за предметом (*заворотный*), наделенный особой чертой (*поворотная пошлина*) и др. Значение «находящийся у предмета/за предметом» характерно для данного СГ, поскольку, как отмечалось выше, семантика исходного слова содержит сему «локативность».

Появление значения «наделенный особой чертой» связано с тем, что в древнерусский период слово *ворота* называло пошлину, взимаемую с крестьянина за изменение местожительства [205]. Прилагательное *поворотный* на второй ступени образует существительное, возникшее путем субстантивации *поворотное* «пошлина» [205]. Следует отметить, что данная группа производных и, следовательно, СЗ к XVIII в. исчезнут из языковой системы в связи с архаизацией исходного производящего значения.

В остальных именных СГ также активно образуются значения имени лица, мужского и женского (*временникъ – временница, временик – временица, сверстник – сверстница*), признака, относящегося к исходному называемому предмету/явлению (*временной, веретенный, вертепный, верстовой*) и др. В структуре современного гнезда с вершиной *время* прилагательные активно образуют производные существительные со значением отвлеченного признака и наречия (*современный – современность, современно; ультрасовременный – ультрасовременность, ультрасовременно*).

В некоторых гнездах увеличивается состав СЗ за счет образования глаголов и их производных. Например, схемы развития СЗ в гнездах с исходными словами *врѣмя* и *верста* включают значения

процесса/действия с его временными, пространственными и количественными модификациями, значение возвратности и несовершенного вида, имя отвлеченного действия и деятеля, а также значение свойства. Данные значения регулярно стали появляться только к XVIII-XIX вв. [208-215];[207]:

временить – *времениться*
завременить
извременити – *извременять*
временитель – *временительница*
верстати – *доверстати* – *доверстывати*
доверстка
наверстати – *наверстаться*
наверстывати – *наверстывание*
наверстываться
сверстати – *сверстывать* – *сверстываться*
сверстывание
сверстатель – *сверстательница*

На современном этапе производные глаголы, увеличивающие словообразовательную активность вершинных слов, сохраняются только в гнезде *время* (*осовременить* – *осовремениться* – *осовремениваться*, *осовременивание*; *временить* - *повременить*). Глаголы гнезда *верстати* в результате семантического расхождения вершинного и производного слов выделились в отдельные глагольные СГ.

Особое место в структуре именных СГ занимают производные (существительные, прилагательные и наречия), называющие важную для носителя языка характеристику времени либо предметы/явления, связанные с измерением времени/пространства. Например, *невремя* «неподходящая пора» *Приходит не время ... напрасно гладомъ изомремъ*; *благовременство* «благополучие, благоденствие» *Во благоврѣменствѣ прѣбывания искренне желаю*; *благовременный* «своевременный, совершившийся в благоприятное время» *да примемъ милость и благодать обрящемъ въ благовременну помощь*; *своевременный, современный, верстомѣрь* «однометр, путеметр, снаряд при повозке, показывающий число проеханных верст по числу оборотов колеса»; *времяисчисление* «счисление времени, хронология»; *времямѣрь* «орудие для измерения времени, хронометр»; *временемъ* «иногда, изредка» *Княжна приезжаетъ къ королевѣ временемъ*; *вовременнѣ* «своевременно» *вовременнѣ обличати, запрещати и умоляти*) [206]; [204]; [205]. В современном гнезде данный ряд производных пополнился

новыми образованиями (*ультрасовременный, суперсовременный, долговременный, пятиверстный, тысячеверстный*) [202].

В адъективных СГ с исходными словами *превратный* и *коловратный* образуются производные со значением свойства и признака признака (*коловратность, превратность, превратно, превратное*). В состав СГ *коловратный* входит производное мутационного типа, называющее реалию действительности, характеризующуюся исходным признаком (*коловратки* «микроскопические организмы, у которых вокруг ротового отверстия расположены вращающиеся реснички, притягивающие пищу»).

Таким образом, структура глагольных и именных СГ характеризуется относительной стабильностью состава семантических мест. Главным содержанием их развития является реализация структурно-семантического потенциала, сложившегося приблизительно к концу XIX в. Схема развития СЗ в анализируемых глагольных СГ включала уже в XI-XIV вв. основной набор деривационных значений ТСП глагола. Особенности в развитии СЗ являются: во-первых, заполнение пустых семантических мест новым значением свойства на четвертой и пятой ступенях деривации; во-вторых, в процессе языкового развития получение регулярности образования во всех гнездах некоторых значений, появлявшихся в единичных случаях, (имя отвлеченного действия, значение несовершенного вида, возвратности, имя инструмента и др.). Данная закономерность обусловлена развитием грамматических категорий глагола, а также продиктована его синтаксическими валентностями.

Количество СЗ в СГ субстантивного типа связано с количеством семантических компонентов исходного слова (например, локативность, темпоральность). В анализируемых гнездах набор СЗ увеличивался в процессе языкового развития, одновременно происходил отбор словообразовательных средств их выражения. Также в именных СГ появляются СЗ, свойственные глагольной парадигме (имя отвлеченного действия, возвратные, видовые, пространственные, временные модификации и др.). В адъективных СГ, выделенных в самостоятельные только на современном этапе языка, образуются в основном производные со значением свойства, признака признака.

2.3.2 Лексические зоны в составе словообразовательных гнезд

При изучении СГ в диахронии, как известно, в основном мы имеем дело с незавершенными процессами. В ходе языковой эволюции происходят изменения и в структуре СГ, поскольку происходит образование новых слов, утрата других, а также возможны семантические сдвиги, в результате которых появляются на периферии лексические гнезда, которые впоследствии отпачковываются и становятся центром новых гнезд. В связи с этим существуют трудности определения сохранения или утраты производным словом родственных отношений.

Для решения этой проблемы мы предлагаем выделять в структуре СГ лексические зоны на основе анализа изменений значений производящих и производных слов. В случае образования слов в рамках одного гнезда на базе первичных (в основном прямых) значений исходного слова (данные значения мы называем стержневыми) родственные связи между членами гнезда крепкие (одна лексическая зона).

Появление новых лексических зон в гнезде обусловлено семантическими сдвигами в производящих и производных словах (в том числе и случаями гомогенной омонимии); созданием производных слов на основе вторичных, нередко переносных, значений. Все эти процессы, несомненно, способствуют ослаблению смысловой связи между родственными словами.

В результате этого в структуре СГ меняется стержневое значение и выделяется новая лексическая зона, которая в процессе языкового развития выделится как самостоятельное гнездо. Схема появления новых лексических зон в СГ частично отражается в общей схеме развития лексики, предложенной Е.С.Кубряковой (см. рисунок 4) [138,154].

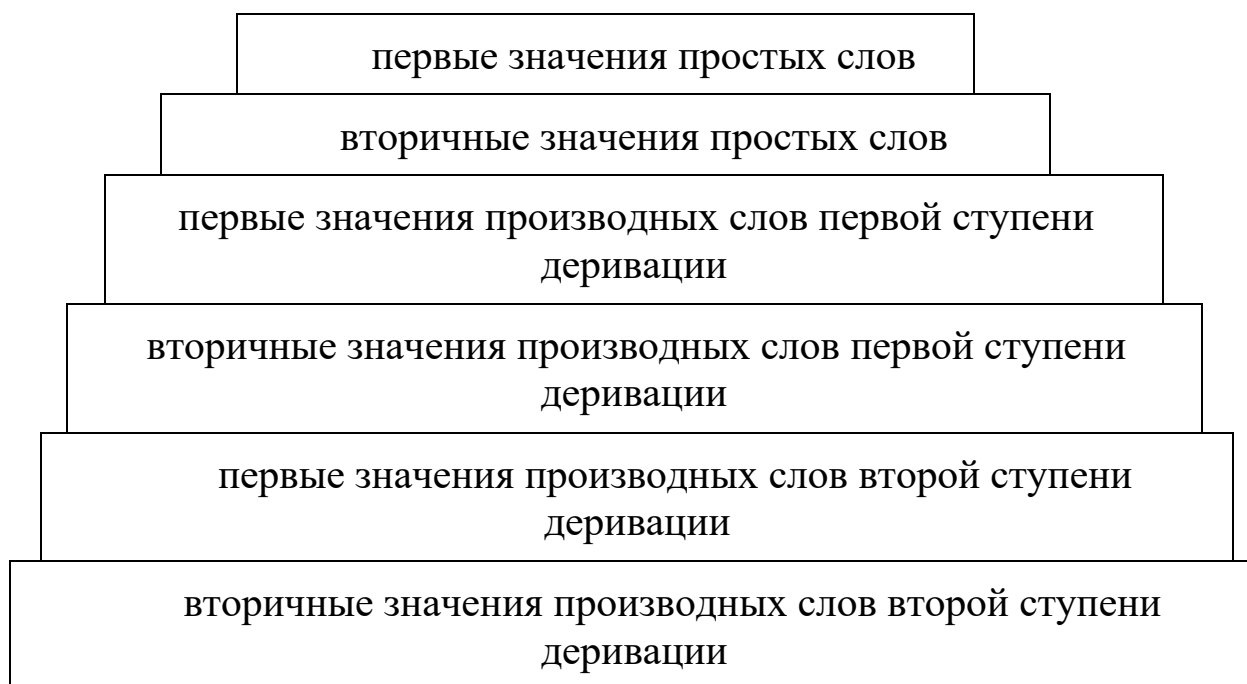

Рисунок 4 – Общая схема развития лексики

В соответствии с рисунком 4 видно, что чем дальше находится производное от вершинного первого значения, тем больше вероятности семантического расхождения исходного слова и производных периферийных ступеней словообразования и появления новых лексических зон в структуре гнезда.

По данным анализов языкового материала, большая часть производных слов СГ входит в основную лексическую зону, поскольку производные слова данных гнезд образуются в основном на базе стержневого значения исходного слова и семантические изменения, полученные в процессе языкового развития, в производных и производящих словах незначительны. Например, с XVIII в. по настоящее время СГ *вертопрахъ* образует одно лексическое гнездо, так как все члены гнезда связаны одной стержневой семой. Ср.: *вертопрахъ* «легкомысленный, неосновательный человек, ветреник» – *вертопрашить* «поступать вертопрашно, ветреничать», *вертопрашество* «качество вертопраха», *вертопрашка* «легкомысленная женщина, ветреница», *вертопрашный* «свойственный вертопраху» и др. [204]; [205]; [202].

На современном этапе языка в СГ *воротить*² практически все производные слова объединены первым значением исходного слова, остальные значения менее активны в деривационном отношении (см. таблицу 15).

Таблица 15 – Словообразовательная активность значений исходного слова *воротить*²

СГ Исходные значения	Ступени	?	??	???	?V	V	Всего
1. Воротить лицо		47	60	100	16	2	225
2. Воротить камень		18	20	21	--	--	39
3. Воротить миллионами		1	1	--	--	--	2

Высокая деривационная активность первого значения «повернуть, отвернуть в сторону» (*Воротить лицо*) обусловлена актуализацией идеи поворота движения в пространстве и отсутствием строгого отграничения объекта и субъекта действия (*Воротить голову, тело, лицо, лошадь* и др.) [202]. Снижение активности второго значения в образовании производных связано с эксплицированием не идеи движения в пространстве, а объекта действия «валить, сдвигать что-либо тяжелое, громоздкое» (*Воротить камень*) [202]. Третье значение «управлять большими делами» (*Воротить миллионами*) [202] практически не образует новых слов. Следовательно, в процессе словопроизводства в анализируемом гнезде появляются слова, в которых от ступени к ступени сохраняется первое стержневое значение производящего. Например: *воротить* «отворачивать в сторону, назад. *Воротить лицо*» – *поворотить* «отвернуть в сторону, повернуть. *Поворотить голову*» – *поворот* «действие по значению глагола *поворотить* – поворачивать. *Поворот катера в море*» – *поворотный* «служащий для поворота. *Поворотные механизмы*»/ *оворотливый* «способный легко перемещаться, двигаться. *Поворотливый мальчик*» – *поворотливость* «свойство по значению прилагательного поворотливый. *Поворотливость мальчика*» [202]; [203].

В случае утраты основного значения либо перегруппировки значений в исходном слове и реализации в производных словах вторичного значения ослабевают связи между родственными словами. Некоторые вторичные значения проявляют словообразовательную активность и образуют новые слова, создавая с ними новую лексическую зону в структуре гнезда. Например, в системе значений слова *переворот* значение, мотивированное производящим словом «действие по глаголу *переворотиться, перевернуться*», переместилось на третье место, первыми

становятся значения «резкий перелом, коренное изменение в развитии чего-либо (*Переворот в науке*)» и «коренное изменение существующей общественно-политической системы (*Государственный переворот*)», основанные на переносном значении исходного «стать совершенно иным, резко измениться» [205]; [202]. В результате такой перегруппировки слово *переворот* переходит в периферию основной лексической зоны.

В слове *верткий* процесс ослабления связи слова с производящим помимо перегруппировки в системе значений обусловлен утратой основного значения, прямо соотносящего его с производящим *вертеть*. Ср.: *вертеть* «приводить в круговое движение» – *верткий* 1. «легко, удобно вертящийся. *Верткое веретено*»; 2. «шаткий, валкий, неустойчивый. *На верткой лодке подь парусомъ не пускайся*»; 3. «увертливый, ловкий. *Онъ верткий, вывернется*» (по данным исторических словарей [204]; [205]; [206]) – *верткий* 1. «проворный, ловкий. *Эти самолеты – сильные, верткие машины*»; 2. «неустойчивый, валкий. *Верткая лодка*» [202]. На основании данных семантических изменений производного слова в гнезде *вертеть* образуется новая лексическая зона, состоящая из трех производных *верткий*, *верткость*, *вертко*.

По данным исторических словарей, стержневое значение, не претерпевшее от ступени к ступени больших изменений объединяло производные и исходное слова СГ *вертель*. Ср.: *вертѣль* «сверло, бурав; то же, что вертел» – *вертловый* «относящийся к вертелу», *вертѣльный* «относящийся к сверлению. *В. амбар, В. дѣло*», *вертѣльня* «помещение, где производится сверление», *вертельщикъ* «вертельный мастер; поваренок, обращающий ручной вертел», *вертельникъ* «кто вертит точило; гибкий плясун (пск.)» [205]; [207]; [217]. Однако само это гнездо являлось лексической зоной СГ *вертѣти*, поскольку связано с ним посредством вторичного значения исходного слова «сверлить, просверливать». Приблизительно к XVIII в. в производных образованиях слова *вертель* реализуется только одно значение «рожен, на котором жарят мясо, поворачивая перед огнем» [205]; [207]; [208]. В результате такого изменения лексическая зона перестает соотноситься с исходным *вертеть* и превращается в самостоятельное гнездо.

Современное СГ *оборот* исторически являлось составляющей микрогнезда *оборотить*, производного глагола от *воротить*. Образование самостоятельного гнезда связано с утратой основного значения «оборотная сторона чего-либо. *На оборотѣ столбца написано*», объединявшего с исходным *оборотити* «обернуть, повернуть в какую-

либо сторону. *Вверх дномъ оборотило*» [205]. В семантической структуре современного слова *оборот* содержится значение «полный круг, совершаемый при вращении. *Оборот колеса*» [202], связывающее с исторически производящим глаголом, однако, несмотря на это обстоятельство, данное слово образует самостоятельное гнездо, поскольку высокую деривационную активность получают другие значения исходного слова (см. таблицу 16).

Таблица 16 – Словообразовательная активность значений исходного слова *оборот*

Ступени СГ Исходные значения	I	II	Всего	Ступени СГ Исходные значения	I	II	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
1а <i>Оборот колеса</i>	5	4	9	4 <i>Пустить слово в оборот</i>	-	-	-
1б <i>Оборот пласта</i>	-	-	-	5а <i>Оборот реки</i>	1	-	1
2а <i>Оборот полевых культур</i>	2	1	8	5б <i>Оборот трубы</i>	-	-	-
2б <i>Оборот вагонов</i>	12	-	8	6 <i>Оборот разговора</i>	-	-	-
3а <i>Оборот денег</i>	3	-	3	7 <i>Оборот листа</i>	1	-	1
3б <i>Годовой оборот</i>	-	-	-	8 <i>Словесный оборот</i>	-	-	-

Высоким деривационным потенциалом обладают значения, называющие наиболее важную для человеческой жизнедеятельности реалию. Например, значение «совокупность работ, операций, составляющих полный цикл в использовании чего-либо, а также времени, необходимого для этого». *Оборот вагонов, судов* стало базой образования производных, именующих объекты обозначаемого процесса (*товарооборот, судооборот* и др.) [202]; [203].

Большинство анализируемых СГ, как и гнезда *вертель* и *оборот*, возникло на базе отделения лексической зоны от этимологического гнезда в связи с семантическим расхождением между производными и производящими словами. К ним можем отнести СГ с исходными словами

верста, сверстник, время, вертеп, веретено, вертопрах, вращать, вернуть, ворот, ворота, обратить, возвратить, отворотить, извернуться. Все эти слова, родственные в диахронии, объединяет общий смысловой компонент, одна стержневая сема. Стержневой семой слов, связанных анализируемым этимологическим корнем, является идея кругового движения, поворота в пространстве. Все исследуемые слова в той или иной степени сохранили стержневую сему.

Так, например, глаголы *ворочатьI, вернуть, вертать, возвратить* имеют значение ‘возвращать’ и связаны с глаголом *воротитьI*. В словарях древнерусского языка они обозначены как-либо несов. к воротить (*ворочать*) или вертеть (*вертать*), либо однократное к вертеть (*вернуть*). Слова *ворочатьII* со значением «вертеть, поворачивать» и *вращать* «приводить в движение вокруг какой-нибудь оси, вертеть» сохраняют сему «по кругу, вокруг оси», как и глагол *вертеть* [202].

В значении глагола *извратить* идея движения абстрагируется в идею изменения «представить в неправильном виде, исказить» и «оказать дурное влияние, испортить» [202]. Аналогичное преобразование идеи движения происходит в исходных глаголах *развратить, совратить, превратить*, имеющих в своих значениях категориально-лексическую сему не ‘движение’, а ‘изменение’: глаголы *развратить* и *совратить* обозначают изменение состояния человека, его физическое и моральное разложение (*совратить девушку, развратить молодежь*); глагол *превратить* обозначает изменение формы или состояния предмета (*превратить лед в воду*) [202].

Глагол *обратить* в первых значениях связан с глаголом *воротитьI*, обозначая конкретное физическое действие ‘движение в пространстве в определенную сторону’. В остальных значениях он называет деятельность: ‘движение’ (*обратить лицо*) – ‘устремление’ (*обратить взор*) – ‘направление’ (*обратить чувства*) – ‘изменение’ (*обратить в жидкость, обратить дома в лазареты, обратить в капитал, обратить в чудище*) [202]. Слово *отворотить* обозначает конкретное физическое действие ‘движение в пространстве’ (*обратить очи*), где наиболее актуальной является сема ‘направление’. В последующих значениях глагол называет деятельность; идея движения полностью преобразуется в ‘направление с целью предотвращения чего-либо’ (*отворотить беду, отворотить от дурного поступка*) [202]. Подробный анализ семантической структуры исходных слов с учетом данных этимологических и исторических словарей позволил выявить их генетическое родство (см. Приложение А) [232];[233];[234];[235].

Появление новых лексических зон, а далее и самостоятельных гнезд, в некоторых гнездах обусловлено явлением возникающей омонимии в результате распада исходного полисемантического слова. В современной лингвистике проблема омонимии до сих пор не потеряла своей актуальности и не получила окончательного решения. Ею занимались многие известные ученые-лингвисты (В.В.Виноградов [151], П.А.Соболева [156], Д.Н.Шмелев [236] и др. [237]). В круг основных задач при изучении омонимии выносятся разграничение омонимии и многозначности, определение лексико-семантического способа словообразования, описание омонимии на разных языковых уровнях (лексическом, словообразовательном, грамматическом) и др.

По мнению исследователей, наиболее сложным и запутанным для общей семасиологии и лексикографии вопросом является изучение омонимов, возникших на основе распада полисемантического слова. Основным критерием определения омонимов и многозначных слов, по мнению большинства ученых, считается семантический признак. Для омонимов характерна «семантическая необъединимость, несближаемость и даже несопоставимость основных номинативных значений слов» [151,289]. Значения полисемантических слов «безусловно связаны друг с другом и определенным образом организованы» [236,93].

Немаловажную роль при разграничении омонимии и полисемии, по нашему предположению, играет поведение слов в словообразовательном процессе. Следовательно, можно выделить еще один критерий — словообразовательный, заключающийся в том, что слова-омонимы должны включать в свою словообразовательную парадигму разный набор производных слов. Случаи семантического расхождения слов и образования ими общих производных мы предлагаем называть квазиомонимией (по аналогии с терминами «квазиантонимия», «квазисинонимия»).

При анализе СГ с исходными словами *vert-, *vort-, *vьrt- нами зафиксированы явления омонимии и квазиомонимии. По данным толковых словарей разных периодов и результатов анализа семантической структуры слов *воротъ1*, *воротъ2* и их производных, описываемые существительные уже в древнерусский период языка выступали как омонимы (см. таблицу 17) [204]; [205]; [206]:

Таблица 17 – Значения слов *ворот1* – *ворот2* по данным словарей русского языка разных периодов

Периоды	<i>воротъ1</i>	<i>воротъ2</i>
XI - XIV вв.	Шея. <i>Конемъ на воротъ всути овесь</i>	-
XI - XVII вв.	Шея. <i>С ворота сняти гривны и отсѣкоша главу его</i> Ворот (одежды), полоса ткани, меха, пришитая к нему. <i>Воротъ рубахи</i>	Вращающийся вал с цепью и веревкой, ворот. <i>И плотникомъ начинающемъ тоѢ башню крыти и на</i>
	Часть шкуры (у шеи и груди животного). <i>16 воротовъ телятинныхъ</i>	<i>кровлю лѣсъ воротомъ подымающе</i>
XVIII вв.	Шея. <i>У него грабежом сорвали с ворота крест серебряный</i> Часть одежды у шеи. <i>Застегни воротъ</i> Часть шкуры с шеи и груди. <i>Пять воротов кож дубленных с полами</i>	Простейшее грузоподъемное устройство, состоящее из вращаемого рукояткой вала. <i>Воротъ ручной, подъемный</i>
XIX в.	Часть кожи с шеи и груди животного. <i>Несколько воротов кожи</i>	Вал на оси, обращаемый колесом с рукоятками. <i>Лежачий, стоячий, ручной воротъ</i>
XX в.	Вырез в одежде для шеи, а также пришитая к этому вырезу и облегающая шею полоса ткани. <i>Широкий ворот</i>	Простейшее грузоподъемное устройство, состоящее из вращаемого рукояткой вала, на который наматывается канат, несущий на свободном конце поднимаемый груз

В семантической структуре слова *воротъ2* семантическим компонентом (стержневой семой), объединяющим с его коррелятом и

подтверждающим принадлежность к одному корню, является сема «вращающий». В слове *воротъ1* общий семантический компонент выражен имплицитно, через сему «шея» (см. первое значение), поскольку данная часть тела выполняет такие действия, как поворот, верчение. В процессе развития языка первое значение слова *воротъ1* исчезает, тем самым увеличивая семантическое расхождение анализируемых слов-омонимов.

Омонимичные отношения слов *воротъ1*, *воротъ2* проявляются и на словообразовательном уровне. Сопоставим семантическую структуру некоторых производных слов *воротъ1*, *воротъ2* (см. таблицу 18) [205]:

Таблица 18 – Значения производных слов омонимов *ворот1* – *ворот2*

<i>воротъ1</i>	<i>воротъ2</i>
<i>воротокъ1</i> Часть шкуры у шеи животного	<i>воротокъ2</i> Снасть для ловли рыбы
<i>воротникъ</i> Полоса ткани, меха, пришитая к одежде у шеи	

Как видно из таблицы, производные слова, образованные от существительных *воротъ1*, *воротъ2*, не содержат общих семантических компонентов, подтверждающих их отнесенность к одному слову. Кроме того, в гнезде наблюдается случай «отраженной омонимии»: так, слова *воротокъ1*, *воротокъ2* отражают омонимию своих производящих [166,6].

Квазиомонимами, по нашему предположению, являются некоторые глагольные слова *воротить1*, *воротить2*. В словарях русского языка разных периодов даны неоднозначные толкования значений данных слов. Например, в некоторых лексикографических источниках они представлены в общей словарной статье как лексико-семантические варианты полисеманта [204]; [207], а в других словарях [205]; [206]; [207]; [208]; [202]; [203] данные слова рассматриваются как омонимы (см. таблицу 19).

Таблица 19 – Значения слов *воротить1* – *воротить2* по данных словарей русского языка разных периодов

Период ы	<i>воротить1</i>	<i>воротить2</i>
XI-XIV вв.	Вернуть, возвратить, отдать обратно что-либо, кого-либо. <i>Напоминася емоу Володимиръ о томъ много абы емоу воротилъ челядь онъ же не вороти емоу челяди его</i> Заставить вернуться кого-либо, способствовать возвращению кого-либо. <i>Посла Стослава Всеволодича к снви своему Ростиславу дабы Ъ оукратил и воротилъ опять</i>	
XI- XVII вв.	Заставить вернуться, возвратить. <i>А оружныкы поимъ 9000 воротилъ въ Масаду</i> Отдать обратно, возвратить. <i>Аже лодью украдетъ, то 60 кунъ продажѢ а лодию воротити</i> То же, что воротиться. <i>Аглинский посолъ съ человѢкомъ назадъ къ москвѢ воротилъ</i>	Приводить в движение, переворачивать, сдвигать. <i>Воротятъ то колесо буйволы</i> Поворачивать, сворачивать. <i>И старецъ Ефремъ воротилъ направо на лѢсъ коня</i> Отворачивать лицо. <i>Онъ кропитъ, а ты рожу то в уголь вороти</i>
XVIII вв.	Приводить в коловратное движение. <i>Ветер ворочает мельничные крылья</i> Возвращать ушедшего. <i>Воротить посланного с дороги</i> Получать обратно свою собственность. <i>Наконецъ воротилъ свои деньги</i>	Сваливать что-либо тяжелое с одного на другое. <i>Воротить камень с дороги</i>
XIX вв.	Поворачивать, заворачивать, сворачивать. <i>Ворочай с дороги</i> Вертеть с боку на бок, перекладывать. <i>Вороти камень в яму</i> Вращать кругом. <i>Иди точило ворочать</i> Править. <i>Он всемъ домомъ ворочаетъ</i>	
XX в.	1. Заставить вернуться, способствовать возвращению	1. Отворачивать в сторону, назад. <i>В. лицо</i>

куда-либо. <i>В. домой</i> 2. Получить или отдать обрат, вернуть, вновь обрести. <i>В. книгу, здоровье</i>	2. Валить сдвигать что-либо тяжелое. <i>В. крышу</i> 3. Управлять, распоряжаться большими делами. <i>В. миллионами</i>
---	---

Отмеченное расхождение мнений ученых-лексикографов связано, видимо, с незавершенным процессом распада многозначного слов на омонимы. В древнерусский период развития русского языка функционировало только одно слово *воротить*. С развитием значений в его семантической структуре произошел распад данного полисеманта на два слова: *воротить*¹, *воротить*². За первым - закрепляется основное значение «вернуть, возвращать», за вторым - «поворачивать, сдвигать». Значения этих слов различаются составом сем: в слове *воротить*¹ категориально-лексическая сема «перемещение», дифференциальные – «назад», «обратно», в глаголе *воротить*² категориально-лексическая сема «движение», дифференциальные – «в сторону», «объект громоздкий». Общим семантическим компонентом анализируемых глаголов является идея движения, траектория движения, свойственная этимологическому корню *vort-, однако отличие составляет то, что во втором слове актуализируется и на первый план выдвигается объектный компонент семантики.

На уровне словообразовательных отношений также выражается общее происхождение от одного многозначного слова глаголов *воротить*¹, *воротить*². Данные слова образуют общие производные префиксальные глаголы, в семантической структуре которых отражаются значения обоих слов. Рассмотрим семантическую структуру некоторых производных (по данным словаря XI-XVII вв.) (см. таблицу 20) [205]:

Таблица 20 - Значения производных слов глаголов *воротить*¹ – *воротить*²

Производное	Производящее
<i>взворотити</i> 1. Возвратить, вернуть, отдать ----- 2. Заставить вернуться, содействовать возвращению ----- 3. Перевернуть, опрокинуть -----	<i>воротити</i> ¹ 2. Отдать обратно 1. Заставить вернуться назад <i>воротити</i> ² 1. Вертеть, переворачивать, сдвигать
<i>заворотити</i> 1. Отвернуть, вывернуть -----	<i>воротити</i> ² 1. Вертеть, переворачивать, сдвигать

2. Заставить кого-либо повернуть назад	<i>воротити1</i> 1. Заставить вернуться назад
<i>оборотити</i> 1. Повернуть в какую-либо сторону, устремить, направить -----	<i>воротити2</i> 2. Поворачивать, сворачивать
2. Перевернуть противоположной стороной, опрокинуть ----- 4. Возвратить назад -----	1. Вертеть, переворачивать, сдвигать <i>воротити1</i> 1. Отдать обратно, возвратить
<i>отворотити</i> 1. Отойти в сторону, повернуть, отступить ----- 2. Послать назад, возвратить ----- 3. Возвратить, вернуть ----- 4. Возвратиться ----- 6. Отгибая чем-либо, отделить, оторвать -----	<i>воротити2</i> 1. Поворачивать, сворачивать <i>воротити1</i> 1. Заставить вернуться назад 2. Отдать обратно, возвратить 3. Возвратиться <i>воротити2</i> 1. Вертеть, переворачивать, сдвигать

На современном этапе языка количество префиксальных глаголов, образованных одновременно от *воротить1*, *воротить2*, сократилось, однако в семантической структуре некоторых из них наблюдаются семы, связывающие с обоими производящими. Например, в значениях глаголов *заворотить*, *поворотить*, *своротить* «отвернуть в сторону, назад», «заставить кого-либо повернуться назад, в сторону», «изменить направление в сторону, назад» выделяются семы «движение», «поворот», «в сторону», «назад», характерные как глаголу *воротить1*, так и слову *воротить2* [202]. На основе семантического и словообразовательного анализа слов *воротить1*, *воротить2* можно говорить, что данные глаголы являются квазиомонимами, поскольку процесс распада общего полисеманта до конца не завершился.

Явления омонимии и квазиомонимии накладывают отпечаток на развитие СГ и являются, как отмечалось выше, одним из источников появления в структуре гнезда новых лексических зон, превращающихся со временем в самостоятельные СГ. Производные слова (за исключением некоторых общих образований) создаются в соответствии со словообразовательными возможностями исходных слов (омонимов/квазиомонимов). Например, СГ *воротить2* активно образует префиксальные глаголы, эксплицирующие пространственный предел исходной семантики и являющиеся базой для образования новых слов. СГ *воротить2* включает только одно производное (*воротиться*). Такая низкая словообразовательная активность, видимо, связана с тем, что, во-первых, в исходном слове уже указан предел действия «назад», во-

вторых, функционированием в языке более сильного синонимичного коррелята *возвратить*, образующего гнездо из 21 производного слова.

Таким образом, анализ СГ по лексическим зонам продемонстрировал увеличение словообразовательного потенциала исходных слов. Большая часть производных в СГ входит в основную лексическую зону, построенную на базе стержневого (основного) значения исходного слов. Появление новых лексических зон в структуре гнезда обусловлено, в первую очередь, развитием семантической структуры производных и производящих слов на других ступенях деривации, что выражается в реализации вторичных, в частности переносных, значений исходного слова, распада полисеманта на омонимы, различные семантические сдвиги (например, перегруппировка значений в слове). Многие лексические зоны в структуре СГ в процессе языкового развития выделяются в самостоятельное гнездо. Основная часть современных СГ являются исторически лексическими зонами одного глагольного гнезда.

2.3.3 Мотивированность и производность слов

При исследовании СГ исходных слов с корнями *vert-, *vort-, *vʏrt- в синхронно-диахроническом аспекте были обнаружены случаи несоответствия мотивированности и производности некоторых слов. В понимании данных терминов мы основываемся на теоретические положения, разработанные И.С.Улукановым, Л.К.Жаналиной [31]; [35]. Все анализируемые слова с позиции наличия/ отсутствия производящего и мотивирующего слов можно разделить на 3 большие группы: 1) слова, имеющие производящее и мотивирующее; 2) слова, имеющие производящее, но не имеющие мотивирующего; 3) слова, не имеющие ни производящего, ни мотивирующего (на основе классификации И.С.Улуканова).

Первая группа, состоящая из слов, имеющих и производящее, и мотивирующее, делится на две подгруппы: слова, у которых мотивирующее и производящее полностью совпадают; слова, на современном этапе мотивированные одним словом, а на уровне диахронии образованы от другого слова.

Первую подгруппу организуют слова, у которых одно и то же производящее и мотивирующее слово. Например, глагол *поворотить* «повернуть, отвернуть в сторону» был образован от слова *воротити*² «отворачивать, поворачивать», на современном этапе развития языка эти

деривационные связи сохранены полностью (см. таблицу 21) [205]; [202].

Таблица 21 – Слова с одинаковой мотивирующей и производящей базой

Мотивирующее	Мотивированное	Производящее	Производное
<i>воротить</i> ² «отворачивать в сторону»	<i>переворотить</i> «повернуть противоположной стороной»	<i>воротити</i> ² «поворачивать, сворачивать»	<i>переворотити</i> «повернуть с одной стороны на другую»
<i>воротить</i> ² «валить, сдвигать что-либо тяжелое»	<i>своротить</i> «ворочая, сдвинуть с места»	<i>воротити</i> ² «приводить в движение, передвигать»	<i>своротити</i> «тронуть с места, ворочая, передвинуть»
<i>воротить</i> ² «валить, сдвигать что-либо тяжелое»	<i>разворотить</i> «ворочая, разъединить, раздвинуть в разные стороны»	<i>воротити</i> ² «приводить в движение, передвигать»	<i>разворотити</i> «воротить врознь, развертывать в разные стороны»
<i>воротить</i> ² «отворачивать в сторону»	<i>заворотить</i> «сделать поворот в сторону или назад»	<i>воротити</i> ² «поворачивать, сворачивать»	<i>заворотити</i> «повернуть в сторону или назад»
<i>вертеть</i> «приводить в круговое движение, вращать»	<i>ввертеть</i> «вращением чего-либо вставить, ввинтить»	<i>вертети</i> «приводить в движение, передвигать»	<i>ввертети</i> «вращая вставить, ввинтить»
<i>вертеть</i> «приводить в круговое движение, вращать»	<i>вывертеть</i> «вращением чего-либо извлечь»	<i>вертети</i> «приводить в движение, передвигать»	<i>вывертети</i> «выкрутить, извлечь»
<i>вертѢль</i> «вертел»	<i>вертѢльный</i> «относящийся к вертелу»	<i>вертел</i> «вертел»	<i>вертельный</i> «относящийся к вертелу»
<i>вертѢти</i> «вращать,	<i>вертѢние</i> «вращение»	<i>вертеть</i> «приводить в	<i>вертение</i> «действие по гл.

приводить круговое движение»	в		круговое движение»	вертеть»
------------------------------------	---	--	-----------------------	----------

Следует отметить, что в данную подгруппу включены слова, у которых при совпадении производящего и мотивирующего слов, различаются производящие и мотивирующие значения. Например, префиксальный глагол *наворотити* в древнерусский период языка обозначал действие «повернуть, свернуть» и был образован от глагола *воротити*² «поворачивать, отворачивать» [205]. На современном этапе развития языка анализируемый глагол имеет основное значение «наложить в беспорядке громоздкие и тяжелые вещи» и мотивируется словом *воротить*² со значением «валить, сдвигать что-либо тяжелое» [202].

Вторая подгруппа включает слова, которые исторически были образованы от одних слов, а синхронно мотивируются другим. Например, производящей базой глагола *взворотити* со значением «возвратить, вернуть, отдать» являлось слово *воротити*¹ «заставить вернуть, возвратить» [205]. На современном этапе развития языка *взворотить* обозначает действие «с силой поворачивая, извлечь откуда-либо» и мотивировано глаголом *воротить*¹ «валить, сдвигать» [202]. Главная причина расхождения мотивированности и производности у анализируемого глагола заключается, видимо, во-первых, в гомогенном происхождении квазиомонимов *воротити*¹ – *воротити*², нередко проявляющих общие словообразовательные связи, во-вторых, в стремлении языка избавиться от дублетных синонимов *взворотити* – *возвратити*.

Вторую группу составляют слова, имеющие в современном русском языке производящие, но не имеющие мотивирующих. В основном это слова, утратившие на данном этапе развития языка словообразовательные связи со словами, от которых этимологически образованы. По мнению таких ученых, как И.С. Улукханов, Л.К. Жаналина, это следствие утраты с производящим смысловой и формальной соотносительности.

Например, глагол *оборотити* в древнерусский период языка называл действие «повернуть в какую-либо сторону, устремить, направить» и был образован от слова *воротити*² «поворачивать, сворачивать» [205]. В современном русском языке анализируемый глагол прямо не соотносится со словом *воротити*². Утрата данных деривационных связей обусловлена процессом опрощения, изменением

лексического значения слова (*оборотить* «плотно завернуть, обмотать») и фонетического облика (*ob + vort-*: произошло упрощение групп согласных путем выпадения *v* и образовалось полногласие *oro* под действием праславянского закона открытого слога).

Особо выделяются глаголы типа *завернуть*, *отвернуть*, *свернуть*, *повернуть* и др. Все эти глаголы в древнерусский период развития языка были связаны с глаголами *вертети* посредством дополнительного звена в словообразовательной цепи:

вертети – *вернути* – *завернути*
вертети – *вернути* – *довернути*
вертети – *вернути* – *обвернути*
вертети – *вернути* – *повернути*

Все члены такой словообразовательной цепи соотносились друг с другом по смыслу. Например, глагол *ввернути* обозначал действие «ввинтить, вставить» и через звено *вернути* со значением однократного действия к глаголу *вертети* был образован от последнего, называющего действие «приводить в круговое движение» [205]. На современном этапе языка деривационные связи утратились, прежде всего, вследствие изменения семантической структуры слова-посредника (см. таблицу 22):

Таблица 22 – Значения слова *вернуть* по данным словарей русского языка разных периодов

<i>вернути</i>	<i>вернуть</i>
однократное к <i>вертети</i>	1. отдать обратно что-либо взятое, возвратить или получить обратно что-либо утраченное 2. способствовать возвращению куда-либо

Префиксальный глагол *обернути* обозначал действие «завернуть, замотать» и опосредованно был производным глагола *вертети* «завертывать, обертывать» [205]. В настоящий период языка этот глагол немотивированный, поскольку, во-первых, исчезло мотивирующее значение слова *вертети*; во-вторых, изменилась семантика глагола *вернуть*; в-третьих, произошла фонетическая модификация анализируемого слова (*ob + vert-*: выпадение *t* и *v* в связи с действием праславянского закона открытого слога).

Третью группу образуют слова, которые на современном этапе языка не имеют и мотивирующего слова, и производящую базу. Это в основном глаголы типа *обратить*, которые этимологически были образованы от

глагола *вратити*, выпавшего из словарного состава современного русского языка (см. таблицу 23).

Таблица 23 – Слова, утратившие производящее и мотивирующее

Мотивирующее	Мотивированное	Производящее	Производное
-	возвратить	(вратити)	возвратити
-	извратить	(вратити)	извратити
-	обратить	(вратити)	обратити
-	отвратить	(вратити)	отвратити
-	превратить	(вратити)	превратити
-	развратить	(вратити)	развратити

Таким образом, все слова анализируемых СГ имеют различное соотношение мотивированности и производности, в связи с чем объединяются в 3 группы: 1) слова, имеющие производящее и мотивирующее; 2) слова, имеющие производящее, но не имеющие мотивирующего; 3) слова, не имеющие ни производящего, ни мотивирующего.

Подводя итоги анализа семантической парадигмы СГ в синхронии и диахронии, мы можем сделать следующие выводы. Состав СЗ в глагольных и именных СГ характеризуется относительной стабильностью состава семантических мест. Главным содержанием их развития является реализация структурно-семантического потенциала, сложившегося приблизительно к концу XIX в.

В глагольных СГ развитие типовых СЗ в процессе словопроизводства характеризовалось следующими специфическими чертами: во-первых, заполнением пустых семантических мест новым значением свойства на периферийных ступенях деривации; во-вторых, получением регулярности образования некоторых значений, появлявшихся в единичных случаях. Регулярное образование видовых и возвратных глаголов обусловлено развитием грамматических категорий вида и возвратности. Расширение синтаксических валентностей глагольного слова способствовало возникновению производных со значением инструмента, субъекта, объекта действия и т.д. Развитие СЗ в субстантивных СГ обусловлено особенностями семантического состава исходного значения (например, локативность, темпоральность).

В субстантивных гнездах набор СЗ увеличивался за счет формирования значений лица и признака, относящегося к

предмету/явлению, названному исходным словом. Регулярное появление значений «женскость лица» связано с развитием категорий одушевленности/неодушевленности в языке. Пополнение схемы развития СЗ в субстантивных СГ происходит в результате формирования СЗ, свойственных глагольной парадигме (имя отвлеченного действия, возвратные, видовые, пространственные, временные модификации и др.). В адъективных гнездах образуются типовые значения свойства и признака признака.

В филогенезе языка растет словообразовательный потенциал слов, что проявляется в увеличении количества новых лексических зон в структуре СГ. Одну лексическую зону образуют производные слова СГ, возникшие на основе первого (стержневого) значения. В результате семантических изменений в значениях производных и производящих слов, реализации вторичных, в частности, переносных, значений исходного слова, распада полисеманта на омонимы (в том числе и на квазиомонимы), различных семантических сдвигов в слове появляются новые лексические зоны в структуре гнезда. В процессе языкового развития большинство лексических зон превращаются в самостоятельные гнезда. Основная часть анализируемых современных СГ является исторически лексическими зонами одного глагольного гнезда.

Сопоставление мотивированности и производности слов анализируемых СГ с позиции синхронно-диахронического аспекта показало, что данные слова объединяются в три основные группы: слова, сохранившие в процессе языкового развития одно и то же производящее и мотивирующее; слова, сохраняющие производящее, но не имеющие мотивирующего на современном этапе языка; слова, не имеющие в современном языке ни производящего, ни мотивирующего.

2.4 Когнитивные модели и парадигмы словообразовательного гнезда

Исследование СГ с позиции когнитивного аспекта (в широком смысле: логического и экспериенциального) предполагает синтез когнитивного и концептуального анализов. Принцип о соотношении когнитивного и концептуального анализа был введен Е.С.Кубряковой. «Про такой анализ можно равно сказать, что он является концептуальным, поскольку он направлен на выделение главных концептов (смыслов) человеческого сознания или же что он является когнитивным, поскольку, с одной стороны, сами концепты как отдельные оперативные единицы сознания оказываются продуктами ментальной, мыслительной, когнитивной деятельности, а, с другой стороны, и потому, что в анализе этих единиц и образуемых ими объединений (структур знания) используется методика соотнесения этих единиц и структур с языковыми формами, сложившаяся в области когнитивной науки и направленная на их выявление с помощью языка и через язык» [117,271-272].

Под когнитивной парадигмой мы понимаем определенный набор когнитивных структур и систему концептов, получающих развитие от исходного базового концепта в процессе гносеологической деятельности человека и вербализуемых в однокорневых образованиях.

В центре когнитивных исследований, направленных на изучение концептуальной организации языка, находятся такие наиболее общие концепты, отражающие онтологию мира, как пространство, время, объект, движение, действие и др. [128,91]. Именно эти примарные концепты мы кладем в описание когнитивной парадигмы СГ. Наиболее общие когнитивные структуры (например, предикатно-актантные рамки пропозиции), формируемые в ходе человеческой деятельности, усложняются и получают реализацию в новых языковых номинациях на парадигматическом и синтагматическом уровнях СГ. СП отражает число реализованных в языке «смысловых шагов», которые можно произвести от одного концепта. СЦ представляет реализацию «смысловой цепи» исходного концепта [188,117].

Для описания когнитивной парадигмы СГ были поставлены следующие задачи:

- 1) определить основные когнитивные структуры и систему

концептов, сформированные от исходного базового концепта в результате познавательной деятельности человека и вербализованные в производных словах СГ;

2) выявить мыслительные операции, с помощью которых происходит обработка базового концепта;

3) описать ономаσιологические структуры производных слов как определенные концептуальные схемы.

С целью объяснения некоторых явлений когнитивной парадигмы современных СГ мы обращались к историческим фактам русского языка. «Для когнитивной теории, – справедливо замечает В.А. Плунгян, – диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX века, это направление провозглашает, что для понимания того, как устроен язык, и для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению становится одним из основных исследовательских приемов» [238,325].

В основе когнитивно-ономаσιологического анализа производных слов лежит положение о категориальном характере основы [117,271]; [48,60]. Основная часть исследуемых СГ возглавляется глаголами, особенность которых заключается в пропозициональном характере их семантики, следовательно, в данных гнездах изначальным пунктом развития человеческой мысли является пропозиция – моделируемый фрагмент действительности, в котором есть действие, его участники и пространственно-временные характеристики [123,88].

Процедура анализа когнитивной парадигмы глагольного СГ основана на описании предикатно-аргументных компонентов исходной пропозиции, получающих языковое выражение в структуре СГ. «Один из компонентов ситуации или один вместе еще с кем-то, будучи обозначенным, проявляет уже способность вызывать в нашем воображении ситуацию в целом, или в других терминах, активизировать соответствующий фрейм» [123,89]. Например, *воротила* – субъект действия (тот, кто ворочает миллионами, большими делами); *отвертка* – инструмент действия (то, чем ввертывают и отвертывают винты и шурупы); *заворот* – локатив действия (место, где заворачивают, поворачивают) [202].

Особенности когнитивной парадигмы субстантивного СГ обусловлены конституирующим именным свойством лабильности имени (термин Е.В. Рахилиной), то есть его изменчивости и в отличие от глагола принципиальной разнородности ситуаций, с которыми это имя

связывается. Если когнитивная характеристика глагола основана на одной конструкции, отражающей его аргументную структуру, то свойства имени могут быть вычислены из бесконечного множества его разнообразных контекстов, причем плохо совместимых друг с другом [132,7].

Релевантной для когнитивного описания имени является информация о его мереологии (частях соответствующего объекта и множествах, в которые он входит), о таксономическом классе имени (о занимаемой позиции в родо-видовой иерархии), о функциональной составляющей имени (указание на основной способ использования или создания соответствующего объекта), об основных физических признаках обозначаемого им объекта (форма, граница, ориентация в пространстве, размер, цвет, температура) и др. [132,7-8].

Однако некоторые имена (в частности, имена артефактов) приближены по семантике к предикатам. В таких субстантивных СГ образуются производные слова, в ономаσιологической структуре которых выделяется промежуточное вербальное звено, вызывающее в сознании носителя языка некое представление об исходной пропозиции или одного из его компонентов и не получающее языкового выражения. Е.А. Селиванова данные явления называет ономаσιологической импликацией, под которым понимается «селекция мотиватора ономаσιологической структуры, сопровождающаяся одновременным погашением других компонентов мотивирующей базы» [42,150].

Видимо, появление таких производных в структуре именных СГ обусловлено генезисом исходного слова (исторически данные существительные отглагольные), сохраняющего в своем значении остатки глагольной семантики. Например, *вороток* «ручной инструмент для приведения во вращение режущих инструментов» [202] связан с исходной пропозицией исторически родственных слов *вертеть*, *вращать*, *воротить* «действие, совершаемое субъектом и направленное на движение объекта по кругу, по оси» и называет инструмент действия, при помощи которого происходит вращение [202]. Последний компонент (действие «вращать») эксплицитно не выражен в структуре производного.

Появление новых концептов в глагольных СГ обусловлено структурой исходной пропозиции, особенности которого проявляются, в первую очередь, в зависимости от характера предиката. В основе характеристики пропозиции находится предикат, поскольку он является центром диктума пропозиции и опосредует различные связи предметов в окружающем мире [42,129]. Концептуальная категоризация предикатов

достаточно разветвленная, так как через действие человек вступает в активные отношения с реальностью.

Как показывает анализируемый материал, в наиболее общем виде все предикаты можно разделить на две большие группы: предикаты конкретного физического действия и предикаты деятельности (системы конкретных и ментальных). Следует отметить, что в процессе языкового развития сложилась тенденция названия предикатов первой группы посредством глаголов с сочетанием *-ер-*, полногласием *-оро-*, предикатов деятельности – глаголами с неполногласием *-ра-* (возможны и исключения). Например, *вертеть* «приводить в круговое движение, вращать», *поворотить* «повернуть, заставить изменить направление движения», *совратить* «склонить к дурным поступкам, ложным убеждениям, сбить с правильного пути» [202].

Большинство вершинных глаголов анализируемых СГ называют конкретное физическое действие. Поэтому в системе концептов данных СГ активно появляются концепты, называющие исходную пропозицию с указанием дополнительного временного, пространственного и количественного признака. Активное образование данных концептов связано со стремлением и потребностью четкого дифференцирования пространственно-временных координат движения. Так, в гнездах с инициальной пропозицией «действие субъекта, направленное на изменение положения объекта в определенных пространственно-временных координатах» (глаголы *воротить*, *ворочать*) на первом шаге словопроизводства формируются концепты, ограничивающие пространственный предел исходной пропозиции.

Например, возникают концепты, указывающие на то, что действие направлено внутрь предела (*вворотить*, *ввертеть*, *ввернуть*), на предел (*взворотить*), в сторону предела (*заворотить*, *завернуть*, *повернуть*), от предела (*отворотить*, *отворочать*, *отвернуть*, *отвертеть*), из предела (*выворотить*, *вывертеть*, *вывернуть*), вокруг предела (*обворотить*, *обвертеть*, *обвернуть*), в разные стороны от предела (*разворотить*, *разворочать*, *развертеть*) [202]. В гнездах с исходной пропозицией «действие субъекта, направленное на движение объекта по оси» (*вращать*) образование данных концептов ограничено, что, видимо, обусловлено уже конкретизированным пространственным компонентом в пропозиции «вокруг оси, по кругу» [202]. В гнездах с исходной пропозицией, основанной на предикате конкретного физического действия, формируются концепты, актуализирующие количественный

компонент инициального концепта. Например, *наворочать, наворотить* «действие, направленное на большое количество объектов» [202].

Образование концептов, основанных на предикатах деятельности, связано с наивно-этическими представлениями носителя русского языка. В центре мировидения древнерусского человека находился Бог, а не он сам. «В сознание человека древнерусской эпохи, – пишет З.К. Сабитова, – когда принятое в X веке христианство укрепляло свои позиции, внедрялись морально-философские заповеди христианства. Бог в сознании древнего человека «заполнял все жизненное пространство», поскольку, с христианской точки зрения, он являлся первоосновой всего сущего на Земле» [231,140].

Поскольку «необходимым атрибутом религиозного сознания является способность «к мысленному, умному зрению, видению», предполагающему противопоставление объектов и ситуаций по линии материальное/идеальное, физическое/духовное, внешнее/внутреннее» [239,5], предикаты деятельности носили ярко выраженный религиозный характер. Пространственный компонент в исходном концепте, основанном на предикате деятельности, уточнялся как «приближение или отход от вертикали, от веры, от истинного пути». Например, *извратити* «извратить, исказить» в контексте «*Никонъ патриархъ изменилъ святой чинъ, извратилъ книги*»; *обратити* – «*сновь Излевы обратити к Гу Бу ихъ*», «*обратити в христианство*», «*обратити блудящее овца*», «*святии же отци мною того наказавше, не возмогоша обратити*»; *обратитися* «*приимемъ покаянье от срдца ... да Гсъ Бъ обратитися к намъ*», «*обратишася каждо отъ своего зла деломъ и мыслью*»; *обращати* – «*ожидохъ съписующа много объ равенство имяше, еже обращати жидовы къ истине*»; *обращение* – «*гу бу попускающу ... якоже самъ рекль есть: не хошу смерти грешнику, но обращение живота его*»; *отвратити* – «*не отврати мя ги от пути истиннаго*», «*обращая ся къ бу ... отврати ся от неправды*» [204];[205];[206].

На современном этапе концепты религиозного содержания отодвинуты на второй план и находятся на периферии в иерархии концептов, объединенных анализируемыми корнями (например, *обратить в христианство* [202]). В связи с определенными изменениями сознания, менталитета современного человека деятельность начинает мыслиться не сквозь призму религиозных представлений и диады «мир бренный – мир духовный», а через понятия нравственно-этических норм. Поэтому в концептах, основанных на предикате деятельности, пространственный предел «приближение/отход от вертикали, истинного

пути, веры» трансформируется в «сохранение этических норм» и «нарушение этих правил». Например, *отвернуть* «не дать совершить плохое, дурной поступок», *развернуть* «довести до морального разложения», *извернуть* «оказать дурное влияние, испортить», *совратить* «склонить к дурным поступкам, ложным убеждениям» [202].

В процессе словообразования происходит формирование концептов, отражающих субъектно-аргументные слотовые позиции исходной пропозиции. Субъект действия в сознании древнерусского человека – это деятель, активная личность, «посвящавшая себя борьбе со злом ради духовного спасения себя и других членов общества» [140,60]. Например, *отвертникъ страстей, обратитель в веру* [204]; [205]; [206]. Такая личность противопоставляла себя нарушителям высшего порядка (*развертник*).

В современном русском языке концепты субъекта действия расширяют свои границы, включая лица женского пола (*развертник – развертница, совратитель – совратительница, вертун, вертопрах – вертунья, вертихвостка*), что, видимо, связано с явлением эмансипации в современном мире. В словах современного русского языка, называющих концепты субъекта действия, отражается перемена взглядов на мир, переход от теоцентричности к антропоцентричности (в центре мира находится сам человек, строитель своей судьбы). Например, *воротила* «делец, тот, кто управляет большими делами, предприятиями, деньгами». Кроме того, постепенно в системе концептов в процессе гносеологической деятельности человека появляются концепты субъекта действия, называющего животное или насекомое (*вертячка* «небольшой водяной жук», *трубковерты* «название семейства жуков, вредителей лиственных деревьев, близких к долгоносикам», *вертун* «голубь особой породы») [202].

Аргументные слотовые позиции получают свою реализацию в формировании следующих концептов [42,137]:

- пассив - компонент, обозначающий лицо, к которому обращено информативное, денотативное и эмотивное действие (*обращенный, развернутый*) [202];

- собственно объект – компонент с предметно-вещественным значением, подвергающийся действию или каузативному воздействию (*неотвратимое, сверток*) [202];

- инструментив – компонент со значением орудия действия (*воротило, отвертка, навертыш, вертушка, вертолет, развертка, верстатка*) [207]; [202];

- медиатив – компонент со значением способа и расходуемого средства действия (*обертка, обвертка*) [202];

- локатив – компонент со значением местонахождения, перемещения, места, пути движения (по горизонтали - *сворот, изворот, повертка* «обл. поворот дороги»; по вертикали - *вертлюг* «бугор в верхней части бедренной кости, служащий местом прикрепления мышц, поворачивающих бедро», *вертка* «воронкообразная яма, вырываема для печи») [205]; [217]; [202];

- результатив – компонент, обозначающий результат каузации (*отворот, обрат*) [202].

Следует отметить, что в процессе формирования новых концептов актуализируются оценочный и квантификативный компоненты базовой пропозиции (см. модель действия, предложенную Е.С. Кубряковой). Так, концепт орудия действия *вертушка* «инструмент, с помощью которого возможна специальная привилегированная правительственная телефонная связь; диск, крутя который, можно непосредственно выходить на связь» включает коннотативный признак, основанный на прагматических установках говорящего и связанных с категориями «хорошо/плохо» (*звонить по вертушке, решить проблемы по вертушке, соединиться по вертушке, доложить по вертушке*) [219].

В глагольных гнездах появляются концепты, отражающие постоянный признак и признак, сопровождающий действие. Появление первых связано с восприятием носителями языка исходного признака, мыслимого протяженным во времени и пространстве, как характерной и постоянной черты предмета (*изворотистый* «постоянно изворачивающийся», вращательный), статичной характеристикой объекта, уже испытавшего воздействие (*извращенный, развращенный*), отражающим функциональное свойство предмета (*оборотливый, круговращательный*) [202]. Образование вторых связано с названием дополнительного признака, помогающего дифференцировать исходное действие или признак (*бесповоротно, поворотливо*).

Достаточно активным во всех гнездах является формирование понятий отвлеченного действия и свойства признака. Как известно, действие и признак не существуют в реальном мире вне их конкретных носителей и участников. В процессе гносеологической деятельности развивается абстрактное мышление человека, способное вычленять исходное действие или признак из конкретной ситуации. Действие и признак мыслятся в отвлечении от переменных компонентов пропозиции (*заворачивание, поворачивание, ворочание, извращение, разврат,*

превращение, вращение; бесповоротность, изворотливость, оборотливость, извращенность и др.). В древнерусский период языка количество данных концептов было ограничено.

В адъективных СГ когнитивная парадигма состоит также из концептов, называющих признак в отвлечении от его носителя (*превратность, коловратность*) и признак признака (*коловратно, превратно*).

Когнитивная парадигма некоторых субстантивных СГ отражает остаточную связь пропозиции исторически производящего глагола и концепта исходного существительного. Например, концепт инструмента *вертел* «металлический прут для жаренья мяса над огнем», представленный в системе концептов современного СГ, сохраняет элементы, объединяющие его с исходной пропозицией *вертеть* «вращать, совершать круговое движение» (ср.: в древнерусский период концепт инструмента действия *вертѣль* «сверло, бурав» – исходная пропозиция *вертѣти* «сверлить») [205]; [202].

Аналогично остатки генетической связи с пропозицией исходного глагольного слова отражают концепты локатива действия (*ворота/врата*), (*вертеп*), инструмента действия (*веретено*), темпоратива (времени) действия (*время*), субъекта отношения, или релятива (*сверстник*). Следует отметить, что концепт локатива действия, отраженный в словах *ворота/врата*, связан также с особенностями мировидения древнерусского человека, противопоставлявшего два мира – видимый и невидимый. Слово *ворота* обозначало все то, что относилось к миру действительности, реальному миру (*ворота замка, городские ворота*); слово старославянского происхождения *врата* обозначало вход в другой мир, место, связывающее два мира – человеческий и божий (*врата в рай, врата к Гу Бу*) [204]; [205]; [206]. В современной системе концептов *ворота/врата* практически тождественны, содержание религиозного характера находится на периферии, различие составляет оценочно-прагматический компонент концептов, выражающийся в языке особым стилистическим употреблением данных слов (книжное – нейтральное) [202]; [203].

Свойство лабильности исходного субстантива способствует формированию самых разнообразных концептов в когнитивной парадигме данных СГ, отражающих релевантную для имени информацию. Так, в субстантивных СГ появляются концепты, отражающие физические признаки исходного объекта: размер, форму и границу (*вороток, воротца, воротища, веретенце, воротничок,*

вертлюжок, трехверстка «географическая карта, имеющая масштаб три версты в дюйме») [202], ориентация в пространстве (*подворотня, заворотье, подворотник, многоверстный, тысячеверстный*) либо называющие основной способ использования/создания объекта или функциональную черту субъекта (*времяпрепровождение, верстомер, времямер, вертел, вратарь, привратник, вертепник*). В процессе познавательной и номинативной деятельности на последующих шагах словопроизводства с образованием концептов постоянного и переменного признака (прилагательных и глаголов) происходит формирование концептов, свойственных глагольным СГ, а именно концептов, называющих признак/действие в отвлечении от его носителя/субъекта (*временность, современность, одновременность, осовременивание*).

В процессе познавательной деятельности человек использует такие мыслительные операции (одна из них доминирует при создании определенного концепта), как анализ, синтез, обобщение, ограничение, сравнение. Образование нового концепта идет двумя основными путями:

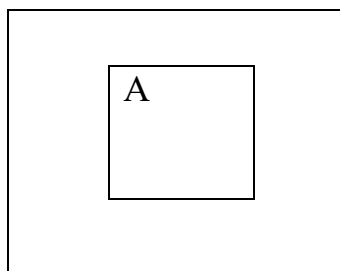
- 1) мыслительные процессы, направленные на базовый концепт;
- 2) мыслительные процессы, направленные за пределы базового концепта [188,91].

Формирование нового концепта на основе старого происходит за счет конкретизации одной слотовой позиции при сохранении всех остальных (например, в пропозиции указывается темпоральные, локативные, квантитативные характеристики действия) либо на базе только одной слотовой позиции (например, отдельного субъектно-аргументного компонента исходной пропозиции). Выход за пределы исходного концепта возможен в случаях метафорических наименований, когда происходит пересечение двух концептов (один из них базовый) на основе одной слотовой позиции, «результатом чего в исходном концепте формируется ассоциативный терминал, означенный наименованием другого концепта» [42,142].

При формировании новых концептов, называющих базовый концепт с конкретизацией дополнительного слота (в префиксальных глаголах временного, пространственного или квантитативного предела, в существительных лица признака женского пола и др.), используется операция ограничения. Например, *вертеть – повертеть, воротить – наворотить, развратник – развратница*. Схематично данную мыслительную операцию можно представить следующим образом: (см. рисунок 5):

Базовый концепт

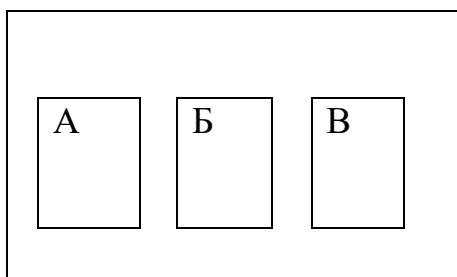

Новый концепт

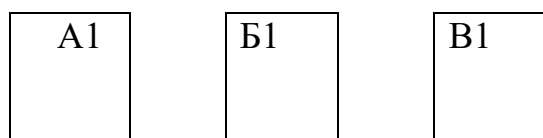
А – дополнительный признак

Рисунок 5 – Мыслительная операция ограничения

Образование новых концептов, основанных только на одной слотовой позиции исходного концепта, является результатом мысленного расчленения данной концепта на составляющие (операция анализа). Носитель языка из исходной пропозиции вычленяет отдельные компоненты (субъектно-аргументные слотовые позиции) и дает каждому наименование. Например, *развернуть* – *развертатель*, *воротить* – *воротила* (субъект действия); *воротить* – *воротило*, *навертеть* – *навертыш*, *отвернуть* – *отвертка* (инструмент действия). Данную операцию можно выразить так (см. рисунок 6):

Базовый концепт

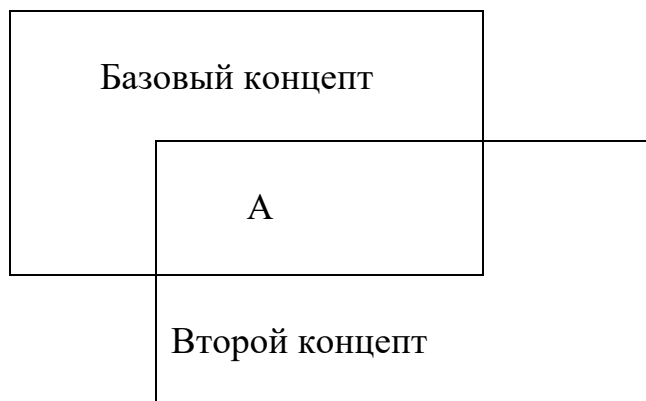
Новые концепты

А, Б, В – субъектно-аргументные слотовые позиции

Рисунок 6 – Мыслительная операция анализа

При использовании мыслительной операции сравнения (в основном при образовании метафорических наименований) происходит сопоставление двух концептов на основе общей слотовой позиции. Например, *навертеть* «навалить в большом количестве. *Н. камни*» – «сосредоточить слишком много чего-либо, переполнить, сделав

чрезмерно замысловатым. *Н. всякого добра в эту историю»* (слотовая позиция «количество») [202]. Схематично образование концептов на базе сравнения (наложения концептов) можно представить следующим образом (см. рисунок 7):

Концепты, на основе которых сформировался новый концепт

А – общая слотовая позиция

Рисунок 7 – Мыслительная операция сравнения

Ономасиологическая структура производных слов анализируемых СГ отражает определенные когнитивные структуры и представляет концептуальные схемы, структурируемыми несколькими базовыми фреймами – предметным, акциональным, посессивным, таксономическим и компаративным (по С.А. Жаботинской) [133]. Предложенная С.А.Жаботинской классификация основных фреймов распространяется, по нашему мнению, не только на предметные имена (НЕЧТО/НЕКТО), но и на глагольные (ПРОПОЗИЦИИ).

В предметном фрейме одна и та же сущность (НЕЧТО/НЕКТО) или же одна и та же ПРОПОЗИЦИЯ характеризуется по своим количественным, качественным, бытийным, локативным и темпоральным параметрам. Например, НЕЧТО (локатив) обусловлено ТЕМПОРАТИВОМ (*временка* «временное строение, место, где живут временно» [202]), где ономасиологический базис (основной целевой концепт, именуемый словом и выраженный в словообразовательном форманте) указывает на место, ономасиологический признак (концепт, характеризующий базис и выраженный мотиватором) на его временность, предикат-связка (концепт, представляющий отношение между базисом и признаком, имплицитно выраженный в языке) объединяет два

предметных концепта. При назывании пропозиции ономаσιологическая структура производного слова бинарна, поскольку отсутствует предикат-связка. Например, ПРОПОЗИЦИЯ и ЛОКАТИВ (*воротить* «валить, сдвигать что-либо тяжелое, громоздкое» - *взворотить* «с усилием поднимая, положить наверх чего-либо» [202]). Особенность структуры данного производного слова обусловлена тем, что словообразовательное средство (префикс) является ономаσιологическим признаком, ономаσιологический базис представляет мотивирующая база.

В акциональном фрейме происходит объединение двух участников события (аргументных ролей) межпространственной связью действует/делает. Например, НЕКТО действует у ЛОКАТИВА (*привратник* «тот, кто охраняет у ворот, у входа куда-либо» [202]), НЕКТО действует с помощью ИНСТРУМЕНТАТИВА (*вертельник* «тот, кто поворачивает вертел» [202]).

Поссесивный фрейм отражает межпространственную связь НЕЧТО-обладатель имеет НЕЧТО-обладаемое. Например, *временщик* «тот, кто имеет временную власть; человек, на время захвативший власть» [202].

Таксономический фрейм отражает отношение категоризации НЕЧТО-вид есть НЕЧТО-род. Например, *вороток* «ручной инструмент для приведения во вращение режущих инструментов» - *ворот* «грузоподъемное устройство, состоящее из вращаемого рукояткой вала» [202].

Компаративный фрейм демонстрирует межпространственную связь тождества, сходства и подобия. Например, НЕЧТО/НЕКТО как/похоже на ЧТО-ТО/КОГО-ТО. Например, *веретеница* «род безногой, похожей на змею ящерицы» [202] отражает сходство со змеей, передвигающейся как веретено, названного мотивирующим словом.

Таким образом, когнитивная парадигма СГ обусловлена категориальной основой исходного слова. В процессе гносеологической и номинативной деятельности система формируемых концептов в когнитивной парадигме СГ базируется на особенностях исходного концепта. В глагольных СГ в результате реализации диктума актантно-предикатной рамки исходной пропозиции формируются концепты, указывающие пространственную, квантитативную, темпоральную характеристику пропозиции либо называющие субъектно-аргументный компонент пропозиции. Образование данных концептов связано с достижением определенного уровня абстракции в процессе познания, при котором носитель языка фиксирует характер модификаций, происходящих в объективном мире, и отражает их в структуре СГ. В

адъективных СГ, как и в глагольных, формируются концепты, называющие признак в отвлечении от его носителя. Когнитивная парадигма субстантивных СГ обусловлена лабильностью исходных слов и их генетической связью с пропозицией исторически производящего глагола. В процессе гносеологической деятельности носитель языка использует логические операции синтеза, ограничения, сравнения и др., одна из которых является основным при формировании различных концептов. Ономазиологическая структура производных слов представляет определенную концептуальную схему, основанную на базовых фреймах.

Таким образом, в современной словообразовательной науке возрос интерес к изучению СГ – основной системообразующей единицы языка, отражающей различные связи между словами на парадигматическом и синтагматическом уровнях. В словообразовательной науке многогранность СГ позволяет ученым-дериватологам исследовать его как систему, имеющую свои структурно-семантические и лексико-грамматические особенности, как порождающую модель, как отражение ассоциативно-вербальной сети носителя языка, как когнитивно-номинативную модель, изучать эволюцию СГ на разных исторических этапах языка. С позиции интегративного подхода – синхронно-диахронического, семасиолого-ономазиологического и когнитивного аспектов – СГ описывается как реализация когнитивно-номинативного потенциала исходных слов и как объединение формальной (морфемной и морфонологической), семантической и когнитивной парадигм на разных исторических этапах развития языка, поскольку когнитивно-номинативная парадигма является результатом реализации деривационного потенциала слов, возможности их формального, семантического и когнитивного возрождения в производных словах.

Формальная парадигма СГ отражает развитие деривационного потенциала исходных слов, проявляющееся в увеличении структуры гнезд на синтагматическом (количество и глубина СЦ) и парадигматическом (количество СП на разных ступенях словообразования) уровнях, в отборе словообразовательных средств и способов словопроизводства. Развитие формальной парадигмы СГ зависит от различий словообразовательных возможностей имени и глагола.

Глагольные гнезда характеризуются многочленностью и многоступенчатостью своей структуры. Степень нанизываемости морфем к глагольной основе достаточно высокая как справа, так и слева, в отличие от именной основы, присоединяющей морфемы с правой

стороны.

Особенность субстантивных СГ заключается в характере семантики исходного слова. СГ с конкретным существительным активно образуют производные только на первом шаге деривации. Гнезда с абстрактным существительным отличаются более разветвленной структурой, увеличению которого способствуют также производные глаголы - база для создания новых слов. При образовании производных слов в глагольных гнездах наиболее активными распространенными являются префиксальный, суффиксальный и постфиксальный способы словообразования, в именных СГ – суффиксация. На современном этапе развития языка достаточно активным становится компрессивное словообразование. Основной тенденцией СГ, как и языка в целом, является тенденция к концентрации и обобщению основных регулярных и продуктивных словообразовательных средств, в результате которого происходит забвение многих нерегулярных аффиксов, выпадение из языковой системы дублетных форм. Следовательно, в процессе развития языка реализация словообразовательного потенциала исходных слов получает более упорядоченную форму.

Семантическая парадигма СГ включает модели, в которой созданы определенные семантические места (состав СЗ) и которая состоит из лексических зон. Главным содержанием их развития является реализация структурно-семантического потенциала, сложившегося приблизительно к концу XIX в. В глагольных СГ развитие типовых СЗ в процессе словопроизводства характеризовалось следующими специфическими чертами: во-первых, заполнением пустых семантических мест новым значением свойства на периферийных ступенях деривации; во-вторых, получением регулярности образования некоторых значений, появлявшихся в единичных случаях. Регулярное образование видовых и возвратных глаголов обусловлено развитием грамматических категорий вида и возвратности. Расширение синтаксических валентностей глагольного слова способствовало возникновению производных со значением инструмента, субъекта, объекта действия и т.д. Развитие СЗ в субстантивных СГ обусловлено особенностями семантического состава исходного значения. В субстантивных гнездах набор СЗ увеличивался за счет формирования значений лица и признака, относящегося к предмету/явлению, названному исходным словом. Регулярное появление значений «женскость лица» связано с развитием категорий одушевленности/неодушевленности в языке. Пополнение схемы развития СЗ в субстантивных СГ происходит в результате формирования СЗ,

свойственных глагольной парадигме (имя отвлеченного действия, возвратные, видовые, пространственные, временные модификации и др.). В адъективных гнездах образуются типовые значения свойства и признака признака.

Увеличение словообразовательного потенциала слов проявляется в появлении новых лексических зон в структуре СГ. Многие производные слова СГ, возникшие на основе активного в деривационном отношении первого (стержневого) значения, объединяются в одну лексическую зону. Семантические изменения в значениях производных и производящих слов способствуют появлению новых лексических зон в структуре гнезда. Они возникают в результате реализации вторичных, в частности переносных, значений исходного слова, распада полисеманта на омонимы (в том числе и на квазиомонимы), различных семантических сдвигов в слове. В процессе языкового развития большинство лексических зон превращается в самостоятельные гнезда. Основная часть анализируемых современных СГ является исторически лексическими зонами одного глагольного гнезда.

Соотношение мотивированности и производности слов СГ в синхронно-диахроническом аспекте показало, что данные слова сохраняют в процессе языкового развития одно и то же производящее и мотивирующее. сохраняют производящее, но не имеют мотивирующее на современном этапе языка либо не имеют в современном языке ни производящего, ни мотивирующего.

Система формируемых в процессе гносеологической и номинативной деятельности концептов в когнитивной парадигме СГ базируется на особенностях исходного концепта, в первую очередь, на категориальной основе исходного слова. Когнитивная парадигма глагольных СГ представляет собой реализацию диктума актантно-предикатной рамки исходной пропозиции и включает концепты, ограничивающие пространственный, квантитативный, темпоральный компонент пропозиции либо называющие субъекта/аргумент исходного действия. Выделение отдельных постоянных и переменных компонентов пропозиции исходных глаголов является результатом достижения определенного уровня абстракции в процессе познания, при котором носитель языка фиксирует характер модификаций, происходящих в действительности, и отражает их в структуре СГ. В адъективных СГ, как и в глагольных, формируются концепты, называющие признак в отвлечении от его носителя. Когнитивная парадигма субстантивных СГ обусловлена лабильностью исходных слов и их генетической связью с

пропозицией исторически производящего глагола. В процессе гносеологической деятельности носитель языка использует различные мыслительные операции (синтез, ограничение, сравнение и др.), одна из которых является доминирующим при создании новых концептов. Ономаσιологическая структура производных слов отражает определенную концептуальную схему, основанную на базовых фреймах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная дериватология, следуя тенденциям лингвистического экспансионизма, выходит за рамки узкоструктурного анализа и интегрирует знания из смежных дисциплин, таких как когнитивная наука, психология, социология, история и культурология, для более полного и глубокого изучения процессов словообразования. Принцип антропоцентризма ставит в центр исследования человека как активного пользователя языка, чья когнитивная и коммуникативная деятельность определяет создание и функционирование новых слов, выражающееся в синтезе различных лингвистических подходов – структурного, семантического, функционального, когнитивного, исторического и социолингвистического – для всестороннего анализа словообразовательных явлений.

В работе были рассмотрены основные векторы развития словообразовательных исследований, включая различные подходы к изучению словообразования: синхронический и диахронический, семасиологический и ономасиологический.

Синхронический подход изучает язык в определенный момент времени, как статичную систему, фокусируясь на существующих словообразовательных отношениях. Диахронический подход исследует развитие языка во времени, изменения, происходящие в его системе, изучая историю возникновения и изменения словообразовательных элементов.

Семасиологический подход исходит от значения слова и изучает, как это значение выражается в форме, исследуя, какие словообразовательные средства используются для его выражения. Ономасиологический подход исходит от формы слова и изучает, какие значения она может выражать, исследуя, какие значения могут быть выражены с помощью определенной словообразовательной модели или аффикса. Была подчеркнута необходимость интегративного подхода, учитывающего взаимосвязь статики и динамики номинации, а также взаимосвязь формы и содержания.

Синхронно-диахронический аспект позволяет исследовать языковые факты в контексте как современности, так и истории, объясняя, почему существуют те или иные словообразовательные явления и какие процессы привели к их формированию. Семасиология, фокусируясь на внутренней

структуре языка и отвечая на вопрос «*как выразить данное значение?*», и ономаσιология, изучающая номинативную деятельность и отвечая на вопрос «*какие значения может выразить данная форма?*», дополняют друг друга, обеспечивая всесторонний анализ процессов номинации и позволяя увидеть взаимосвязь между формой и содержанием в словообразовании.

Структурно-семантические исследования, сформировавшиеся в рамках системно-структурной модели языка и тесно связанные с синхроническим, а также использующие элементы семасиологического и ономаσιологического подходов, акцентируют внимание на словообразовательной паре как основной единице анализа и комплексных единицах словообразования (категория, тип, цепь, парадигма, гнездо), рассматривая их в синтезе формальных и содержательных свойств. Анализ включает определение производящей основы, выделение словообразовательных аффиксов, определение словообразовательного значения, а также изучение организации словообразовательной системы на различных уровнях. Данный подход позволил выявить закономерности в соотношении формы и содержания в словообразовании и описать структуру словообразовательной системы языка в определённый момент времени.

Функциональные аспекты словообразовательной системы, в отличие от преимущественно статического структурно-семантического подхода, акцентируют внимание на динамике словообразовательных процессов, рассматривая их как деятельность, обусловленную коммуникативными потребностями и когнитивными процессами. Функциональный подход может быть реализован как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте, тесно связан с ономаσιологическим подходом и дополняет структурно-семантические исследования, объясняя функции существующих структур. В работе был рассмотрен ряд теорий:

□ изучающих словообразование в динамике и учитывающих переход от содержания к форме, включая теории словообразовательного синтеза, акцентирующие роль семантического согласования;

□ теории синтаксических и словообразовательных факторов, показывающие взаимодействие синтаксиса и словообразования;

□ теорию словообразования как деятельности, направляемой коммуникативными функциями;

□ и теории номинативной деривации и номинации, рассматривающие словообразование в контексте процесса наименования.

Рассмотренные теории позволяют понять, как и с какой целью создаются новые слова, как они функционируют в речи и как отражают когнитивные и коммуникативные потребности говорящих.

Когнитивный подход рассматривает словообразование как отражение когнитивных и концептуальных структур представления знаний, репрезентированных в производных словах. Он изучает, как процессы концептуализации, категоризации, метафоризации и метонимизации, а также когнитивные модели и схемы влияют на создание и интерпретацию новых слов. Словообразование рассматривается как часть языковой картины мира и как активный инструмент познавательной деятельности, позволяющий создавать, уточнять и дифференцировать понятия. Когнитивный подход дополняет структурно-семантический и функциональный подходы, объясняя мотивацию словообразовательных процессов с точки зрения когнитивных механизмов и потребностей.

Центральным объектом исследования стало словообразовательное гнездо (СГ) как отражение когнитивно-семантической организации слова. СГ, представляющее собой иерархически организованную совокупность однокоренных слов, связанных отношениями производности, позволяет исследовать, как концептуализация, категоризация, метафоризация и другие когнитивные процессы отражаются в языке.

Анализ СГ включает изучение словообразовательных пар, цепочек, парадигм, а также выделение лексико-семантических зон. СГ демонстрирует, как происходит семантическая деривация и как словообразовательные средства используются для выражения различных смысловых оттенков. Изучение СГ тесно связано со структурно-семантическим, функциональным, синхроническим и диахроническим подходами, позволяя получить полное представление о механизмах словообразования и его роли в когнитивной деятельности человека.

Были рассмотрены следующие аспекты словообразовательного гнезда (СГ) как центрального объекта исследования, отражающего когнитивно-семантическую организацию слова:

1. Концепт «гнездо» в лингвистике: были определены теоретические основы понятия СГ, базирующиеся на принципах системности, иерархичности, мотивированности и производности, что позволяет изучать не отдельные слова, а целые семантические и словообразовательные комплексы.

2. Формальная структура СГ: анализ показал развитие деривационного потенциала исходных слов в филогенезе, проявляющееся в увеличении СГ на уровнях синтагматики и парадигматики. Были выявлены различия в формальной парадигме СГ у исходных слов разной частеречной принадлежности: глагольные гнезда характеризуются многочисленностью и многоступенчатостью, что обусловлено богатыми возможностями глагольного словообразования; субстантивные – зависят от характера семантики исходного слова (конкретные существительные образуют более разветвленные гнезда); адъективные – формируют типовые значения свойства и признака признака. Была отмечена тенденция к концентрации и обобщению регулярных словообразовательных средств, что приводит к унификации формальной структуры СГ.

3. Семантическая организация СГ: были выделены две семантические модели: модель семантических мест (типовых словообразовательных значений, связанных с определенными аффиксами) и модель лексических зон (объединяющих слова по более общим семантическим признакам). Анализ показал относительную стабильность состава семантических мест и особенности их развития в глагольных, субстантивных и адъективных СГ. Было установлено, что семантические изменения в значениях слов способствуют появлению новых лексических зон и, в дальнейшем, – самостоятельных гнёзд. Было рассмотрено соотношение мотивированности (семантической связи) и производности (формального образования) в СГ, что позволяет более точно определить отношения между словами в гнезде.

4. Когнитивные модели и парадигмы СГ: когнитивная парадигма представляет собой набор когнитивных структур и систему концептов, развивающихся от исходного базового концепта. Были выявлены особенности когнитивной парадигмы глагольных (ориентированы на выражение действий, процессов и состояний), адъективных (связаны с выражением признаков и свойств) и субстантивных (отражают категоризацию объектов) СГ, связанные с характером категориальной основы. Была отмечена смена основных концептов в историческом развитии, обусловленная изменениями мировоззренческих установок. Ономастическая структура производных слов демонстрирует определённую концептуальную схему, структурированную базовыми фреймами, что позволяет понять, как словообразование отражает и формирует наше представление о мире.

Таким образом, проведенное исследование, сосредоточенное на словообразовательном гнезде (СГ) как ключевом объекте изучения когнитивно-семантической организации слова, позволило сделать ряд важных выводов о реализации когнитивно-номинативного потенциала анализируемых слов, проявляющийся в способности слов не только называть объекты и явления, но и отражать когнитивные процессы и структуры, находит свое выражение в трех основных аспектах СГ: формальной, семантической и когнитивной парадигмах.

Исследование показало, что формальная структура СГ динамично развивается в процессе филогенеза языка, демонстрируя тенденцию к увеличению как синтагматических (линейных связей), так и парадигматических (совокупности производных) отношений. Наблюдаются четкие различия в формальной организации СГ в зависимости от частеречной принадлежности исходного слова:

□ глагольные СГ отличаются наибольшей разветвленностью и многоступенчатостью, что обусловлено многообразием глагольных словообразовательных моделей, позволяющих выражать различные аспекты действия, состояния и процесса;

□ субстантивные СГ демонстрируют вариативность в зависимости от семантики исходного слова: конкретные существительные, как правило, порождают более обширные гнезда, чем абстрактные;

□ адъективные СГ характеризуются формированием типовых значений, связанных с выражением свойства и признака признака.

Важной тенденцией является стремление к унификации формальной структуры СГ за счет использования наиболее продуктивных и регулярных словообразовательных средств.

Семантическая структура СГ организована на основе двух взаимодополняющих моделей:

□ модель семантических мест, представляющая собой набор типовых словообразовательных значений, закрепленных за определенными аффиксами и словообразовательными типами, демонстрирует относительную стабильность, хотя и подвержена изменениям в зависимости от частеречной принадлежности исходного слова;

□ модель лексических зон, объединяющая слова в СГ по общности семантических признаков, позволяет выявить более общие смысловые связи, не всегда напрямую связанные с конкретными словообразовательными значениями.

Семантические изменения, происходящие в значениях слов, играют ключевую роль в формировании новых лексических зон и, в конечном итоге, могут привести к образованию новых, самостоятельных СГ. Исследование также подчеркнуло важность разграничения понятий мотивированности (семантической связи) и производности (формального отношения), показав, что не все семантически связанные слова являются производными друг от друга.

Когнитивная парадигма СГ представляет собой систему концептов и когнитивных структур, развертывающихся от исходного базового концепта. Анализ выявил специфику когнитивной организации СГ в зависимости от категориальной основы:

□ глагольные СГ ориентированы на репрезентацию динамических концептов, связанных с действиями, процессами и состояниями;

□ адъективные СГ отражают статические концепты, связанные с признаками, свойствами и качествами;

□ субстантивные СГ служат для категоризации объектов и явлений, отражая их классификацию и иерархию.

Исследование показало, что в историческом развитии языка происходит смена доминирующих концептов, что обусловлено изменениями в мировоззрении и когнитивных установках носителей языка. Ономастическая структура производных слов, организованная на основе базовых фреймов, демонстрирует, как словообразование участвует в формировании и структурировании нашего представления о мире.

Таким образом, исследование демонстрирует, что особенности реализации когнитивно-номинативного потенциала слов находят комплексное отражение в формальной, семантической и когнитивной организациях СГ. В процессе реализации этого потенциала прослеживаются четкие тенденции к регулярности, системности, нормативности и дифференциации категориальных основ. Специфика структуры СГ обусловлена сложным взаимодействием грамматических, семантических и когнитивных факторов, что подчеркивает системный и многоаспектный характер словообразования. Полученные результаты вносят существенный вклад в развитие современной дериватологии, углубляя наше понимание механизмов словообразования как одного из важнейших аспектов языковой системы и его роли в когнитивной деятельности человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Сулейменова Э.Д. Актуальные проблемы казахстанской лингвистики. – Алматы: Арыс, 2001. – 82 с.
- 2 Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. – М.: УРСС, 2001. – 225 с.
- 3 Жаналина Л.К. Номинация и словообразовательные отношения. – Алматы: АГУ им. Абая, 1993. – 180 с.
- 4 Шакенова М.Т. Реализация когнитивно-номинативного потенциала исходных слов с корнями *vert-, vort-, vьrt- в синхронно-диахронической перспективе. Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Павлодар, 2005. – 184 с.
- 5 Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. В 2-х т. т. 2. – М.: Изд. Акад. наук, 1963. – 319 с.
- 6 Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1939. – 223 с.
- 7 Крушевский И.В. Очерк науки о языке. – Казань: Типография унта, 1883. – 151 с.
- 8 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Соцэкгиз, 1933. – 272 с.
- 9 Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа// Основные направления структурализма. – М.: Наука, 1964. – С.46-127.
- 10 Будагов Р.А. Несколько замечаний о проблеме формы и значения в науке о языке// Восточнославянское и общее языкознание. – М.: Наука, 1978. – С.230-236.
- 11 Кубрякова Е.С. О понятиях синхронии и диахронии// Вопросы языкознания. – 1968. – № 3. – С.112-123.
- 12 Жаналина Л.К. Сопоставительное словообразование русского и казахского языков. – Алматы: РИК, 1998. – 154 с.
- 13 Косериу Э. Синхрония, диахрония и история// Новое в лингвистике. Проблема языкового изменения. Вып. IV. – М., 1968. – С.143-34.
- 14 Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка// О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – С.22-39.

- 15 Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание// Новое в лингвистике. Вып. III. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – С.95-106.
- 16 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1996. – 607 с.
- 17 Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
- 18 Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 686 с.
- 19 Трубачев О.Н. Синхрония, диахрония und Kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию)// Исследования по истории словообразования. – М.: Наука, 1994. – С.16-28.
- 20 Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. – Л.: Наука, 1987. – 207 с.
- 21 Тихонов А.Н. Образование наречий в синхронном освещении// Труды Самаркандского педагогич. института им. С.Айни. Новая серия, 1969. – Вып. 170. – С.15-27.
- 22 Немченко В.Н. О диахронии и синхронии в словообразовании// Филологические науки. - 1985. - № 5. С.49-53.
- 23 Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
- 24 Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. – Казань: Изд. Казанского ун-та, 1987. – 151с.
- 25 Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. – М.: Наука, 1969. – 230 с.
- 26 Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247с.
- 27 Азарх Ю.С. К истории существительных с суффиксами субъективной оценки в русском языке// Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1980. – С.132-145.
- 28 Лексикология и словообразование древнерусского языка. – М.: Наука, 1966. – 311 с.
- 29 Крылова Н.Ф. Прилагательные на –кий в синхронно-диахроническом аспекте// Функционирование языков в Республике Казахстан. – Алматы: Изд. АГУ, 1993 – С. 32-39.
- 30 Улукханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования// Исследования по историческому словообразованию. – М.: Наука, 1994. – С. 3-16.

- 31 Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5-21.
- 32 Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
- 33 Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высшая школа, 1984. – 255 с.
- 34 Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1968. – 310 с.
- 35 Жаналина Л.К. Подготовка учителя билингва в педагогическом вузе/ Учебное пособие. – Алматы: Ана тілі, 1993. – 192 с.
- 36 Гейгер Р.М. Проблемы анализа словообразовательной структуры и семантики в диахронии и синхронии. – Омск: Изд. Омского ун-та, 1986. – 80 с.
- 37 Крылова Н.Ф. Словообразование прилагательных на -кий в русском языке (синхронно-диахронический аспект): дисс. ... канд. филол. наук: 11.09.1999. – Алматы: АГУ, 1999. – 159 с.
- 38 Овчинникова А.К. Моделирование номинативных рядов глаголов, обозначающих деятельность лица (синхронно-диахронический аспект): автореф. ... канд. филол. наук: 18.02.03. – Минск: БГУ, 2003. – 20 с.
- 39 Лукин М.Ф. К вопросу о взаимосвязи синхронии и диахронии в словообразовании// Филологические науки. – 1999. – № 5. – С.89-99.
- 40 Жаналина Л.К. О понятиях синхронии и диахронии в словообразовании// Исследования по истории и диалектологии русского языка. – Алматы: Изд. КазПИ, 1990. – С.96-102.
- 41 Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке// Русский язык в школе. – 1977. – № 3 – С.11-16.
- 42 Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. – Киев: Фитоцентр, 2000. – 248 с.
- 43 Даниленко В.П. Ономазиологическое направление в истории грамматики// Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С.108 – 132.
- 44 Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд. иностр. лит., 1958. – 404 с.
- 45 Березин Ф.М. История лингвистических учений. – М.: Высшая школа, 1984. – 319 с.
- 46 Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
- 47 Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории русского словообразования. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1979. – 242 с.

48 Языковая номинация. Общие вопросы. Ред. Б.А. Серебренников и др. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

49 Кубрякова Е.С. Словосложение как процесс номинации и его отличительные формальные и содержательные характеристики// Теоретические основы словосложения и вопросы создания сложных лексических единиц. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988. – С.3-23.

50 Полюжин М.М., Омельченко Л.Ф. Функциональное словосложение и префиксальные ономаσιологические категории в английском языке. – Ужгород, 1997. – 99 с.

51 Гак В.Г. К типологии лингвистической номинации// Языковая номинация номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С.230-293.

52 Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 1992. – 148 с.

53 Аспекты семантических исследований/ Отв. Ред. Н.Д.Арутюнова. – М.: Наука, 1980. – 356 с.

54 Жаналина Л.К. Современное направление функционального слово-образования// Теория русского словообразования. – Алматы: Изд. АГУ, 1997. – С.3-10.

55 Арутюнова Н.Д. Предложение и смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

56 Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.

57 Казкенова А.К. Заимствование как способ номинации: дисс. ... канд. филол. наук: 26.12.00. – Алматы: АГУ, 2000. – 190 с.

58 Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.

59 Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

60 Соссюр Ф.де. Курс общей лингвистики. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

61 Жаналина Л.К. Номинация и словообразовательные отношения. – Алматы: АГУ им. Абая, 1993. – 180 с.

62 Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.

63 Будагов Р.А. Филология и культура. – М.: Изд. МГУ, 1980. – 304 с.

64 Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – 565 с.

65 Зенков Г.С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности ее описания: автореф. ... доктора филол. наук: 20.05.93. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1993. – 49 с.

66 Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. – М.: Наука, 1965. – 78 с.

67 Лопатин В.В., Улуханов И.С. К соотношению единиц словообразования и морфологии// Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – С. 119-132 с.

68 Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. – М.: Наука, 1977. – 315 с.

69 Земская Е.А. О комплексных единицах системы синхронного словообразования// Актуальные проблемы русского словообразования. Под ред. А.Н. Тихонова. – Ташкент: Укитувчи, 1978. – С.29-36.

70 Каде Т.Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1993. – 166 с.

71 Балалыкина Э.А., Николаев Т.А. Русское словообразование. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1985. – 184 с.

72 Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове// Филологические науки. – 1996. — № 1. – С.55-67.

73 Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992.- 220 с.

74 Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования// Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1. – М.: Русский язык, 1985. – С.18-52.

75 Тихонов С.А. Отглагольные словообразовательные цепочки в современном русском языке (на материале глаголов созидания и разрушения): автореф. ... канд. филол. наук: 14.02.84. – М.: Ун-т Дружбы народов, 1984. – 18 с.

76 Таджибаев Б.Б. Типология отадъективных словообразовательных цепочек в современном русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. - 29.10.87. – М.: Инст-т рус. яз. АН СССР, 1987. – 19 с.

77 Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: РАН, 1996. – 222 с.

78 Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

79 Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию// Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С.419-443.

80 Кубрякова Е.С. Семантика производного слова// Аспекты семантических исследований. - М.: Наука, 1980. - С.81-156.

81 Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд. Томского ун-та, 1996. – 219 с.

82 Кронгауз М.А. Семантика. - М.: РГГУ, 2001. – 399 с.

83 Ермакова О.П. Лексическое значение производных слов в русском языке. - М.: Русский язык, 1984. – 151 с.

84 Жаналина Л.К. Словообразовательное значение с интегративных позиций// Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 67-79.

85 Современный русский язык/ Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – 799 с.

86 Пастушенков Г.А. Структура слова: Единицы структурно-функционального плана. – Калинин: Изд. Калининского ун-та, 1978. – 84 с.

87 Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд. иностр. лит., 1955. – 416 с.

88 Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: К теории частей речи// Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд. иностр. лит., 1962. – С. 57-71.

89 Русская грамматика. Т.1. - М.: Наука, 1980. – 709 с.

90 Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус// Известия РАН. Сер. лит. и яз. - 1994. - Т.53. - № 2. - С.5-13.

91 Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

92 Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование// Языковая номинация: Виды наименований. - М.: Наука, 1977. – С.222-304.

93 Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. - Л.: Изд. ЛГУ, 1985. – 185 с.

94 Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979. – 264с.

95 Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М.: Изд. МГУ, 1980. – 167 с.

96 Земская Е.А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем// Морфемика. Принципы и методы системного описания. – Л.: Изд. ЛГУ, 1987. – С.65-72.

- 97 Катлинская А.П. Функциональное словообразование (актуальные процессы словопроизводства): автореф. ... доктора филол. наук: 28.11.87. – М.: Инст-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1987. – 42 с.
- 98 Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
- 99 Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 115 с.
- 100 Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: Изд. Воронеж. ун-та, 1980. – 148 с.
- 101 Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск: Высшэйшая школа, 1985. – 157 с.
- 102 Жаналина Л.К. Реализация формулы номемы в производных словах// Активные процессы в русском словообразовании. – Алматы: КазПИ им. Абая, 1987. – С.55-61.
- 103 Жаналина Л.К. Номинация как форма речевой деятельности/ Дисс. д-ра филологич. наук. – Алматы, 1993. – 310 с.
- 104 Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формы его объективации) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 1999. – т.58. – 5-6. – С.3-12.
- 105 Позднякова Е.М. Новые задачи исследования композиционной семантики производного слова в рамках когнитивно-дискурсивного направления// С любовью к языку: Посвящается Е.С. Кубряковой. – М. – Воронеж, 2002. – С.213-219.
- 106 Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
- 107 Бюллер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
- 108 Хомский Н. Логические основы лингвистической теории// Новое в лингвистике. Вып.4. – М.: Изд. иностр. лит, 1965. – С. 46-89.
- 109 Филлмор Ч. Фреймы и их семантика понимания// Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып.23. – М.: Прогресс, 1988. – С.52-93.
- 110 Филлмор Ч. Дело о падеже// Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып.10. – М.: Прогресс, 1981. – С.369-496.
- 111 Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
- 112 Лангакер Р. Когнитивная грамматика. – М.: ИНИОН, 1992. – 56 с.

113 Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов// Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып. 23 – М.: Прогресс, 1988. – С.12-52.

114 Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

115 Чейф У. Значения и структура языка// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. – М., 1975. – С.233-269.

116 Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях// Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С.68-79.

117 Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Наука, 1997. – 330 с.

118 Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

119 Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции// Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика. Вып. 13. – М., 1982. – С.5-41.

120 Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

121 Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.

122 Кубрякова Е.С. Новые пути исследования феномена значения в современной лингвистике// Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. В 2-х ч. – М.: РУДН, 1997. – Ч. 1. – С.61-62.

123 Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики// Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С.84- 90.

124 Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу// Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С.126-136.

125 Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность// Язык и когнитивная деятельность. – М.: Наука, 1989. – С.8-19.

126 Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний// Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН, 1992. – 164 с.

127 Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивный аспект языковой категоризации. – Иркутск, 1996. – 160 с.

- 128 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд. МГУ, 1996. – 160 с.
- 129 Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. – Алматы: Ғылым, 1997. – 176 с.
- 130 Гиздатов Г.Г., Шеляховская Л.А. Когнитивные структуры и процесс словопроизводства// Проблемы функциональной лингвистики. – Алматы: Изд. АГУ, 1993. – С.3-11.
- 131 Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (Когнитивный аспект исследования). – М. – Тамбов, 1999. – 110 с.
- 132 Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: автореф. ... доктора филол. наук: 16.02.99. – М.: Институт языкознания РАН, 1999. – 41 с.
- 133 Жаботинская С.А. Ономаσιологические модели в свете направлений когнитивной лингвистики// С любовью к языку: Посвящается Е.С.Кубряковой. – М. -Воронеж, 2002. – С.115 – 213.
- 134 Селиванова Е.А. Мотивационные процессы в концептосфере русского языка// Русское слово в мировой культуре: Русский текст и русский дискурс сегодня. – Конгресс МАПРЯЛ. – СПб, 2003. – С.154-161.
- 135 Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285с.
- 136 Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения// Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.3-9.
- 137 Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
- 138 Гумбольдт В. фон. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- 139 Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С.141-173.
- 140 Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С.42-72.
- 141 Вендина Т.И. Русская языковая картина сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 238 с.
- 142 Нифанова Т.С. Словообразовательная модель как способ концептуализации свойств природных явлений// Проблема концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – Архангельск. – С.131-138.

143 Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений// Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С.85-109

144 Попова А.О. Когнитивная метафора и ее типы: автореф. ... канд. филол. наук: 18.03.03. – Донецк, 2003. – 20 с.

145 Жаналина Л.К. Когнитивно ориентированные функциональные теории в русском языкознании// Функциональная грамматика с позиции когнитологии. – Алматы: АГУ, 1999. – С.3-14.

146 Гуденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры// Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С.19-36.

147 Тихонов А.Н. Лексико-семантические и грамматические проблемы изучения словообразовательного гнезда// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1978. – С.3-13

148 Греч Н. Чтения о русском языке. Ч.1.- СПб: Типография Н. Греча, 1840 – 336 с.

149 Шишков А.С. Рассуждения о новом и старом слоге российского языка. – СПб: Император. типография, 1803. – 455 с.

150 Даль В.И. Напутное слово// Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. - М.: Русский язык, 1989. – С.XXI-XXXVII.

151 Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М.: Наука, 1977 – 312 с.

152 Тихонов А.Н. Гнездовой толковый словарь русского языка// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1978 – С.6-12.

153 Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. – М.: Наука, 1984 – 255 с.

154 Варбот Ж.Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнезд// Вопросы языкознания. – 1967. – № 4. – С.67-75.

155 Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VIII// Этимология. 1978. – М.: Наука, 1980. – С.19-25.

156 Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. – М.: Наука, 1980 – 294 с.

157 Гинзбург Е.Л. Понятие словообразовательного гнезда// Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь: Изд. Пермского ун-та, 1974 – С. 35-41.

158 Кеворкова З.Г. Опыт описания словообразовательного гнезда *свет* как лексической микросистемы: дисс. ... канд. филол. наук: 20.09.85. – М.: Инст-т рус. яз. АН СССР, 1985. – 246 с.

159 Зализняк А.М. Смысловые подгнезда в словообразовательном гнезде *бить*// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1978. – С.128-132 .

160 Фургель И.А. Типы семантических отношений в словообразовательном гнезде: автореф. ... доктора филол. наук: 10.12.98. – Томск: Томский гос. ун-т, 1988 – 18 с.

161 Тихонов А.Н. Словообразование и корневые гнезда слов// Восточно-славянское и общее языкознание. – М.: Наука, 1978. – с.270-275.

162 Бочкарева Г.А. Корневые гнезда слов в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 18.04.89. – М.: Инст-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1989. – 160 с.

163 Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка/ Ред. И.А. Ширшов. – Грозный, 1991. – 175с.

164 Гвоздева Е.В. Гнездо с вершиной *конец* как системно-структурное целое. – М.: Прометей, 1999. – 171с.

165 Озерова Е.А. Гнездо с вершиной *коса* как структурно-семантическое целое: автореф. ... канд. филол. наук: 24.11.02. – М.: Инст-т рус. яз. РАН, 2002. – 23 с.

166 Дударов Л.М. Словообразовательное гнездо с вершиной *мешать* как система: автореф. ... канд. филол. наук: 15.09.00. – М.: Инст-т рус. яз. РАН, 2000.- 16 с.

167 Кузьмина Е.Б. Словообразовательное гнездо с вершиной *мереть*: история и современность: автореф. ... канд. филол. наук: 17.05.98. – М.: Инст-т рус. яз. РАН, 1998. – 17 с.

168 Иванова А.В. Гнездо с вершиной *-каз-* как системно-структурное образование: автореф. ... канд. филол. наук: 11.10.99. – М.: Инст-т рус. яз. РАН, 1999. – 15 с.

169 Кодухов В.И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979. – 351с.

170 Штерн И.Б. Структура суффиксального гнезда: автореф. ... канд. филол. наук: 21.02.71. - Киев, 1971. – 17с.

171 Белокриницкая С.С. Классификация словообразовательных гнезд от непроизводных имен существительных в русском языке// Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С.258-266.

172 Смирнова Г.А. Типология отадъективных гнезд// Аспекты лингвистического анализа. – М.: Наука, 1972. - С. 245 – 258.

173 Альтман И.В. Особенности отглагольных гнезд в русском языке// Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1971. – С.245-257.

174 Казак М.Ю. Частеречная структура гнезд однокоренных слов// Словообразовательное гнездо и принципы его описания. – М., 1997. – С.11-13

175 Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: автореф. ... канд. филол. наук. – М.: Институт рус. яз. АН СССР, 1970. – 60с.

176 Исабекова Г.А. Формально-семантическая структура словообразовательных гнезд глаголов говорения: дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата: КазГУ, 1993. – 189 с.

177 Шарофиддинов К. Словообразовательные гнезда глаголов движения в современном русском языке: автореф. ... кандидата филол. наук: 15.04.80. – М.: Институт рус. яз. АН СССР, 1980. – 23 с.

178 Эглит Л.В. Неологизмы в структуре словообразовательных гнезд: автореф. ... канд. филол. наук: 13.03.90. – М.: НИИ преподав. Рус. яз. В нац. Школе АПН СССР, 1989. – 18 с.

179 Абжанова Д.А. Словообразовательные гнезда с семой "падать" и "каузировать"// Активные процессы в русском словообразовании. – Алма-Ата: КазПИ, 1987. – С.50-55.

180 Ширина Л.И. Словообразовательное гнездо как лексико-семантическая группа// Актуальные проблемы лексикологии. – Минск, 1970. - С.219-220.

181 Гильманова Р.Г. Структура словообразовательного гнезда полисемантических прилагательных объемно-пространственного значения// Активные процессы в русском словообразовании. – Алма-Ата: КазПИ, 1987. – С.66-69.

182 Гильманова Р.Г. Многозначное слово в структуре словообразовательного гнезда современного русского языка// Вопросы русского словообразования. – Алма-Ата: КазПИ, 1982. – С.59-62.

183 Шеляховская Л.А. Основные направления современных исследований по русскому словообразованию// Активные процессы в русском словообразовании. – Алматы, 1987. – С.4-10.

184 Огай О.Н. Формально-семантические связи слов в СТ временных и пространственных наречий: автореф. ... канд. филол. наук: 15.03.95. – М: Институт рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1995. – 19 с.

185 Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.

186 Кильдибекова Т.А., Миниярова И.М., Газизова Р.Ф., Убийко В.И. Функциональное словообразование русского языка. – Уфа: Изд. Башкир. гос. ун-та, 1997. – 116 с.

187 Попова М.Т. О возможностях функционального аспекта словообразовательного гнезда// Словообразовательное гнездо и принципы его описания. - М., 1997. – С.48-49.

188 Попович О.А. Модификация значений исходного слова в многоступенчатой структуре словообразовательного гнезда (на материале глагола вести): дисс. ... канд. филол. наук: 11.11.98. – Алматы: АГУ, 1998. – 152с.

189 Шакенова М.Т. Словообразовательное гнездо как средство концептуализации картины мира (на материале слов с корнем *vort-)// Вестник КазНПУ им. Абая. Серия филологическая. – 2004. №2 (8) – С.24-27.

190 Васильченко С.М. Словообразовательное гнездо в семасиологическом и ономасиологическом аспектах// Словообразовательное гнездо и принципы его описания. – М., 1997. – С.42-44.

191 Закарьян М.М. К методике анализа словообразовательного гнезда// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1980. – С.86-91.

192 Авина Н.Ю. Развитие словообразовательного гнезда в русском языке XI - XX в.в. (на материале названий животных): дисс. ... канд. филол. наук: 24.12.87. – М.: Инст-т русского языка АН СССР, 1987. – 222 с.

193 История словообразовательного гнезда корона// Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент: Укитувчи, 1978. – С.258-263.

194 Монастыренко З.А. Диахронический аспект изучения словообразовательного гнезда// Исследования по истории и диалектологии русского языка. – Алматы: КазПИ, 1990. – С.122-127.

195 Шакенова М.Т. Опыт реконструкции этимологического гнезда с праславянским корнем *vert-, *vort-, *vȳrt-// Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2003. № 9 (71). – С.37-41.

196 Шакенова М.Т. Производность и мотивация префиксальных глаголов с праславянским корнем *vort- (синхронно-диахронический аспект)// Поиск. Серия гуманитарных наук. – 2004. №2. – С.97-101.

197 Юдина О.В. Семантическая эволюция слов с праславянским корнем *rud в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 12.09.00. – Калининград, 2000. – 169 с.

198 Шаброва Е.Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания. – СПб: Филол. фак-т С-Петербур. гос. ун-та, 2002. – 86 с.

199 Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1968. Т.III. – 551 с.

200 Ермакова Д.Ф. Опыт изучения словообразовательного потенциала лексико-семантической группы: синхрония и диахрония: дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата: КазГУ, 1992. – 190 с.

201 Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В2-х т. – М., Русский язык, 1985

202 Словарь русского языка. В4-х т./ Гл. редактор А.П. Евгеньева/ М.: Русский язык, 1981

203 Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984

204 Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)/ Гл. ред. Р.И. Аванесов, И.С. Улукханов. – М.: Русский язык, 1989 (т.2-3), М.: Институт русского языка РАН, 2002 (т.5)

205 Словарь русского языка XI-XVII вв./ Гл. ред. С.Г. Бархударов. – М., 1975 –2002

206 Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. В 3-х т. – М., 1989

207 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978

208 Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3. – Л.: Наука, 1987

209 Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. Ч. VI. – СПб, 1822

210 Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам пермских деловых документов XVII-XVIII в.в.) / Сост. Л.М. Любимова, Г.А. Христоченко – Чита: ЗабГПУ им И.Г. Чернышевского, 2003. – т.1. – 350 с.

211 Словарь пермских памятников XVI-XVIII в.в./ Сост. Е.Н. Полякова. –Пермь: Изд. Пермского университета, 1993. – Вып. 1. – 159 с.

212 Словарь русской народно-диалектологической речи в Сибири XVII- первой половины XVIII в. / Сост. Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. – 181 с.

213 Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла российской империи. – М.: Русский язык, 1998. – 240 с.

214 Словарь народно-разговорной речи г. Томска. XVII – н. XVIII в.в./ Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. – Томск.: Изд. Томского ун-та, 2002. – 336с.

215 Региональный исторический словарь XVI-XVIII в.в. (по памятникам письменности Смоленского края)/ Отв. ред. Е.И. Борисова. – Смоленск, 2000. – 368 с.

216 Словарь церковнославянского и русского языка/ Составл. вторымъ отдѣленіемъ императорской Академии наукъ. Т.1,2. – Спб, 1867

217 Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф.П. Филин. – М., 1966-1980

218 Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х г.г./ Под ред. Н.З.Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 808с.

219 Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы встречались: Толковый словарь общего жаргона/ Под общ. ред. Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.

220 Потиха З.А. Школьный словарь строения слов русского языка. Изд. 2, испр. – М.: Просвещение, 1987. – 319 с.

221 Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М.: Русский язык. – 1136 с.

222 Трубачев О.С. Задачи этимологических исследований в области славянских языков// Актуальные проблемы славяноведения. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1961 – С.202-211.

223 Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 400 с.

224 Лопушанская С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. – Волгоград: ВПИ: ВГУ, 1990. – 114 с.

225 Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.

226 Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М.: Наука, 1971. – 300 с.

227 Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М.: Просвещение, 1981. – 257 с.

228 Янко-Триницкая К.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1962. – 233 с.

229 Нефедьев М.Ф. Заметки о развитии с словообразовательных типов (на примере глаголов с приставкой об-) // Вопросы языкознания. – 1995. – 6. – С.90-95.

230 Нефедьев М.Ф. Семантическая эволюция глагольных приставок на- и об- в истории русского языка XI-XVIII вв.// Вопросы языкознания. – 1999. – 4. – С.73-83.

231 Сабитова З.К. Определенность / неопределенность подлежащего древнерусского языка// Функциональная лингвистика: состояние и перспективы. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2003. – С.137-143.

232 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Наука, 1986.

233 Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. – М., 1999.

234 Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. – М., 1959.

235 Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971.

236 Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964 – 243 с.

237 Kaliszan Jerzy. Омонимия производных слов в русском языке. – Poznan, 1997. – 145 с.

238 Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях// Семиотика и информатика. Вып. 36. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С.324 – 387.

239 Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова// Вопросы языкознания. – 1998. – 3. – С.43-74.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1 Актуальные векторы развития словообразовательных исследований	5
1.1 Подходы к изучению словообразования: синхрония, диахрония, семасиология, ономасиология.....	5
1.1.1 Временные аспекты: синхронический и диахронический анализ	6
1.1.2 Семасиологические и ономасиологические подходы к словообразованию	17
1.2 Структурно-семантические исследования в дериватологии.....	27
1.3 Функциональные аспекты словообразования	37
1.4 Когнитивный подход в словообразовании	43
2 Когнитивно-номинативный потенциал исходного слова и его реализация в словообразовательном гнезде	55
2.1 Концепт «гнездо» в лингвистике: теоретические основы	55
2.2 Формальная структура словообразовательного гнезда	69
2.3 Семантическая организация словообразовательного гнезда.....	82
2.3.1 Систематизация словообразовательных значений	82
2.3.2 Лексические зоны в составе словообразовательного гнезда..	107
2.3.3 Мотивированность и производность слов	119
2.4 Когнитивные модели и парадигмы словообразовательного гнезда.....	125
Заключение	141
Список использованных источников	147

Шакенова Майгуль Тулегеновна

**Словообразовательное гнездо: от семантических
основ к когнитивным парадигмам**
Монография

Формат бумаги 70/100 1/16

Бумага офсетная 80 г/м².

Гарнитура «Таймс нью роман».

Усл. печ. л. 8. Тираж 100 экз. Заказ № 025

© Издание Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова

Издательский центр ЮКУ им. М. Ауэзова, г. Шымкент,
пр. Тауке хана, 5

